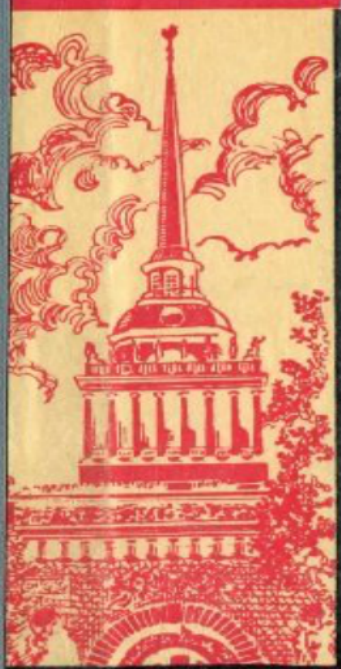
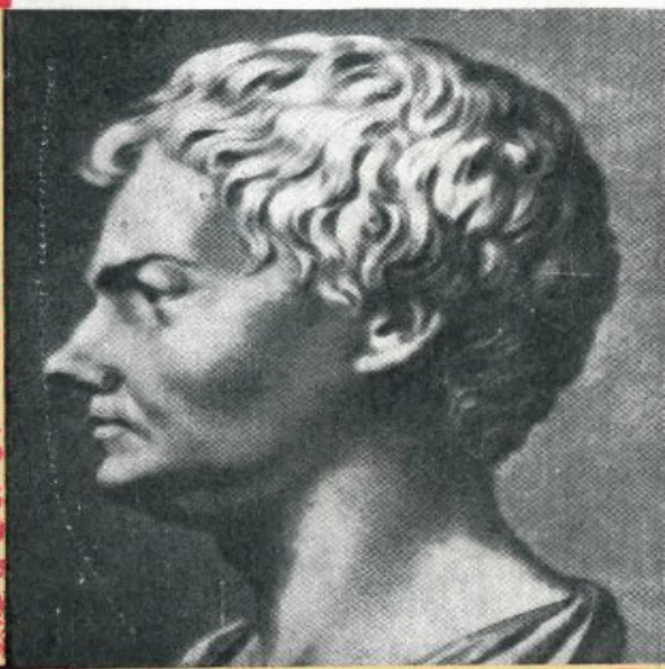
МИРАНДА





И. Лаврецкий

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о Себастьяне-Франсиско Миранде - венесуэльском революционере, генералиссимусе, а затем - диктаторе.

-
-
-
-
-
-
-
-
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСИСКО МИРАНДЫ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2

Francisco de Miranda

ТЩЕСЛАВНЫЙ КАНАРЕЦ И ЕГО СЫН

История не сохранила для потомства точной даты приезда уроженца Канарских островов дона Себастьяна Миранды-и-Равело в столицу испанской колонии Венесуэлы — Каракас. Это произошло, должно быть, в 40-х годах XVIII века. Мы не располагаем ни его портретом, ни даже датой его рождения. Дон Себастьян принадлежали торговому сословию, на которое с презрением взирали испанские дворяне — идальго, считавшие ниже своего достоинства заниматься торговлей, ремеслами, трудиться.

Однако Дон Себастьян был человеком честолюбивым и упорным. В душе он сознавал, что ни в чем не уступает идальго, и его мечтой было стать одним из них: иметь свой герб, носить дворянский камзол, шпагу, поступить на королевскую службу, обзавестись доходной недвижимой собственностью.

Перейти из низменного торгового сословия в благородное дворянское в Испании XVIII века было не так легко. Для этого требовались деньги, много денег, а заработать их честолюбивому канарцу было легче не у себя на родине, где таких, как он, были тысячи, в колониях, заморских владениях Испании.

Древние римляне говорили, что осел, груженный золотом, способен открыть ворота любой крепости. В XVIII веке заткнуть прорехи в испанской казне уже не Могли ни богатейшие золотые прииски Перу, ни серебряные копи Мексики, ни алмазные россыпи Новой Гранады, как тогда называли Колумбию. Чтобы добыть деньги, король продавал государственные должности в метрополии и в колониях, дворянские титулы, ордена, воинские звания. За деньги можно было добиться у короля и его министров почестей и званий.

Столь же бойко торговали своим «товаром» и церковники. Они продавали приходы и епархии, к которым были приписаны земельные угодья и доходные дома. Кардиналы, епископы и аббаты торговали отпущением грехов, за соответствующую мзду выдавали пропускные грамоты в райскую обитель, снабжали блудниц сертификатами непорочности, снимали эпитимии. Даже иквизиторов можно было подкупить, более того, инквизиторы охотились за богатыми отступниками и со спокойной совестью приписывали своим невинным жертвам вымышленные обвинения, лишь бы завладеть их состоянием.

Такие же порядки господствовали и в испанских колониях Америки, где наместники испанского монарха — вице—короли, губернаторы, алькальды, генералы иепископы, — в свою очередь, торговали должностями помельче.

Колониальное общество напоминало своеобразную сословную пирамиду, основание которой составляли бесправные рабы-негры и столь же бесправные, хотя и считавшиеся вольными людьми, индейцы. Ступенькой выше находились те, в ком была примесь испанской крови, — метисы и мулаты, еще выше белая или почти белая беднота: пастухи, мелкие крестьяне, ремесленники, над ними — белые уроженцы колоний — креолы и испанцы — мелкие и крупные торговцы, затем шла креольская аристократия — потомки конкистадоров — богатые помещики и плантаторы. Они верховодили в находившихся под наблюдением испанских властей городских самоуправлениях — кабильдо, занимали командные должности в войсках ополчения — милиции, которая была создана для охраны колоний от набегов пиратов и налетов англичан, голландцев, французов — исконных врагов Испании.

Наиболее богатые представители креольской аристократии покупали себе и своим потомкам у испанской короны дворянские титулы — графов, князей и маркизов - и очень гордились ими. Своих детей они посылали учиться в Мадрид, где их принимали при дворе. Заискивающие перед испанской короной креольские аристократы тем не менее считали испанских колониальных чиновников узурпаторами, а себя законными хозяевами колоний, которые были завоеваны их предками. В Венесуэле их называли мантуанцами, от испанского слова «Мантилья» — нарядная шаль, носить которую разрешалось только дамам знатного происхождения. Самых богатых из них именовали «большими какао», им принадлежали крупнейшие плантации этого продукта. Заносчивые и спесивые, они свысока смотрели на остальные сословия.

Социальную пирамиду венчала испанская колониальная

администрация, возглавляемая вице-королем, губернатором или командующим военными силами - генерал-капитаном, в зависимости от того, являлась ли колония вице—королевством, губернаторством или военным округом. В правящую верхушку входила также церковная иерархия.

Колониальная администрация и церковная иерархия почти сплошь состояли из «европейских испанцев», которые так назывались в противовес «американским испанцам» — креолам. «Европейские испанцы», в свою очередь, считали себя единственно законными хозяевами колоний и смотрели свысока на мантуанцев и прочие сословия. Свое пребывание в колониях они использовали для обогащения любыми средствами: брали взятки, нещадно эксплуатировали индейцев, которые им были непосредственно подчинены, занимались контрабандой, хотя испанские чиновники приезжали в колонии только на срок своей службы, но некоторые из них женились на дочерях богатых креолов и, получая в приданое поместья и плантации, оседали в колониях.

Люди из более низкого сословия или касты, как сословия назывались в колониях, мечтали пробиться в более высокое сословие. Разбогатевшие ремесленники мечтали попасть в торговое сословие, а разбогатевшие торговцы — в число мантуанцев, мантуанцы же мечтали занять руководящие должности в колониальной администрации.

Труднее всего было попасть в аристократическую касту мантуанцев. Мантуанцы причисляли себя к белой расе. Они с презрением относились к неграм имулатам. Другого нельзя было и ожидать от рабовладельцев. Чтобы стать настоящим мантуанцем, необходимо было не только обладать крупным состоянием, но и доказательствами того, что претендент является человеком белой расы без какой—либо примеси негритянской или индейской крови. Такими доказательствами служили сертификаты о благородном происхождении и «чистоте крови», которые выдавались за огромные деньги испанскими властями в Мадриде и подписывались лично королем.

Хотя сертификаты запрещали кому бы то ни было подвергать сомнению или оспаривать их содержание, потомственные мантуанцы, высокомерию которых не было предела, новичков, получивших доступ в их касту, зачастую подвергали «социальному» бойкоту и даже требовали от короля отмены сертификатов. Протесты против выдачи сертификатов рассматривались различными королевскими инстанциями годами, заставляя новоявленных аристократов нести новые колоссальные расходы. Ведь для того, чтобы выиграть такую

тяжбу, следовало нанять адвоката в Мадриде и задобрить ненасытных королевских чиновников.

Дело неоднократно кончалось тем, что обладатель сертификата выигрывал тяжбу и становился мантуанцем, но ценой всего своего состояния. Тревоги и волнения, связанные с перипетиями этих процессов, иногда сводили претендента на— тот свет еще до того, как ему удавалось получить из Мадрида вновь заверенный королевской печатью и скрепленный громадными сургучными печатями заветный сертификат.

Венесуэла не считалась испанцами богатым владением, в ней не было ни алмазных россыпей, ни золотых или серебряных приисков в том количестве, в каком они имелись в Перу или Мексике. Основным богатством Венесуэлы было животноводство, кофе,какао, индиго, Продукты животноводства _ шкуры изнаменитое тасахо — сушеное мясо — сбывались в другие колонии, колониальные же продукты вывозились в Испанию. Но внешняя торговля этими товарами находилась под контролем испанских чиновников, в карманах которых оседала львиная доля доходов от их продажи. В этих условиях сколотить крупное состояние могли только большие латифундисты — плантаторы, на землях которых работали сотни рабов—негров, завезенных из Африки, или удачливые и хитрые коммерсанты, в услугах которых нуждались как испанские чиновники, так и местные помещики.

Куда быстрее можно было добиться богатства, занимаясь контрабандой. Обширное побережье Венесуэлы обращено к Карибскому морю, в котором рассыпано бесчисленное множество больших и малых островов, захваченных соперниками Испании — Англией, Францией, Голландией. На этих островах свили себе гнезда пираты, корсары, контрабандисты. Они продавали венесуэльцим английские и голландские ткани, французские предметы роскоши и покупали у них колониальные продукты по более высокой цене, чем это делали испанские монополисты.

Жизнь испанских чиновников и богатых креолов в Каракасе сводилась к четырем действиям: кушать, спать, молиться и гулять. С часа до трех пополудни все замирало, и город погружался в сиесту — спячку, нарушить которую считалось величайшей бестактностью. Однажды в час сиесты во дворец генерал—капитана явился какой-то человек с просьбой. Он долго стучался в дверь, которую ему, наконец, открыл адъютант генерал-капитана. Адъютант был до того возмущен, что его начальника потревожили во время сиесты, что выстрелил в нарушителя священного обычая и убил его наповал.

Изредка в городе проводилась коррида — бой быков или

устраивались петушиные бои, но основным развлечением каракасцев были религиозные праздники и церковные процессии, что, впрочем, не мешало некоторым из них тайно читать произведения философов-еретиков — Декарта, Гоббса, Гассенди, Вольтера, получаемые черсз контрабандистов. Эти произведения, в которых ниспровергались церковные догматы и подтачивались устои абсолютной, монархии, пользовались большим спросом в семьях богатых креолов, выражавших таким образом свое недовольство господством испанских колонизаторов и действиями ненавистной инквизиции.

Иногда недовольство креолов и других сословий политикой колониальных властей принимало форму бурных протестов, перераставших в восстания. Одним из них было выступление в 1748 году колонистов под руководством местного судьи Леона против деятельности Гипускоанской (баскской) компании, которой испанские власти запродали монопольные права на торговлю с Венесуэлой. Леона поддержали десятки тысяч местных жителей. Испанским властям при помощи обещаний и угроз сравнительно легко удалось справиться с Леоном и его последователями и сурово наказать зачинщиков.

Однако в середине XVIII века в колониях никто еще не помышлял об отделении от Испании и провозглашении независимости. Даже наиболее ярые противники испанцев не шли дальше мечты о получении автономии в рамках Испанской империи. Жителям колоний существовавший порядок казался извечным и богом данным. Авторитет короля и поддерживавших его церковников казался‘незыблемым, хотя недовольство действиями испанских чиновников, подобно саранче обиравшим колонии, неуклонно росло среди всех сословий.

Так уж повелось, что в каждую из заморских колоний переселялись главным образом жители какой-нибудь одной из испанских провинций — Каталонии, Галисии, Андалузии, Басконии, Арагона, Кастилии. Коренными испанцами считаются только кастильцы, жители же других провинций отличаются от них языком, обычаями, нравами. Кастильцы переселялись главным образом в самые богатые колонии — в Мексику и Перу, галисийцы — на Кубу, а в Венесуэлу — баски и жители Канарских островов, принадлежавших с XV века Испании. Канарцы своим внешним обликом напоминали мавров, лица их были смуглыми, говорили они на берберийском языке.

В Венесуэле канарцев называли «исленьос» — островитянами. В XVIII веке в этой колонии их проживало несколько тысяч. Они держались весьма дружно, оказывали друг другу помощь и поддержку. Почти вся мясная торговля находилась в их руках. В

Каракасе и главном порту колонии Ла—Гуайре, расположенном в шести километрах от столицы, им принадлежали лавки, таверны и кабачки.

В этих условиях молодому и предприимчивому Себастьяну Миранде, у которого в Каракасе нашлось немало соотечественников, сравнительно быстро удалось наладить торговлю заморскими тканями и обзавестись надежной и солидной клиентурой среди креолов. Вскоре дела его пошли в гору, и канарец стал торговать также хлебом, кофе, какао и другими колониальными товарами.

В апреле 1749 года, когда состояние Миранды приумножилось, он женился на дочери зажиточного креола, предки которого прибыли из Испании в Каракас еще в XVII веке. Звали ее донья Франсиска Антония Родригес. В приданое она принесла мужу несколько доходных домов в столице. Одиннадцать месяцев спустя, 28 марта 1750 года, у молодой четы родился первенец, которого родители окрестили в свою честь Себастьяном-Франсиско.

Став весьма солидным коммерсантом и обзаведясь семьей, канарец Себастьян Миранда приступил к осуществлению своей заветной мечты - переходу в сословие мантуанцев. С этой целью в 1754 году он приобрел за изрядную сумму диплом капитана отдельной роты «Белых островитян» — колониального ополчения, созданного в том же году в Каракасе.

Капитанское звание превращало его обладателя в дворянина — идальго, что вызвало неудовольствие многих родовитых мантуанцев, считавших Себастьяна Миранду выскочкой и плебеем. Их неудоволытвие приняло форму открытого протеста, когда несколько лет спустя островитянин еще раз раскошелился и добился перевода на ту же должность в аристократический Новый батальон креолов. Служить под командованием собственного поставщика заносчивые и спесивые мантуанцы сочли для себя величайшим оскорблением. Несколько видных офицеров-мантуанцев обратились к губернатору Венесуэлы с требованием отменить новое назначение Миранды, поскольку этот «мулат, торгаш и авантюрист, недостоин по многим причинам занимать столь ответственную должность».

Себастьян Миранда, чтобы снять с себя обвинение в торгашестве и удержать за собой драгоценное звание, ликвидировал свои торговые дела и подал в отставку. Ему удалось, и опять-таки за немалые деньги, добиться “от губернатора разрешения продолжать носить капитанскую форму и посох,'что считалось исключительной привилегией мантуанцев и вызвало с их стороны новые нападки, Миранде не оставалось

другого пути, как заняться сбором необходимых документов, подтверждающих его расовую чистоту и благородство происхождения. Он достал необходимые бумаги, ублажил губернатора и чиновников, и они отвергли протест мантуанцев. Но справиться с ними было не легко даже губернатору. Мантуанцы перенесли спор в контролируемое ими кабильдо, которое вновь потребовало от губернатора лишить Миранду капитанского звания и запретить ему носить офицерскую форму и посох.

Губернатор пожаловался на дерзкое поведение каракасского кабильдо в Мадрид. Чтобы добиться благоприятного решения мадридских властей, старику Миранде вновь пришлось пустить в ход единственный аргумент — деньги. В 1770 году Королевский совет по делам Индий, управлявший из Мадрида колониями, под председательством короля Карла III рассмотрел дело Миранды и признал протесты мантуанцев необоснованными. «Я приказываю, — говорилось в специальном рескрипте, подписанном королем, — никогда впредь не обсуждать достоинства и происхождение Себастьяна Миранды и лишу должности и подвергну другим строгим наказаниям любого офицера или члена кабильдо города Каракаса в случае, если они письменно или словесно будут относиться к нему недостойным образом или будут чинить ему беспокойства». Король приказывал испанским властям в Венесуэле обеспечить дону Себастьяну Миранде все привилегии, вытекающие из его звания капитана в отставке. 19 ноября 1770 года королевский рескрипт был зачитан на заседании кабильдо, члены которого торжественно обещали не нарушать его.

Итак, дон Себастьян в конце концов добился своего: он получил право носить мундир капитана испанской армии, а также посох и формально мог причислять себя к мантуанцам. Но за осуществление этой заветной мечты островитянину пришлось дорого заплатить и в буквальном и в переносном смысле этого слова. Миранда не только потратил на это значительную часть своего состояния, заработанного нелегким трудом, но и лишился почти всех источников дохода. Однако даже эта добытая такой дорогой ценой победа была, по существу, поражением.

За исключением немногих аристократических семейств, принявших Миранду как равного, в числе которых была семья плантатора-рабовладельца Хуана-Висенте Боливара, которому в течение многих лет мадридские власти отказывали подтвердить купленный им титул маркиза, остальные мантуанцы продолжали относиться к нему с высокомерием и презрением.

Свидетелем и участником переживаний и треволнений Себастьяна Миранды, естественно, была его семья, в первую

очередь первенец — маленький Себастьян—Франсиско, или, как его звали домашние, Пакито. Стараясь обеспечить себе положение в колониальном обществе, Миранда заботился уже не только и не столько о себе, как о своих детях. Рожденные здесь, они считались креолами, а следовательно, могли рассчитывать на менее враждебное отношение мантуанцев. Из десяти детей дона Себастьяна в живых оставались только четверо: двое мальчиков и две девочки. Из них любимцем семьи продолжал оставаться первенец — Пакито, на воспитание которого родители не скупились. Для обучения Пакито латинскому языку и математике были приглашены лучшие учителя Каракаса, а когда он подрос, дон Себастьян отдал его в аристократическую школу, носившую громкое название Академии святой Розы.

В 1764 году в четырнадцатилетнем возрасте Пакито поступает в Королевский понтифийский университет Каракаса, открытый незадолго до этого. Колониальные университеты носили своеобразный характер. В основном в них изучались богословские доктрины. В роли профессоров выступали испанские монахи. За обучение взимались большие деньги, от студентов же особого прилежания не требовалось.

Хорхе Хуан и Антонио Ульоа, испанские ученые, посетившие Южную Америку в середине XVIII века, откровенно писали в своем докладе испанским властям о положении в колониальных университетах: «Молодым людям из знатных семейств преподают философию и теологию; некоторые из них изучают право, хотя и не собираются стать стряпчими. Они достигают довольно больших успехов в этих областях, но остаются невеждами в политике, истории и других гуманитарных науках».

В каракасском университете Пакито пробыл несколько лет. Он прилежно изучал в нем теологию и латынь, слушал лекции по истории искусства, но главным образом запоем читал римских, греческих и испанских классиков.

Следуя традициям мантуанцев, дон Себастьян, как только получил подтверждение своего капитанского звания, стал готовить поездку Пакито в Мадрид для завершения образования. Он надеялся, что в столице метрополии его сын поступит в одно из высших учебных заведений, закончив которое сможет занять прочное положение в обществе. Наряду с этим отец намеревался поручить сыну еше одно чрезвычайно деликатное и важное с его точки зрения дело: добыть в Мадриде от главного летописца королевства, ведавшего вопросами геральдики, свидетельство о дворянском происхождении семьи Миранды, а если хватит средств, то и титул графа или на худой конец барона.

Как же относился Пакито к этим тщеславным мечтам своего отца, к его стремлениям во что бы то ни стало выбиться в аристократы? Разделял ли он эти планы? Трудно ответить на этот вопрос.

Уже будучи в Испании, Миранда подделывает метрику. Он омолаживает себя на четыре года. Теперь будет всюду значиться, что он родился в 1754 году. Это год рождения его покойного брата Мигеля-Франсиско, который родился также 28 числа, но другого месяца - июля.

Проделав такую операцию, юный Миранда отбрасывает имя Себастьян, доставшееся ему от отца, и впредь именует себя только Франсиско. С какой целью проделал молодой креол эту

операцию над метрикой, введшей в заблуждение многих историков? Это одна из загадок его биографии, с которыми нам еще придется неоднократно встречаться.

Однако не будем забегать вперед.

Итак, 19 ноября 1770 года кабильдо города Каракаса приняло к сведению указ короля об окончательном присвоении дону Себастьяну Миранде капитанского звания со всеми вытекающими из него привилегиями, а 25 января 1771 года из порта Ла-Гуайры отплыл на шведском корабле к берегам Испании напутствуемый благословениями отца, матери и других родственников 21-летний Пакито. Он вез с собой изрядное количество бумаг, свидетельствовавших о «чистоте крови», о прохождении курса наук в университете, о достойном моральном поведении, об уплате налогов и т. д. Получить эти документы, без наличия которых ни один креол не мог покинуть колонию, стоило немало золотых дукатов тщеславному дону Себастьяну. Но он уже не считался с расходами. Он фактически отдал своему сыну почти все свои сбережения. Ведь продолжатель его рода, носящий его имя, добьется славы и почестей, к которым он так стремился всю свою жизнь и которые сделают его имя знаменитым во всех уголках необъятной Испанской империи.

— Мы еще покажем этим спесивым мантуанцам,— говорил старший Себастьян, прощаясь с младшим, — на что способен наш род! Мы еще утрем им нос! Смотри, сыночек, служи королю верой и правдой, и он не оставит тебя без своих милостей. Возвращайся с наградами, со славой!

Они расстались навсегда. Миранда пробудет за пределами Венесуэлы сорок лет. И он действительно вернется, овеянный ореолом славы, но вовсе не той, о которой так страстно мечтал его отец.

РОЖДЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Все, что мы знаем о жизни Миранды до его отъезда из Венесуэлы в 1771 году, основано на крайне скудных сведениях, почерпнутых из случайных источников. Все или, точнее, почти все, что с ним произошло после отъезда из Венесуэлы, он расскажет нам сам.

С первого же дня своего пребывания на корабле, уносившем его в Испанию, Миранда начал вести дневник, в котором скрупулезно отмечал все то, что он делал, видел, говорил в течение дня. Столь же скрупулезно Миранда собирал и хранил всевозможные документы, относящиеся к его деятельности: заявления, записки, военные планы и карты, копии своих и чужих писем, различные дипломы, свидетельства. паспорта, счета и даже любовные записки своих многочисленных поклонниц.

Эти дневники и документы были обнаружены в английских архивах американским историком Уильямом Робертсоном только в 1922 году и уже почти полностью опубликованы. Они составляют несколько объемистых томов и позволяют детально восстановить весь жизненный путь нашего героя от его отъезда из Каракаса вплоть до смерти в застенках испанской крепости Ла-Каррака в городе Кадисе сорок пять лет спустя.

Дневники Миранды — поразительный по своей откровенности человеческий документ. Они нам рисуют их автора лишенным какой-либо сентиментальноети или романтики, беспредельно любознательным, страстным поклонником наук и искусства, знатоком военного дела, любителем всевозможных жизненных утех и великим поборником независимости испанских колоний в Америке.

Разумеется, такой образ нашего героя возникает отнюдь не с

первых страниц его дневников, а является как бы портретом человека, который подытоживает эту громадную по своим размерам летопись его жизни. Характерной чертой дневников является отсутствие каких-либо лирических отступлений, философских раздумий или обобщений, что говорит о практическом, рациональном складе его ума и характера.

29 февраля 1771 года Миранда высаживается в Кадисе, большом портовом и торговом центре, крупной военно-морской, базе Испании. Четырнадцать дней провел Миранда в этом городе, в обществе местного коммерсанта, друга его отца, который помог ему выгодно продать большую партию какао, привезенную им из Венесуэлы.

Все в этом городе поражало и удивляло молодого креола: древние соборы и дворцы, нескончаемые торговые ряды и склады, величественные замки и грозные укрепления, охранявшие город, и среди них — мрачная крепость Ла-Каррака, в казематах которой еще совсем недавно заживо гноились государственные преступники Испании, враги короля и святой римской католической церкви.

Теперь эти казематы пусты и стража Ла—Карракн бездельничает. Испанией правит Карл III, наиболее человечный из королей Бурбонской династии, сторонник просвещенного деспотизма. В его окружении были молодые и талантливые аристократы — Аранда, Кампоманес, Флоридабланка. С их помощью он стремился осуществить различные реформы, сломить власть грандов. При Карле III были несколько ограничены права дворян и церковников, строились дороги, был основан национальный банк, колониям разрешили торговать между собой. Но, пожалуй, самым смелым актом Карла III был роспуск иезуитского ордена в 1767 году и высылка всех его членов из пределов Испании и ее колоний. Все имущество ордена Лойолы было конфисковано в пользу казны.

Изгнание иезуитов сильно подорвало власть духовенства. Присмирел и наводивший ужас на население Трибунал священной инквизиции. В Испанию через Пиренеи хлынул поток произведений французских философов и писателей-энциклопедистов, разящих, низвергающих и высмеивающих богов и святых, королей и тиранов, монахов и аристократов.

В первой же книжной лавке молодой креол приобрел прозведения Руссо, Вольтера, Рейналя и принялся штудировать их с пылом и энтузиазмом только что обращенного в новую веру. Этот волнующий и прекрасный мир новых идей, понятий и воззрений заворожил и покорил его на всю жизнь.

Но как ни приятно было находиться в Кадисе, следовало

спешить в Мадрид, ведь только там Миранда мог осуществить свои и своего отца мечты.

14 марта каракасец выезжает в почтовой карете по направлению к столице. Чтобы преодолеть это расстояние, ему потребуются почти две недели. По дороге путешественник осматривает замки, церкви, дворцы, картинные галереи, памятники. Все привлекает его жадное внимание, острый и пытливый взгляд, и все увиденное и услышанное находит отражение в его дневнике.

27 марта наш молодой путешественник, наконец, прибывает в столицу испанского королевства — Мадрид. Он нанимает себе квартиру, одевается с иголочки и начинает подробное знакомство с городом. Но здесь он не только интересуется памятниками архитектуры и искусства. Молодой креол усердно учится, берет уроки математики, французского языка и музыки. Миранда виртуозно играет на флейте, с этим инструментом он породнился на всю жизнь.

Впоследствии он писал испанскому Королю: «Я обосновался в Мадриде, где с большим жаром стал изучать математику, в особенности ту ее часть, которая относится к военному искусству. Я изучал, кроме этого, живые европейские языки. С этой целью я выписал из-за границы преподавателей и много хороших книг по указанным выше наукам, на что израсходовал значительную часть своего состояния…»

Миранда надеялся поступить в королевскую военную академию. Однако, несмотря на добросовестную подготовку, подарки и подношения влиятельным вельможам и королевским сановникам, это ему не удалось. Карл III и его министры, хотя и числились либералами, относились к креолам с пренебрежением и не намерены были допускать их на высшие командные должности, а именно на них прочили выпускников военной академии. Миранда все же решает поступить в испанскую армию, куда ему открывает доступ патент капитана, купленный за 85 тысяч реалов.

С большим успехом удается выполнить другое отцовское поручение. После долгих месяцев настойчивых стараний он получает у королевского архивариуса дона Рамона Сасо-и-Ортеги генеалогию рода Миранда, из которой явствует, что это, пожалуй, самая знатная фамилия во всем испанском королевстве. Оказывается, что среди предков Миранды были храбрые рыцари, покрывшие себя славой в борьбе с маврами, непобедимые военачальники, князья и графы, аббаты, иезуиты и знаменитые богословы, в том числе чуть ли не сам Фома Аквинский и многие другие, имена которых, как скромно пишет летописец, он был

вынужден опустить, ибо для описания всех носителей благородной фамилии Миранда потребовался бы солидный том. Летописец указывает далее, что имеются «достаточные основания», дающие право Миранде пользоваться фамильным гербом, на котором изображены пять полуобнаженных торсов девственниц-христианок, освобожденных, согласно «архивным данным», из мавританского плена его предком доном Мелендо Анальсо де Мирандой.

Этот документ в стиле эпохи давал Миранде основание, правда весьма шаткое, пользоваться графским титулом. Не придавая значения дворянским титулам, Миранда пользовался ими только тогда, когда обстоятельства и интересы дела принуждали к этому.

В 1773 году двадцатитрехлетний креол капитан дон Франсиско Миранда начал свою военную службу в пехотном полку имени Принцессы в городе Малаге. Не успел молодой офицер ознакомиться с правилами гарнизонной службы, как вспыхнула война Испании с марокканским султаном Сиди Мухамедом, войска которого осадили крепость Мелилью, захваченную еще в 1493 году испанцами на марокканской территории. В Марокко на помощь осажденным был переброшен полк Принцессы.

В Африке Миранда провел около двух лет. Он участвовал в обороне Мелильи, находился вместе с осажденными в течение многих месяцев под обстрелом марокканской артиллерии, когда по городу было выпущено 8 тысяч снарядов, перенес вместе со всеми голод, эпидемии, страдал от невыносимо палящих лучей африканского солнца.

Война с марокканцами закончилась победой испанцев. Миранда надеялся, что за участие в обороне Мелильи он получит орден и повышение, однако, несмотря на старания его друзей и его самого, военный министр отказал ему и в том и другом. Молодой офицер, читавший греческих классиков в оригинале и цитировавший Руссо и Вольтера, вызывал недоверие напыщенных и невежественных испанских генералов, считавших его вольнодумцем и выскочкой.

Миранда тяжело переживает этот афронт. Он обращается к начальству с просьбой перевести его в колонии, в Америку. И вновь отказ. Тогда он направляет королю петицию с просьбой разрешить ему перейти на службу во флот. Он сообщает королю, что хорошо знаком с математикой, владеет английским, французским, итальянским, латынью и другими языками. Король приказывает отклонить дерзкую просьбу креола. Миранде не остается другого выхода, как временно смириться, набраться

терпения и ждать.

Тем временем его полк возвращается в Испанию. В конце 1775 года Миранда проездом останавливается в Гибралтаре, который Англия захватила у Испании в 1704 году. Губернатор Гибралтара майор Бойд радушно встретил Миранду. Он надеялся узнать от молодого офицера не только подробности осады Мелильи, но кое—что и о его родине — Венесуэле, к которой, как и к другим испанским колониям, английское правительство всегда испытывало острое любопытство. Особенно был заинтересован в беседе с Мирандой молодой английский негоциант Джон Тэрнбулл, друг майора Бойда, прибывший встретить вместе с ним Новый год. Тэрнбулл специализировался на контрабандной торговле именно с Венесуэлой. У него были склады товаров на Ямайке, Барбадосе и других островах Вест—Индии, а также на побережье Тьерра-Фирме — Материка, как именовали Венесуэлу креолы и бороздившие неспокойные воды Карибского моря контрабандисты. Дружба с Мирандой, отец которого в прошлом был клиентом Тэрнбулла, сулила последнему немалые выгоды в будущем.

Бойд пригласил Миранду на встречу Нового года в губернаторский дворец, где познакомил с Тэрнбуллом и другими гостями, которые проявили к молодому креолу подчеркнуто любезное внимание. Долго и оживленно беседовали в эту ночь Миранда и Тэрнбулл. Англичанин критиковал систему ограничений в торговле, установленную Испанией в колониях. Если бы испанские колонии, доказывал он, могли свободно торговать с другими странами, в частности с Англией, от этого выиграли бы не только колонисты, но и испанские власти, ибо развитие торговли способствует всеобщему прогрессу.

Я буду очень рад приветствовать вас когданибудь в Лондоне, — сказал английский негоциант на прощанье Миранде. — У нас дышится свободнее. чем в Мадриде

На Миранду произвела большое впечатление встреча с Тэрнбуллом. Из беседы с ним он понял, что влиятельные английские круги живо интересуются судьбой испанских колоний и придают большое значение развитию торговли с ними.

Миранда был приятно поражен теплым приемом, который был оказан ему в Гибралтаре английскими властями. Англичане проявили к нему уважение именно потому, что он креол, в то время как испанцы относились к нему с высокомерием и презрением.

Полк Миранды расквартировался в Кадисе. Командовал им граф О’Рейлли, испанский аристократ с ирландской фамилией, заносчивый, мелочный и тупой, для которого Миранда был

человеком без роду, без племени. Он терпеть не мог этого заокеанского выскочку.

О'Рейлли задался целью выжить Миранду если не из армии вообще, то хотя бы из полка. Граф принялся шпионить за Мирандой, сурово преследуя его за мелкие проступки. Но креол все сносит со спартанской стойкостью. Тогда полковник назначает его казначеем полка и вскоре фабрикует обвинение против него в растрате полковой казны, во взимании взяток с поставщиков, в грубом отношении к подчиненным. Миранду арестовывают и отдают под суд. Обвинения столь нелепы и необоснованны, что военные власти освобождают Миранду из-под ареста.

Миранде разрешается вернуться на службу в полк, который теперь стоит в Мадриде, но обвинения против него не сняты, следствие продолжается, в любой момент он может угодить на скамью подсудимых.

Выйдя на свободу, Миранда тратит огромную энергию и средства, чтобы доказать свою невиновность. Он подает рапорт за рапортом военному министру, требуя своей реабилитации. Министр уходит от прямого ответа.

Неизвестно, как бы развивались дальше события, если бы новым командиром полка не был назначен Хуан Мануэль де Кахигаль, кубинец по рождению.

Хотя Кахигаль был сыном крупного испанского колониального чиновника, служившего на Кубе, и «случайно» родился в этой колонии, он считал себя креолом и с симпатией отнесся к Миранде. Кахигаль тоже молодым поступил на военную службу, сражался за испанского короля в Африке, служил в колониальных гарнизонах, ему не раз самому пришлось испытать на себе высокомерие испанских аристократов.

Кахигаль приблизил к себе Миранду, сделал его своим доверенным человеком. Однако даже ему не удалось снять обвинения с Миранды. Дисциплинарными делами офицеров ведал генеральный инспектор армии, а на этот пост теперь был назначен не кто иной, как граф О'Рейлли, тот самый, который и затеял всю эту скандальную историю.

В 1779 году Кахигаля перемещают по службе, и над Мирандой вновь нависают тучи. Он продолжает бороться за свое доброе имя. Наконец ему сообщают королевский указ, согласно которому его переводят из Мадрида в другой полк, расквартированный в Кадисе. Обвинения против него сняты, но расследование не прекращено, а всего лишь приостановлено. Это значит, что военный министр, если ему вздумается, может вновь начать ворошить это дело и запрятать Миранду за решетку. Да и в

Кадисе теперь служить небезопасно. Военным округом командует все тот же граф О'Рейлли, враг Миранды.

Положение почти безвыходное для молодого креола. Как же он реагирует на эти превратности судьбы? Как истинный философ. Он продолжает в свободное от службы время изучать испанскую архитектуру и живопись, его дневник этих лет похож на путеводитель для туристов, в котором перечисляются и описываются все музейные шедевры и архитектурные памятники Испании. Он усердно изучает языки, штудирует труды по военному искусству, читает произведения своих излюбленных французских мыслителей, предвещающих приход новой эпохи, в которой руководящую роль будут играть люди таланта, независимо от их родословной или цвета кожи.

Настанет век разума, народ призовет к власти людей честных, умных и храбрых, они-то и покончат со всеми человеческими бедами и несчастьями. Тогда, только тогда венесуэльский креол Франсиско Миранда сможет занять надлежащее место в обществе.

Коллеги по военной службе относятся с уважением к этому задумчивому креолу, который не берет в рот ни капли спиртного, не курит, не ищет богатой невесты, а все свое свободное время проводит за чтением и все свои деньги расходует на книги.

В Кадис приходят корабли со всего света, здесь первыми узнают о том, что случилось в Англии, Франции, Италии, в далеких заморских колониях. Здесь много горячих голов, мечтателей. Некоторые из них входят в тайные общества — масонские ложи. Масоны проповедуют всеобщее братство и справедливость, они оказывают друг другу помощь и поддержку. В одну из таких лож входит капитан Миранда. От этого его жизнь не становится легче. Ведь за масонами охотятся агенты инквизиции. Нужно быть постоянно начеку, чтобы случайно не выдать себя, не проговориться, не оставить в дневнике, в бумагах компрометирующих следов. Ревнитель истины не должен страшиться опасности, но он не должен быть и безрассудным. Жизнь — это действительно сложная штука, в особенности для того, кто выбрал в ней не удобную роль зрителя, а беспокойную судьбу действующего лица...

В Кадисе, да и в других городах Испании оживленно обсуждались события в английских колониях Америки, провозгласивших в 1776 году независимость. С тех пор вот уже несколько лет англичане ведут войну против восставших колонистов. Английские армии, руководимые знаменитыми генералами, терпят одно поражение за другим, они бессильны одолеть партизанские отряды восставших фермеров и горожан. Бессилен и английский флот, курсирующий у берегов колоний.

Он терпит большие потери от смелых налетов корсаров, состоявших на службе у колонистов.

В Испании по-разному отнеслись к этим событиям в Северной Америке. Король и правительство, с одной стороны, радовались, что извечная соперница Испании — Англия увязла в безнадежной войне против своих колонистов. С другой стороны, восстание в английских колониях вызывало у них и немалое беспокойство. Ведь примеру восставших могли последовать жители испанских колоний. К тому же эти английские колонисты не просто одна из воюющих сторон, они, мятежники-республиканцы, сторонники тлетворных, осужденных церковью, доктрин французских философов, отрицающих бога, проповедующих народовластие и тому подобные крайне опасные ереси.

Однако, как ни стремилось испанское правительство остаться в стороне от этого конфликта, оно все-таки в конце концов было вынуждено принять в нем участие.

В 1778 году Франция, также давнишняя соперница Англии, объявила ей войну и отправила сорокатысячную армию на помощь восставшим. В Испании, как и во Франции, царствовали Бурбоны. Обе страны были связаны «семейным» договором, обязывавшим к совместному участию в войнах. Ссылаясь на этот договор, Франция потребовала от Мадрида поддержать ее в борьбе с Англией. Испанскому королю не оставалось ничего другого, как объявить войну англичанам. Вслед за этим в Кадисе стали готовить флот и войска для посылки в Америку. В экспедиционный корпус набирали добровольцев. Миранда узнал, что командиром одного из корпусов назначен его покровитель кубинец Кахигаль, произведенный в генералы. Каракасец поспешил к нему за советом.

— Предстоящая экспедиция для тебя прекрасная оказия выдвинуться и получить повышение, — сказал Миранде Кахигаль. — Немедленно записывайся добровольцем в экспедиционный корпус.

Миранда обратился с соответствующей просьбой к графу О'Рейлли, который охотно удовлетворил ее, будучи вполне уверенным, что таким образом он, наконец, избавится от этого выскочки-креола. Пусть едет в Америку сражаться под знаменами его величества испанского короля, англичане это не марокканцы, они наверняка ухлопают его в первом же сражении...

В апреле 1780 года из Кадиса по направлению к Кубе, гаванский порт которой служил главной военно—морской базой Испании в Америке, направилась эскадра в составе сорока боевых кораблей и транспортов. Она везла экспедиционный корпус в десять тысяч солдат под командованием генерала Викторио де

Навиа Осорио. Почти три месяца добиралась испанская армада в Гавану, избегая встреч с английским флотом, поджидавшнм ее в Карибском море.

В Гаване Миранда назначается адъютантом генерала Кахигаля. Это назначение коренным образом изменило положение каракасца. Из простого капитана, каких было много в экспедиционном корпусе, он вдруг становится доверенным лицом одного из крупных военачальников, которого вскоре назначили губернатором Кубы — этого важнейшего форпоста испанской колониальной империи в Америке.

Должность адъютанта губернатора Кубы открыла Миранде доступ к секретным документам испанской администрации, в частности к конфиденциальным сообщениям о положении дел в колониях, направляемым через Гавану в Мадрид вице-королями и губернаторами, командующими войсками и церковными иерархами.

Чтение этих документов убедило Миранду в том, что испанские колонии, которые он считал погруженными в спячку, в действительности представляли собой бурлящий котел, готовый вот-вот взорваться.

Одним из первых известий, свидетельствующим о надвигающейся грозе, было сообщение вице-короля Перу о вспыхнувшем в 1780 году в этой колонии восстании индейцев, во главе которого встал Хосе Антонио Кондорканки, принявший имя последнего индейского императора — инки Тупак—Амару. Ему удалось поднять на борьбу с испанцами десятки тысяч своих соплеменников.

Не успели переслать это сообщение в Мадрид, как из другого вице-королевства — из Новой Гранады, поступмли сведения о восстании горожан, принявших имя комунеросов — защитников общего дела. Комунеросы требовали снижения налогов, прекращения самоуправства и произвола колониальных чиновников, свободы торговли колоний с зарубежными странами.

Властям с большим трудом удалось подавить эти народные движения, охватившие значительную часть испанских колоний в Южной Америке.

Миранда внимательно следил за развитием событий, о чем говорит наличие в его архиве документов, имеющих к ним отношение.

В числе этих документов фигурируют письма и сообщения к Миранде его друзей из различных мест, свидетельствующие о том, что уже в эти годы будущий глашатай независимости Испанской Америки располагал сетью доверенных лиц и информаторов.

В этот знаменательный 1780 год, когда казалось, пожар из английских колоний вот-вот перекинется в испанские владения, фигура Миранды, креола и жертвы произвола властей в метрополии, всплывшая в губернаторском дворце в Гаване, не смогла не привлечь всех тех, кто был враждебно настроен к испанскому господству. Сыну дона Себастьяна Миранды было лестно получить в 1781 году в Гаване коллективное послание, подписанное крупнейшим плантатором Венесуэлы Хуаном-Висенте Боливаром и другими видными мантуанцами, в котором они сообщали о своей готовности восстать против испанского владычества и просили его возглавить их борьбу. Мы не знаем, как реагировал Миранда на эти послания. В своем дневнике он не мог писать об этом из соображений конспирации, а воспоминаниям он, как мы уже сказали, не любил предаваться.

Судя по его последующим действиям, он считал, что время для открытой борьбы против испанского владычества еще не созрело.

Испанский экспедиционный корпус, прибывший на Кубу, вскоре включился в борьбу против англичан в Северной Америке, В апреле 1781 года Миранда участвует в осаде и штурме английской крепости Пенсакола во Флориде. Эта операция была проведена испанскими войсками, наступавшими со стороны Луизианы, и десантом под командованием генерала Кахигаля, прибывшим из Кубы. Гарнизон Пенсаколы после ожесточенных боев сдался испанцам, захват этой крепости был большим подспорьем для армии Вашингтона, находившейся под постоянным давлением английских войск.

Победа под Пенсаколой, наконец, принесла долгожданное повышение каракасцу — он был произведен в подполковники, а его покровитель бригадный генерал Кахигаль получил чин генерал-лейтенанта. Вернувшись в Гавану, Кахигаль назначил Миранду начальником своей личной канцелярии и в мае 1781 года направил его к англичанам на остров Ямайка с поручением провести обмен пленными. В то время в Гаване скопилось большое число пленных англичан, которых следовало кормить, а на Ямайке — пленных испанцев, не менее обременительных для англичан. Обе стороны договорились об обмене, осуществить который было поручено Миранде. Кахиталь сообщил об этом министру колоний в Мадрид, объясняя что в качестве своего эмиссара он избрал Миранду, ибо последний свободно владеет английским языком.

Министр одобрил предложенный Кахигалем обмен пленными, однако возражал против поручения этой деликатной операции Миранде, к которому в Мадриде продолжали

относиться со все возрастающим недоверием. Но Кахигаль не мог отменить своего приказа, так как Миранда к тому времени уже находился на Ямайке.

Кроме задания обменять пленных, Кахигаль поручил каракасцу по секрету от английских властей закупить на Ямайке несколько кораблей. Следует отметить, что Ямайка в то время, была важным форпостом англичан в Карибском море, и, естественно, испанцев интересовало все относящееся к ее обороне. Миранда должен был также разведать расположение и количество английских вооруженных сил в этом районе, их вооружение, раздобыть планы крепостей и любые другие сведения разведывательного характера, за которыми охотились генералы всех стран и всех времен как во время войны, так и в годы мира. На эти цели Кахигаль выдал Миранде крупную сумму денег.

В Кингстоне — столице Ямайки _— Миранда договорился с английским негоциантом Филиппом Атвудом, что тот приобретет для испанцев на свое имя три парусника и доставит их на Кубу. Взамен Миранда разрешил Атвуду ввезти без пошлины в Гавану некоторое количество товаров. Миранда раздобыл подробные данные о военно-морских силах англичан, сосредоточенных в районе Ямайки, о численности и вооружении английского гарнизона в Кингстоне, топографические планы оборонных сооружений.

В заключенное Мирандой с англичанами соглашение об обмене пленных каракасцу удалось включить пункт, согласно которому на участников корсарских рейдов не распространялся статус пленных.

Этот беглый перечень совершенных Мирандой на Ямайке дел показывает, что он блестяще справился с возложенной на него миссией. Миранда при этом проявил себя ловким дипломатом и находчивым разведчиком. Но в Гаване вместо награды его ожидали одни только неприятности.

Вернувшись на Кубу, Миранда немедленно написал рапорт Кахигалю об условиях приобретения трех парусников и получил у него разрешение Атвуду ввезти без пошлины товары на остров. Однако таможенные власти вопреки указанию губернатора наложили секвестр на товары англичанина и сообщили об этом в Мадрид.

В столице, казалось, только этого и ждали: Миранда немедленно был обвинен вместе с Атвудом в контрабанде. Кроме того, у военного министра Испании вызвал неудовольствие пункт соглашения об обмене пленных, приравнивавший корсаров к пиратам, хотя именно англичане пользовались этим средством в

борьбе с Испанией. Было совершенно очевидным, что министр придирался к Миранде и для расправы с ним раздувал дело Атвуда.

Оценив отрицательно результаты миссии Миранды на Ямайке и сделав резкий реприманд Кахигалю за его покровительство своему адъютанту, военный министр уже от имени короля потребовал без промедления арестовать Миранду и заключить его в гаванскую крепость Сан—Карлос де ла Кабанья.

Пока этот приказ следовал из Мадрида на Кубу, в Гаване противники Кахигаля из числа колониальных чиновников во главе с епископом Эчеверрией, считавшим губернатора и Миранду опасными либералами, продолжали травлю каракасца. Они сообщили в Мадрид, что Миранда якобы повинен в том, что во время пребывания в Гаване бывшего коменданта Пенсаколы, английского генерала Кампбелла, каракасец показал ему крепость «Принсипе».

И вновь следует грозное указание из Мадрида Кахигалю начать новое следствие против Миранды, на этот раз по обвинению в выдаче военных секретов врагу, иначе говоря, по обвинению в государственной измене.

Получив почти одновременно из Мадрида эти указания военного министра расправиться с Мирандой, Кахигаль отказался привести их в исполнение. В своем ответе министру он с негодованием отверг обвинения, выдвинутые против своего адъютанта, подчеркнув, что он блестяще выполнил на Ямайке порученную ему миссию. Кахигаль характеризовал Миранду как в высшей степени опытного и образованного офицера, знающего четыре иностранных языка и незаменимого на посту адъютанта. Что касается обвинения Миранды в выдаче военных секретов английскому генералу Кампбеллу, то оно является вымыслом, писал Кахигаль в Мадрид, ибо когда генерал Кампбелл по недосмотру сопровождавшего его испанского офицера посетил крепость «Принсипе», то Миранды в этот день вообще в Гаване не было.

В заключение Кахигаль просил военного министра отменить основанный на клеветнических обвинениях приказ об аресте Миранды, оставить его на прежней должности и присвоить ему за отличную службу чин полковника. Свой ответ Кахигаль заканчивал довольно резко: «Если король мне не доверяет или считает неспособным выполнять возложенные на меня обязанности, то прошу меня от них освободить и разрешить вернуться в Мадрид для более полного и детального отчета».

Пока ответ Кахигаля был доставлен в Мадрид, пока из Мадрида пришли новые инструкции в Гавану, прошло полгода.

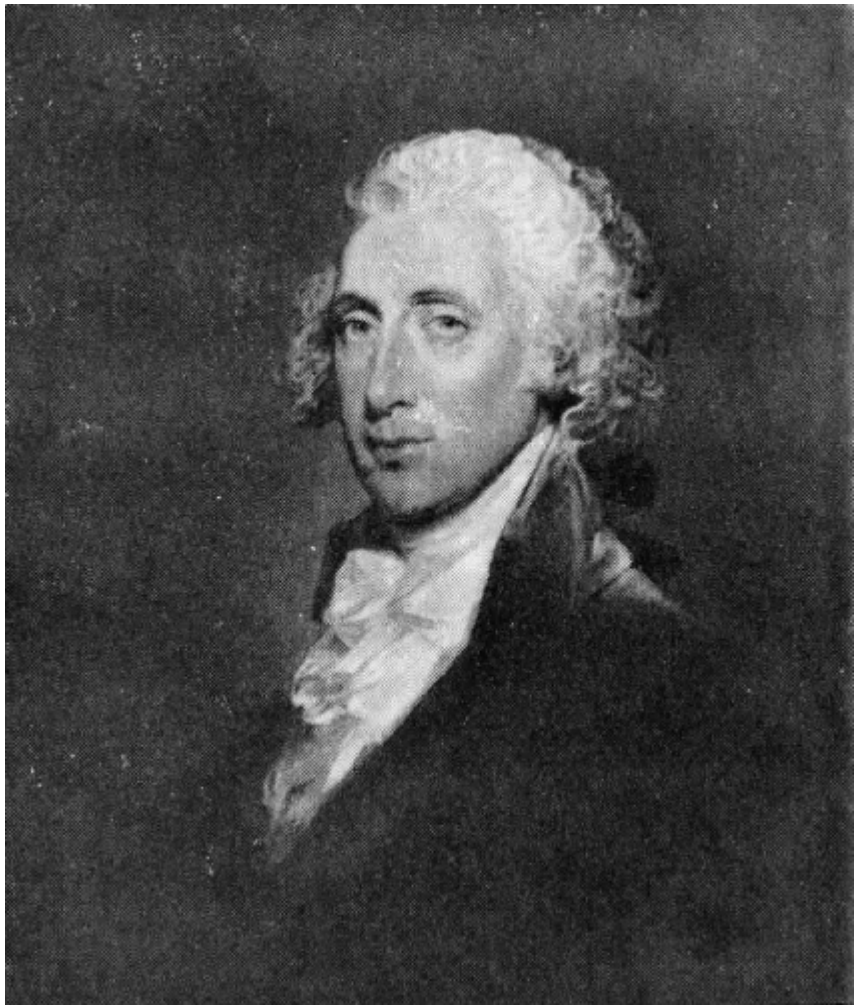
Между тем Миранда продолжал служить адъютантом при губернаторе и пользоваться его полным доверием.

22 апреля 1782 года из Гаваны для захвата находившихся под контролем англичан Багамских островов направилась военно—морская экспедиция в составе нескольких кораблей под командоввнием Кахигаля, которого сопровождал Миранда. Задуманная операция увенчалась полным успехом. Англичане почти без боя сдались Кахигалю. Соглашение о капитуляции англичан было выработано Мирандой. Кахигаль и его адъютант надеялись, что эта новая блестящая победа принесет им признание вышестоящего начальства. Но и на этот раз то, что им следовало поставить в заслугу, им было поставлено в вину. Главнокомандующий испанскими силами в Карибском районе был в ту пору 26—летний генерал Бернардо де Гальвес, брат военного министра. К нему в Луизиану Кахигаль послал с сообщением об одержанной победе Миранду. Придравшись к тому, что каракасец в официальной реляции не упомянул его имени, главнокомандующий приказал арестовать креола, подвергнуть секвестру все его бумаги и под конвоем направить в Гавану в распоряжение Кахигаля.

Возмущенный Кахигаль немедленно освободил арестованного, посоветовав ему на время спрятаться.

Хуан Мануэль Кахигаль. Портрет из архива Миранды.

Генерал Генри Нокс. Портрет художника Вильберта Стюарта.



Полковник Уильям Смит. Портрет художника Вильберта Стюарта.

Между тем положение самого Кахигаля становилось с каждым днем все более шатким. В декабре 1782 года из Мадрида сообщили, что он смещен со своего поста и что на его место назначен новый губернатор. Для Миранды это могло означать только одно — тюрьму, суд и, возможно, обвинительный приговор. Стоило ли рисковать собой в этих условиях? Во имя чего? Десять лет на службе испанского короля убедили его в том, что испанские власти думают только об одном: сохранить любыми средствами свою власть в колониях. Креол для них — потенциальный враг, ожидать ему от Испании милостей и бесполезно и глупо.

Все эти годы он служил верой и правдой Испании, сражался за ее честь и славу, не щадил себя. И вместо благодарности его преследовали, унижали, обвиняли в недостойных поступках,

сажали под стражу, наконец, отдали под суд. Конечно, будь он испанским грандом, как дон Бернардо де Гальвес, он давно уже занял бы соответствующую его способностям командную должность. Но он был креолом, пасынком, чуть ли не ублюдком для испанских аристократов, и, пока они правят в Мадриде, для него в Испании и ее колониях не будет на места, ни покоя.

Миранде ничего другого не оставалось, как понинуть Кубу и бежать за границу. Но куда? Естественно, что в Соединенные Штаты, которые расположены здесь же, по соседству с Кубой. Он сражался за свободу этой страны, там его знают, там его встретят как друга.

В 80-х годах XVIII столетия политическая эмиграция была еще малораспространенным явлением. Политическими беглецами являлись тогда неудачливьте претенденты на трон, которых соперничающие государства поддерживали в надежде на выгодный союз или на территориальные уступки. Политическим эмигрантом мог оказаться философ-бунтарь, если, разумеется, он располагал, подобно Вольтеру, своими доходами или богатыми покровителями, обеспечивавшими ему существование. Ибо политический эмигрант того времени, как правило, выходил из дворянских сословий и даже на чужбине не мог себе позволить заниматься «черной» работой, физическим трудом, чтобы заработать себе на пропитание. Поступи он так, он лишился бы уважения власть имущих, а тем самым и каких-либо шансов достичь когда-либо своих целей.

На какие же средства надеялся жить на чужбине Миранда? У него были на Кубе сэкономлены 14 тысяч песо, которые ему обещал переправить в Соединенные Штаты вместе с багажом американский негоциант Сигров. Эта сумма, довольно изрядная по тем временам, позволяла жить безбедно, хотя и скромно, несколько лет, возможно, купить небольшое поместье. Кроме того, оставались в Венесуэле родственники, не столь богатые, как прежде, но все же можно было надеяться и на их помощь, разумеется, если не выступать открыто против испанского короля.

Теперь главное — выиграть время. Возможно, изменится положение в Испании, и на место нынешних фаворитов короля — врагов Миранды — к власти придут новые, которые в пику прежним признают его заслуги, призовут его на новую высокую должность. А может быть, испанские колонии, зараженные примером английских владений в Северной Америке, поднимут знамя восстания и провозгласят независимость... А почему бы ему самому, знающему эти страны, не стать зачинателем этого движения за независимость? Чем он хуже Вашингтона или других американских генералов, сражавшихся против англичан? Разве он

не профессиональный военный и не один из самых образованных креолов? Конечно, он образованнее и лучше подготовлен, чем индеец Тупак—Амару или помещик Леон, пытавшийся поднять антииспанское восстание в Венесуэле...

Однако открыто порвать с Испанией для каракасца было небезопасно. Разве те же власти Соединенных Штатов, обязанные Испании за ее помощь в освободительной войне против Англии, не могли выдать Миранду испанскому королю?

В апреле 1783 года из своего тайного укрытия в восточной части Кубы Миранда посылает письмо Кахигалю, все еще пребывающему на острове, но уже в роли частного лица, в котором сообщает о решении уехать в США и оттуда направить испанскому королю объяснения о своем поведении. Миранда выражал надежду, что со временем он сможет вернуться в Испанию с тем, чтобы защитить свою честь перед беспристрастным военным трибуналом.

Но действительно ли он надеялся на это? Содержание письма позволяет усомниться в этом. Миранда говорит, что из США он намерен перебраться в Европу, в странах которой он будет изучать политический строй, законодательство, сельское хозяйство, торговлю, военные традиции и искусство — «все то, что способствует прогрессу науки».

«Ведь теперь мои враги, — заканчивает Миранда письмо Кахигалто, — стали моими судьями, было бы неблагоразумным ожидать от них справедливости. Мой отъезд поэтому вызван не страхом, а является необходимой мерой предосторожности».

Через три дня Кахигаль пишет ответ своему адъютанту и другу, в котором благословляет его на выполнение «своего плана», обещает по прибытии в Мадрид ходатайствовать за него перед королем и даже выхлопотать ему повышение — чин полковника с жалованьем.

Кахигаль не без основания одобрил решение Миранды покинуть Кубу. Об этом свидетельствует опубликованное в конце 1783 года постановление колониального суда по делу креола, согласно которому он приговаривался к десяти годам каторги с исполнением приговора в одной из тюрем Африки и к уплате большого штрафа.

Когда этот приговор был вынесен судом, Миранда уже шесть месяцев как находился вне пределов досягаемости испанских властей. И тогда он уже думал не столько о том, чтобы оправдать себя перед испанскими властями, сколько об освобождении народов колумбийского континента, как он окрестил владения испанцев в Америке...

НАЧАЛО ДОЛГОГО ПЛАВАНИЯ

У беглеца было более чем достаточно времени обдумать свои планы. Небольшому американскому шлюпу, промышлявшему контрабандой, на котором он плыл, понадобилось девять дней, чтобы преодолеть расстояние между Кубой и Соединенными Штатами.

Свое положение Миранда не мог считать безнадежным. Пока что его девизом должно быть «благоразумие». Сама судьба подсказывает ему это — ведь недаром корабль, уносящий его к берегам Соединенных, Штатов, называется «Прюдент» («Благоразумный»). Он имел все основания рассчитывать на радушный прием в Соединенных Штатах. Только что в Версале был подписан Англией и державами, воевавшими против нее на стороне североамериканских колоний, договор, признававший независимость США. В этом была в известной мере и заслуга Миранды. Разве он не сражался у стен Пенсаколы, не участвовал в захвате Багамских островов? Сейчас по всем Соединенвым Штатам проходят торжества по поводу подписания Версальского договора, и, несомненно, Миранда будет желанным гостем во многих домах американских патриотов. Во всяком случае, кров и пища ему на ближайшие месяцы обеспечены. Кахигаль в последнюю минуту снабдил его пачкой рекомендательных писем к губернаторам различных штатов и другим видным политическим деятелям молодой республики.

Одно из этих писем, напоминавшее верительные грамоты, было адресовано Джорджу Вашингтону, герою войны за независимость и президенту Соединенных Штатов. Оно гласило: «Так как обстоятельства не позволили мне ни после окончания войны за независимость США, ни теперь в связи с моим

возвращением в Испанию выполнить мое давнишнее намерение посетить вашу знаменитую страну и иметь честь лично познакомиться с Фабием нашего времени, то разрешите, Ваше превосходительство, сделать это при помощи настоящего письма и предложить Вам свои услуги, представляя одновременно подателя сего, моего адъютанта подполковника дона Франсиско де Миранду, который по своему собственному желанию направляется в Филадельфию. Его характер, образование и прочие обстоятельства всегда вызывали у меня к нему исключительное уважение. Я надеюсь, что он заслужит такое же к себе отношение и уважение со стороны Вашего превосходительства, чему буду бесконечно рад. Я являюсь постоянным поклонником героических добродетелей Вашего превосходительства и тем самым всегда буду готов служить Вам. Располагайте мной по Вашему усмотрению».

Но кроме писем к американцам, Кахигаль снабдил своего друга еще одной весьма примечательной и любопытной грамотой — посланием, адресованным графу Франсиско Рендону, посланнику Испании в США. В нем бывший губернатор Кубы просит Рендона не только взять покровительство над Мирандой, но даже снабдить его в случае нужды деньгами. Вот текст этого документа, автор которого обдумал каждое слово:

«Мой адъютант подполковник дон Франсиско де Миранда направляется в эти земли по пути в Европу, как он мне об этом сообщил. Это обстоятельство, а также то, что я глубоко ценю его исключительные способности и честность, меня заставляют рекомендовать его Вам и просить Вас покровительствовать ему на Американском континенте. У него в результате интриг завистников в последнее время были неприятности с министром по делам Индий, все это вызвало у него недовольство и обиду. Я прошу Вас, и пусть это останется между нами, отнеситесь к нему с теплотой и вниманием. Этим вы будете способствовать тому, что с Испанией не порвет один из ее лучших служителей и человек широких знаний.

Если он будет нуждаться в деньгах, ссудите его ими, сообщив мне сумму, которая будет мною возвращена Вам немедленно после моего прибытия в Испанию. Я буду Вам искренне признателен и буду считать себя Вашим должником за все те любезности, которые Вы окажете дону Франсиско де Миранде».

Как следует из текста этого письма, Кахигаль сообщал Рендону о своем адъютанте то же, что и в Мадрид правительству: Миранда примерный слуга короля, жертва интриг завистников. Информируя об этом испанского посланника, Кахигаль одновременно перекладывал на него всю ответственность за

дальнейшее поведение каракасца. «Относитесь к Миранде хорошо, — предупреждал Рендона Кахигаль, — иначе он сбежит». Это означало, что за окончательный разрыв с Испанией «одного из ее лучших служителей и человека широких знаний», иначе говоря, сущего клада для врагов Испании, будет в ответе теперь уже не он, Кахигаль, а Рендон.

9 июня 1783 года Миранда высадился на берег у одной рыбацкой деревушки в штате Северная Каролина, откуда он вынужден был добираться в столицу штата Ньюборн на лодке. К губернатору этого штата у Миранды было рекомендательное письмо от Кахигаля, и он мог поэтому рассчитывать на благожелательный прием.

Действительно, беглеца встречают в Ньюборне как почетного гостя. Он появляется в самый разгар празднеств по поводу заключения Версальского договора. Обаятельного испанского подполковника, изъясняющегося, правда пока с ошибками, по-английски, военного специалиста, знатока классической литературы, поклонника искусства и мастера игры на флейте принимают в лучших домах Ньюборна. Ему показывают местные достопримечательности, памятные места, где всего лишь недавно сражались насмерть против англичан солдаты континентальной армии Вашингтона.

Знатный гость не скрывает своего интереса не только к истории, и недавнему прошлому молодой республики, но и к ее политическим учреждениям и нравам, повседневной жизни и быту ее граждан. Он посещает местную палату представителей, муниципалитет, школы, приюты, казармы, редакции газет, церкви, торговые предприятия, мастерские. Он интересуется всем и всеми. Его принимают герои освободительной борьбы, помещики, писатели, политики. И все восхищаются его изысканными манерами, эрудицией, широтой взглядов. Он приятно поражает квакеров и других пуритан тем, что не притрагивается к спиртному. Этот молодой офицер, в котором пульсирует горячая креольская кровь, имеет колоссальный успех у американских дам, и только приходится удивляться, как его любовные приключения, которым нет числа, не заканчиваются скандалами или дуэлями.

Совершив триумфальное турне по городам Северной Каролины, Миранда направляется к Чарлстон — столицу Южной Каролины. Но теперь у него в кармане рекомендательные письма не только от Кахигаля, но и от многочисленных и влиятельных джентльменов из Ньюборна и других городов, которые он посетил, к не менее влиятельным джентльменам тех мест, куда он направляется. А рекомендательньте письма, как в этом

убедился Миранда, открывают в Соединенных Штатах двери в лучшие дома. Поэтому в тех случаях, когда эти письма посылались ему вдогонку, Миранда, выжидая их, воздерживался от визитов. В таких случаях он предпочитал сохранять свое инкогнито и коротать время на постоялом дворе. Следует отметить, что рекомендательные письма, копии которых Миранда сохранял в своем архиве, аттестовали его в высшей степени лестно.

Представляя его друг другу, политические деятели, генералы, негоцианты отзывались о нем, как об «ученом чужеземце», «джентльмене, любящем свободу со страстью, которая сделала бы честь самой свободной стране в мире», «мудром путешественнике и беспристрастном наблюдателе всего того, что может способствовать духовному развитию или увеличить достоинство человеческой природы», «глубоком знатоке военного искусства».

В Чарлстоне Миранду встречают столь же радушно и хлебосольно, как и в городах Северной Какролины. Губернатор Герхард устраивает в его честь прием, где гость знакомится с местными знаменитостями — военными и проповедниками, негоциантами и фермерами, которые наперебой предлагают ему свое гостеприимство. Миранда принимает предложения и в течение трех месяцев колесит по штату верхом, в пролетке или на лодке. Все от него в восторге, все в нем души не чают. Его дневник пестрит записями о виденном — об исторических местах, обедах, редких блюдах, обычаях, памятниках, женщинах, проповедниках.

Наконец, 2 ноября 1783 года Миранда покидает Южную Каролину и направляется в столицу республики Филадельфию, куда прибывает 20-го того же месяца. С ним новая пачка рекомендательных грамот от местных нотаблей столичным знаменитостям.

Вот уже шесть месяцев, как наш странствующий рыцарь находится в Соединенных Штатах, и пока что действительность превзошла его самые смелые ожидания. Как его встретят в Филадельфии?

В столице первый визит Миранда наносит Рендону. Испанский дипломат еще ничего не знает о подлинных причинах отъезда Миранды из Гаваны и, прочтя письмо Кахигаля, с подлинно кастильским радушием предлагает Миранде поселиться у него на время его пребывания в городе. Миранда соглашается и быстро перевозит свои вещи с постоялого двора во дворец испанского посла. Рендон очарован своим гостем. Он знакомит Миранду с главами дипломатических миссий при правительстве США, показывает город, который, впрочем, не

производит особого впечатления на путешественника. В Филадельфии всего девять параллельных и девятнадцить перпендикулярных улиц. В нем командуют квакеры, считающие любые развлечения сатанинским наваждением. В городе нет никаких увеселительных заведений, театров, местные власти преследуют актеров как закоренелых преступников. Дома утопают в зелени, но тротуаров мало, улицы пыльные и грязные, хотя ночью и освещены.

8 декабря в Филадельфию прибыл президент Джордж Вашингтон. Население столицы, отмечает в своем дневнике Миранда, встречало президента с таким восторгом и преклонением, точно он был господом богом. Между тем воевал не один Вашингтон, а весь народ, поэтому несправедливо покрывать только его одного всей славой, а остальных участников борьбы лишать ее.

На следующий день Миранда в сопровождении Рендона наносит визит президенту, которому вручает письмо Кахигаля. Вашингтон рад приветствовать славного участника взятия Пенсакольт и Багамских островов. Он оставляет молодого креола на обед. Миранда производит благоприятное впечатление на хозяина и получает приглашение отобедать с ним также на следующий день.

Однако это не взаимная симпатия. Вашингтон хотя и вежлив в обращении, неразговорчив, нелюдим, общение с ним, отмечает Миранда в дневнике, не вызывает энтузиазма. С энтузиазмом или без него, но каракасец ежедневно бывает у президента, где знакомится с его ближайшим окружением — советниками и министрами.

Все проявляют к нему большой интерес, расспрашивают об Испании, испанских колониях. Собеседники Миранды в особенности интересуются испанскими владениями, примыкающими к Соединенным Штатам: Калифорнией, Техасом, Луизианой, Флоридой. Многие американские деятели считают, что эти территории являются естественным продолжением их республики и должны поэтому рано или поздно стать ее достоянием. Другие заинтересованы в торговле с испанскими колониями, в частности с Кубой. Кто, как не Миранда - венесуэльский креол, адъютант губернатора Кубы, кадровый военный испанской армии, мог их просветить по всем этим вопросам?

И Миранда начал их просвещать, но неожиданно был вынужден прервать столь приятное занятие. Два дня спустя после его первого визита к президенту испанский посланник Рендон получил сведения из достоверного источника, что подполковник

Миранда, которому он столь неосмотрительно оказал гостеприимство, осужден испанским трибуналом на десять лет тюремного заключения за различные служебные преступления и, по существу, является беглым каторжником. Рендон пришел в ужас. Если в Мадриде узнают, что он покровительствовал этому преступнику, то и ему, пожалуй, не избежать подобной же участи.

Рендон попросил Миранду немедленно покинуть его резиденцию. Чтобы спасти свою репутацию, он упросил Миранду написать ему письмо, из которого следовало, что Рендон поселил у себя каракасца, не зная подробностей гаванской аферы. Миранда согласился выполнить просьбу испанского дипломата, походя попросив у него 600 песо в долг. Рендон тотчас дал креслу деньги, лишь бы поскорее от него отделаться. «Я помог моему другу Рендону, — отмечает Миранда в дневнике, — избежать крупных неприятностей, за что он мне выразил свою признательность».

Между тем в Филадельфии распространилась весть о злоключениях Миранды в Гаване. Иностранные дипломаты перестали его принимать. За одним несчастьем приходит другое.

Негоциант Сигров сообщил ему, что его деньги и багаж затонули. По всей вероятности, Сигров, зная, что Миранда преследуется испанскими властями, их присвоил. Положение каракасца становилось явно щекотливым. Обо всем этом он сообщил в письме Кахигалю, не забыв упомянуть, что направил испанскому королю объяснение относительно своего поведения в Гаване.

С Филадельфией пришлось распрощаться. Теперь путь странствующего рыцаря лежит в Нью-Йорк, куда он прибывает в санях 17 января 1784 года. Как всегда, у него с собой набор рекомендательных писем. Но Миранда уже не может выступать в роли подполковника испанской армии. Всем известно, что для испанских властей он осужденный на каторгу преступник. Теперь ему незачем притворяться и выдавать себя за слугу испанского короля. По крайней мере с друзьями, с противниками деспотизма, с ревнителями свободы он сможет быть откровенным…

Пребывание в Нью-Йорке — это, по свидетельству самого Миранды, переломиый этап в его жизни. Именно в этом городе он окончательно и бесповоротно решил посвятить себя делу освобождения Испанской Америки от чужеземного гнета. Его путешествие по Соединенным Штатам, встречи и беседы с деятелями молодой республики, дотошное изучение опыта американской освободительной войны — все это говорило о том, что жители испанских колоний также могут обрести свободу и начать независимое существование. Но кто же возглавит борьбу?

Креолы. Они, эти пасынки испанцев, не могут рассчитывать на справедливое к себе отношение со стороны мадридских властей. Взять хотя бы его собственный пример. Разве он, Миранда, не старался верой и правдой служить испанскому королю, не сражался, не защищал его интересы? Даже за свое капитанское звание он заплатил своими кровными деньгами. Какова же была награда? Клевета, унижения, преследования и в довершение ко всему терновый венец: десять лет каторжной тюрьмы. Нет, креолы никогда не смогут поладить с испанцами, как колонисты Новой Англии не смогли поладить с английскими колониальными властями. А что уж говорить о миллионах индейцев, которых грабят и эксплуатируют испанские чиновники и монахи! Разве они не будут приветствовать независимость колоний, разве они не будут счастливы обрести свободу?

И все же только одному населению колоний будет чрезвычайно трудно сбросить испанский гнет. Испания — могущественная мировая держава, опа располагает громадным флотом, ее армия — одна из лучших в Европе, ее правители и колониальные чиновники — хитрые, коварные и беспощадные люди, за их спиной — легион попов и монахов, во власти которых души верующих. Если североамериканские колонисты были не в состоянии справиться с английскими колонизаторами без военной помощи Франции и Испании, то жители испанских колоний и подавно не смогут обрести свободы без непосредственной военной поддержки иностранных держав.

К таким выводам пришел Миранда, находясь в Нью—Йорке в январе 1784 года.

В то время Нью—Йорк был главным деловым и политическим центром Соединенных Штатов. В этом городе новые рекомендательные письма, которыми он запасся в Филадельфии, свели его со многими выдающимися участниками американской революции.

Среди них были двадцатисемилетний аристократ Александр Гамильтон, один из секретарей Вашингтона, генерал Генри Нокс, бывший книгопродавец и будущий военный министр, полковник Дюер, в прошлом дровосек, ставший горячим поклонником Миранды и снабжавший его деньгами, Томас Пейн — философ-бунтарь, полковник Уильям С. Смит, который быстро сдружился с каракасцем, и многие другие интересные и влиятельные люди. Встречи и беседы с ними убедили Миранду в том, что движение за независимость испанских колоний найдет в Соединенных Штатах многих друзей. Однако рассчитывать на прямую военную помощь со стороны США патриотам испанских колоний не следовало. Молодая республика, пройдя горнило семилетней

войны, нуждалась в длительном периоде мира. Ее руководители боялись ввязаться в конфликт с Испанией, который мог бы превратиться в новую затяжную, кровопролитную схватку. Но, кроме того, были и другие причины, о которых мы уже упомянули. Влиятельные деятели США надеялись со временем воспользовать ся частью «испанского наследства» в Америке, присоединив к своей стране соседние испанские владения. Эти деятели вовсе не были заинтересованы оказывать поддержку испано—американским патриотам и тем самым способствовать возникновению у своих границ независимых и свободолюбивых государств.

Таким образом, вывод напрашивался сам собой: единственной державой, которая могла выступить в поддержку независимости испанских колоний, являлась Англия. Она должна была поступить так, во—первых, из чувства мести к Испании, которая своей поддержкой Вашингтону в немалой степени способствовала завоеванию независимости ее колоний в Америке; во—вторых, она больше, чем какое-либо другое государство, была заинтересована в колониальных продуктах и в сбыте своих товаров на рынках испанских колоний, к которым она получила бы доступ при условии их независимости. Итак, теперь остановка была за малым: следовало договориться с английским правительством об условиях его помощи, и дело независимости можно считать обеспеченным...

Восемь лет спустя Миранда писал в послании влиятельным креолам Каракаса: «В 1784 году в городе Нью-Йорке родился современный план добиться независимости и свободы всего испано-американского континента с помощью Англии, которая тем более заинтересована в этом, ибо Испания первой подала пример, оказав поддержку английским колониям в их борьбе за независимость».

Сделав ставку на Англию, Миранда принимает решение направиться в Лондон. Теперь он озабочен главным образом тем, как набрать побольше рекомендательных писем к влиятельным английским вельможам и политическим деятелям. Хотя сделать это в Соединенных Штатах того времени было нелегко, учитывая, что они появились на свет в результате смертельной схватки именно с Англией, Миранда все же сумел обеспечить себя такого рода «литературой»...

После заключения Версальского мира США и Англия установили дипломатические отношения. Сотрудником американской миссии в Англии назначен был полковник Уильям С. Смит, поклонник Миранды. Он обещает содействовать каракасцу в Лондоне не только связями, но и кошельком. Другие

знакомые каракасца снабжали его письмами к английским сторонникам американской революции.

От губернатора Бостона Ханкока Миранда получил рекомендательное письмо к одному деятелю следующего содержания: «Полковник Миранда, который будет иметь удовольствие вручить Вам это письмо, испанский джентльмен - энтузиаст дела свободы. У него обширные знания людей и вещей, и он лишь ждет оказию, чтобы начать свое дело».

Такие рекомендации — это целый капитал. С их помощью можно совершить чудеса...

Миранда пробыл в Нью-Йорке около четырех месяцев. В конце мая 1784 года он едет в Олбани, оттуда в Нью-Ханси, затем в Бостон. Его дневник регистрирует визиты к местным нотаблям, обеды и приемы в его честь, посещение библиотек, муниципалитетов, колледжей, церквей, крепостей, фортификации.

Миранда посетил еще с десяток других городов, побывал в университете, встретился еще со многими знаменитостями, в их числе с французским генералом Лафайетом, участником американской революции.

Молодая демократия США произвела на Миранду большое впечатление. Он положительно отмечает такие ее стороны, как участие в местном самоуправлении широких слоев населения, отсутствие сословных барьеров, распространение просвещения. Все это способствовало быстрому экономическому и культурному развитию новой республики. Но молодой каракасец ясно видел и многие теневые стороны этого строя: всевластие богатства, религиозное ханжество, культ бизнеса. «В этой стране, — писал Миранда о Соединенных Штатах, — бедные делают богатых».

В Бостоне Миранда встречается с Самуэлем Адамсом, известным юристом и политиком, будущим послом в Лондоне. Миранда отмечает в своем дневнике, что он поставил в тупик Адамса своей критикой американской формы правления. «Почему, — спросил Миранда Адамса, — в вашей стране закон провозглашает основой демократии добродетель, а в жизни вся власть принадлежит собственности? Богатство правит у вас, а не добродетель. Не погибнет ли от этого ваша республика? Или взять ваше отношение к религии. Ваши законы считают религию частным делом граждан, закон не отдает предпочтения какой-либо секте или культу, однако на практике только последователи христианства могут у вас занимать государственные должности, быть законодателями. Разве это справедливо?» Адамс был вынужден признать обоснованность замечаний Миранды. Эта встреча послужила началом многолетней дружбы между ними

Другой Адамс, Джон, ставший вторым президентом Соединенных Штатов, также принял Миранду и долго говорил с ним о положении в испанских колониях. Впоследствии Джон Адамс писал: «Миранда знал больше о каждом походе, сражении, осаде, штурме, битве или стычке, которые имели место во время войны за независимость США, чем любой другой офицер нашей армии или государственный деятель в нашей стране. Он приобрел среди нас репутацию непревзойденного знатока военного искусства, получившего классическое образование и обладающего универсальными знаниями. Он отличался проницательным умом, беспокойным воображением, ненасытной любознательностью. Он красноречиво рисовал молодым офицерам блестящие возможности обогащения, которые откроются перед ними после освобождения испанских колоний и установления режима свободной торговли и республиканского строя».

Джон Адамс был прав. Пожалуй, ни один другой иностранец так дотошно не знакомился с новой республикой, не изучал ее людей, обычаи, нравы, экономику, природу, историю и искусство, как этот неутомимый, любознательный, неугомонный креол.

В Бостоне Миранда присутствовал на заседании местного законодательного собрания. Дебаты показались ему малоинтересными. Депутаты, отмечает он в дневнике, мололи чепуху, казались людьми несведущими и случайными.

Миранда прослышал, что близ Бостона находится городок Салем, где в прошлом колонисты охотились за ведьмами, истязали и сжигали женщин, заподозренных в связях с дьяволом. Креол Выразил желание посетить этот «центр грубого фанатизма». Его повезли в Салем, показали место расправы над «ведьмами», познакомили с делами «преступниц».

«Эти фанатики, — пишет Миранда в дневнике, — подвергали порке женщин за непосещение церковной службы».

Вернувшись в Бостон, Миранда продолжал обсуждать с американскими деятелями различные проекты освобождения испанских колоний. В его архиве сохранился план создания освободительной армии волонтеров в 5 тысяч человек. Он подсчитал, что вооружить и обмундировать такую армию обошлось бы в 4622000 американских долларов. План помечен 23 ноября 1784 года В его обсуждении принимали участие генерал Нокс и другие американские военные.

В Бостоне Миранда был частым гостем в доме доктора Ллойда, известного патриота. Сын Ллойда в своих воспоминаниях пишет, что Миранда показался ему «самым необыкновенным и замечательно энергичным человеком», которого когда-либо

пришлось ему встретить. Излюбленной темой разговоров Миранды была грядущая революция в испанских провинциях Южной Америки. Он обсуждал эти вопросы с величайшим энтузиазмом, со страстным и покоряющим красноречием, его тело пребывало постоянно в движении, он быстро шагал по комнате и представлялся, говорит автор воспоминаний, «для моего молодого воображения ярким примером более совершенного человеческого характера, вождем, способным возглавить восстание народа, недовольного своим правительством, и осуществить любое другое смело задуманное им предприятие».

Пребывание Миранды в США подходило к концу. Он прожил в этой стране полтора года, изъездил ее вдоль и поперек, познакомился и подружил со многими ее знаменитостями, изучил опыт освободительной войны, приобрел новые познания в самых различных областях человеческой деятельности, освоил английский язык, причем все это ему не стоило ни гроша.

15 декабря 1784 года Миранда, полный самых радужных надежд на будущее, хотя и лишенный каких-либо средств к существованию, отбывает из Соединенных Штатов на корабле «Нептун» в Англию.

В его багаже сотни книг, в том числе сочинения английского философа Юма, которые он будет читать в пути, неразлучная флейта и пачка рекомендательных писем к английским политикам, философам и писателям...

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II

20 августа 1785 года в лондонской газете «Морнинг кроникл» появилась заметка, которая привлекла внимание всех тех ее читателей, кто интересовался заморскими делами, «Нам доподлинно известно, — говорилось в заметке, — что в Лондоне находится в настоящий момент важный испано-американец, пользующийся доверием своих сограждан, который намерен завоевать себе славу освободителя родной страны. Это человек возвышенных идей и глубоких знаний, владеющий древними и современными языками, начитанный и имеющий большой жизненный опыт. Он посвятил многие годы изучению политических вопросов... Этот джентльмен, после того как он объехал все провинции Северной Америки, прибыл в Англию, которую он считает родиной свободы и школой политических наук... Мы преклоняемся перед его талантами, уважаем его достоинства и дружески желаем ему успеха в самом благородном деле, которому только может посвятить себя человек, — облагодетельствовать миллионы своих соотечественников даром свободы».

Легко узнать в этом портрете Миранду. Но автор заметки в «Морнинг кроникл» вводил в заблуждение своих читателей, указывая, что не названный им джентльмен пребывает в Англии. Дело в том, что, когда заметка появилась в печати, Миранда уже одиннадцать дней как находился в Пруссии. Каким же образом он там очутился?

Миранда прибыл в Лондон 1 февраля 1785 года. Он поселился в гостинице «Рояль» в центре города в районе Пэл-Мелл

В столице Англии креол первым делом встречается со своим

другом по Гибралтару негоциантом Джоном Тэрнбуллом. Оба рады этой встрече и ждут от нее многого.

В руках Тэрнбулла сосредоточены главные нити контрабандной торговли с испанскими колониями. У него на многочисленных островах Карибского моря, охватывающих, подобно гигантской диадеме, Венесуэлу, свои склады и базы. Доверенные люди Тэрнбулла не боятся проникать тайком на материк, они доходят до самого Каракаса. Состояние английского негоцианта исчисляется сотнями тысяч фунтов стерлингов. Но как и всякий негоциант, он помышляет его преумножить. И это он сможет сделать запросто, если испанские колонии станут независимыми и начнется свободная торговля с ними.

Хотя в Англии правят аристократы, но, не в пример мантуанцам, они относятся с уважением к негоциантам, В Англии никто не гнушается бизнесом. Сам король и лорды участвуют в финансовых спекуляцнях, в торговых аферах. Правительство уделяет большое внимание развитию внешней торговли страны. Стоит ли удивляться, что у Джона Тэрнбулла большие связи в правительственных сферах?

Тэрнбулл внимательно слушает своего креольского друга, убеждающего его, что испанские колонии созрели для независимости и могут завоевать ее, если Англия окажет им помощь. Он лично готов содействовать планам каракасца, однако английское правительство слишком обессилено продолжительной и изнурительной войной со своими английскими колониями, народ устал от бесконечных войн, все хотят мира. Необходимо выждать, а пока действовать осмотрительно, чтобы не повредить задуманному делу.

Для Миранды такой совет был подобно холодному душу. Он все свои планы строил на том, что англичане немедленно дадут ему все необходимые средства — деньги, оружие, людей — для освобождения колоний. Вместо этого ему придется сидеть и ждать, пока Англия залечит свои раны. А ведь этот процесс залечивания может продлиться не один год.

Между тем английские деятели, к которым у него рекомендательные письма, вовсе не спешат откликнуться на его визитные карточки. Как-никак, а он все же испанский подполковник, который сражался против англичан у стен Пенсаколы и участвовал в захвате Багамских островов. Лишь два месяца спустя после прибытия Миранды в Лондон, и то только благодаря стараниям Тэрнбулла, лед начинает таять, и Миранда получает первые, столь долгожданные и милые его сердцу приглашения отобедать у того или другого английского деятеля.

Эти два месяца Миранда пытается наладить свою жизнь в

английской столице. Много времени уходит у него на попытки добыть денег. Он пишет мужу своей сестры Франсиско Антонио де Ариета в Каракас письмо, прося срочно переслать ему в Лондон 2 тысячи песо. Переправить это письмо через надежного человека берется, разумеется, Тэрнбулл. Другое письмо, тоже тайными путями, он направляет Кахигалю. Затем он пишет новое пространное, на девяти страницах, послание испанскому королю Карлу III. Перечислив все многочисленные несправедливости, совершенные по отношению к нему за период военной службы, он просит короля принять его отставку и вернуть уплаченные им некогда за капитанский чин 85 тысяч реалов, а также причитающееся ему за последние два года жалованье.

Свое послание Миранда пересылает в Мадрид на имя премьер-министра Флоридабланки через испанского посланника в Лондоне Бернардо дель Кампо, которому наносит визит. Дель Кампо принимает его дружески, предлагает свои услуги. Но Миранда чувствует, что за вежливыми словами дель Кампо кроется недоверие. Дель Кампо — это не простодушный и доверчивый Рендон. Испания держала в Лондоне своих наиболее хитрых и продувных дипломатов. Одним из таких и был дель Кампо. Еще до того как ему сообщили все подробности бегства Миранды с Кубы, он разгадал в нем врага испанского короля, стал следить за каждым его шагом и вредить ему где и чем только мог.

В своем первом сообщении в Мадрид о пребывании Миранды в Лондоне дель Кампо указывал, что креол приехал в Лондон якобы с планами береговых укреплений Кубы, которые собирается продать английскому правительству. Он предлагал украсть эти планы у Миранды и сжечь их. Чтобы выиграть время, Флоридабланка через дель Кампо сообщил Миранде, что передал его меморандум королю, о решении которого он будет своевременно извещен.

Миранда разгадывает эту игру с ним испанских властей, но ему самому пока выгодно продолжать ее. Он еще не заручился поддержкой англичан, положение его крайне неопределенное, вступать в открытую борьбу с Испанской империей пока не настало время. Нужно скрывать свои подлинные намерения, окутать тайной свою деятельность, вести двойную бухгалтерию своим действиям, устанавливать полезные связи, протянуть секретные нити из Лондона в испанские колонии. Тэрнбулл и в этом будет ему верным и незаменимым помощником. В Лондоне начинается подпольная деятельность Миранды, его карьера «принца конспираторов». В этой деятельности будут свои взлеты и падения, гениальные находки и провалы, святые и злодеи. Она

коснется почти всех знаменитых людей Европы и Америки...

Приезд в Лондон полковника Уильяма С. Смита, назначенного секретарем посольства Соединенных Штатов, отразился самым благоприятным образом на состоянии дел Миранды. Смит стал ангелом—хранителем креола. Американский полковник с первого же дня своего знакомства с Мирандой уверовал в его звезду и всю свою жизнь считал для себя честью помогать этому испано-американскому Вашингтону. Некоторое время спустя Смит пригласил Миранду совершить путешествие на континент, в частности посетить Пруссию и посмотреть военные маневры армии короля Фридриха II. Все расходы по поездке Смит брал на себя. Как отказаться от столь заманчивого предложения? Ведь ознакомиться с армией Фридриха II было давнишней мечтой Миранды. Еще служа в испанской армии, он просился направить его в Пруссию для изучения военного искусства, но тогда ему было в этом отказано.

Миранда принимает приглашение Смита, одалживает у Тэрнбулла 200 фунтов стерлингов на карманные расходы и укладывает чемоданы. Перед отъездом он наносит визит дель Кампо и просит у него рекомендательное письмо к испанскому посланнику в Берлине. Дель Кампо выполняет его просьбу и одновременно тайно уведомляет своего берлинского коллегу о прибытии в столицу Пруссии «опаснейшего врага Испании» Миранды, советуя установить за ним неусыпное наблюдение и постараться убедить прусские власти арестовать его и выдать испанскому правительству.

Рассчитывая, что креол направится из Пруссии во Францию, дель Кампо извещает о такой возможности испанского посла в Париже, который немедленно обращается к французскому правительству с просьбой арестовать Миранду, как только он появится на территории этой страны. Французские власти готовы оказать услугу своей союзнице Испании, и полиция будет в течение многих месяцев бдительно присматриваться ко всем иностранцам в надежде опознать в одном из них разыскиваемого преступника, пока ей не сообщат, что он направил свои стопы совсем в другом направлении...

9 августа 1785 года Миранда в обществе полковника Уильяма С. Смита покидает Англию и через Голландию направляется в Берлин, куда оба путешественника прибывают в конце месяца. Там они наблюдают маневры армии Фридриха II и в числе других высокопоставленных гостей присутствуют на приеме в королевском дворце Сан—Суси, где Миранда встречается с генералом Лафайетом, известным ему еще по США.

В Берлине оба путешественника решают посетить Вену. По

дороге они заезжают в Дрезден, где Миранда у местного испанского посланника Луиса де Ониса, ничего не знавшего о его конфликте с Мадридом, раздобыл новый паспорт, дающий ему право на путешествие по европейским странам. Из Дрездена путники направляются в Прагу.

В Венгрии они встречаются с композитором Гайдном, находящимся на службе у мадьярского вельможи Эстергази. Страстному флейтисту Миранде есть о чем поговорить со знаменитым музыкантом, к которому, как, впрочем, и ко всем знатным людям, посещаемым им в пути, у него припасено рекомендательное письмо.

В Вене друзья расстаются. Смит возвращается через Париж в Лондон, а Миранда, убедившись, что с рекомендательными письмами можно столь же дешево путешествовать по Европе, как и по Соединенным Штатам, решается направиться в Италию. Что его зовет в эту страну? Не только его увлечение архитектурой и искусством, но и желание установить непосредственные контакты с иезуитами, изгнанными из испанских колоний и проживающими в папских владениях. Миранда рассчитывает, что иезуиты, движимые чувством мести, окажут поддержку любому противнику испанского короля. Об этом ему намекнули осведомленные люди в Англии. Помощь иезуитов может пригодиться. У них еще много сторонников в колониях, с которыми они поддерживают тайные связи. Кроме того, они прекрасно осведомлены о положении в Испанской Америке.

С первым из таких иезуитов, Эстебаном де Артеагой, Миранда встречается в Венеции. Артеага связал каракасца с другими членами ордена Лайолы, выселенными из испанских колоний и обосновавшимися в Болонье. К ним на встречу спешит Миранда через Падую, Верону, Мантую, Парму, Модену... И всюду по пути он посещает музеи, церкви, картинные галереи, театры, встречается с местными знаменитостями и властями.

В Болонье экспатриированные иезуиты встречают весьма дружелюбно антииспански настроенного креола. Они охотно снабжают его различными сведениями об экономическом и административном положении в колониях, дают ему адреса к своим поверенным людях в различных городах Европы. Миранда видит: большинство иезуитов - дряхлые старцы, живущие воспоминаниями о прошлом величии. Однако связь с ними пригодится ему, ведь многие верят в могущество ордена Лойолы...

Из Болоньи Миранда едет в Рим. По дороге он останавливается в Пистойе, Лукке, Пизе, Ливорно, Сьене, где дотошно осматривает различные достопримечательности. На

рождество, 25 декабря, неутомимый путешественник прибывает в столицу папского государства. Тут он живет под именем Маррина из штата Мэриленд, США. И поступает разумно: попроси испанский король папу римского выдать Миранду, «святой отец» не отказал бы ему в этой услуге.

В Риме Миранда ведет жизнь туриста: осматривает Колизей, катакомбы, храм святого Петра, посещает библиотеки, покупает старинные редкие книги.

Но если он уже в Риме, то не поехать ли ему в Грецию? Греция занята турками, но их нечего опасаться человеку, преследуемому испанским королем. Он мечтает осмотреть все центры древней цивилизации, увидеть своими глазами ее памятники, постараться уразуметь причины ее величия и падения. Не поняв прошлого, нельзя разумно судить о настоящем, невозможно правильно предвидеть будущее. Ему, будущему вождю освободительной борьбы испанских колоний, необходимы знания, культура, опыт. Он должен быть равен по своим знаниям, если не выше, руководителям североамериканской республики — Вашингтону, Джефферсону, Гамильтону. Только тогда он сможет добиться всеобщего признания.

В феврале 1786 года Миранда направляется в Неаполь, а оттуда в Рагусу, где одно из рекомендательных писем, которыми он продолжает запасаться со свойственной ему предусмотрительностью на протяжении всего путешествия по Европе, приводит его к местному вице-консулу великой северной Российской державы. Вице-консул описывает ему могущество России, создателем которой был царь Петр Великий. Вице-консул настойчиво уговаривает заморского гостя поехать в Санкт-Петербург, он уверен, что императрица Екатерина II, следующая заветам Петра Великого, окажет подполковнику Миранде достойный прием.

Миранда слушает своего нового друга точно завороженный. Великая Россия, Екатерина II... Ведь русские в Америке соперники испанцев, их фактории раскинулись по всему тихоокеанскому побережью — от Аляски до Сан-Франциско. Они должны быть заинтересованы в освобождении испанских колоний. Это откроет перед ними возможность продвигаться далее на юг...

Вице-консул уже почти уговорил Миранду.

— Обратитесь к русскому посланнику в Константинополе Якову Ивановичу Булгакову, — говорит Миранде его собеседник, вручая ему рекомендательное письмо к этому русскому дипломату, — и он обеспечит вам проезд до самого Санкт—Петербурга.

Миранда спешит в Грецию. В Афинах он осматривает

Акрополь, затем заворачивает в Скутари, где австрийский посланник выдает или, вернее, продает ему новый паспорт на имя графа Франсиско де Миранды. Ведь Миранда едет в Россию, а там без дворянского титула не обойтись…

30 июля новоиспеченный граф появляется в Константинополе, где наносит визит Якову Ивановичу Булгакову, которому этот нежданно-негаданно появившийся в Турции креол весьма понравился своими изысканными манерами и разносторонними познаниями. Булгаков приветствовал намерение знатного креола посетить Россию и тут же написал рекомендательное письмо херсонскому губернатору князю А. И. Вяземскому.

Осмотрев мечети, храм святой Софии, знаменитую библиотеку Рашид—паши и другие достопримечательности турецкой столицы, Миранда в сентябре 1786 года направился морским путем в Херсон, эти южные ворота екатерининской России. В зеленом портфеле, с которым он никогда не расстается, кроме рекомендательного письма к князю А. И. Вяземскому, у него письма к генералу Ранинскому, австрийскому консулу Розоровичу, голландскому негоцианту ван-Шутерну… На границе Миранда наравне с другими путешественниками был вынужден пройти карантин — долгих сорок дней в полной изоляции. Русские власти пытались обезопасить себя против черной оспы и других заразных болезней, распространенных во владениях Турецкой империи.

9 ноября 1786 года Миранда, наконец, попадает на русскую землю, в Херсон. Все здесь поражает и привлекает его внимание: люди, их обычаи, климат. Миранда быстро установил контакт с губернатором Херсона князем Вяземским, жена которого оказалась испанкой - племянницей (кто бы мог подумать!) генерала О'Рейлли, того самого, который в свое время так настойчиво преследовал Миранду в Испании. Разумеется, она ничего не знала об этом и отнеслась к графу Миранде чрезвычайно дружелюбно, как к «другу» ее дяди. В результате князь Вяземский пригласил знатного путешественника поселиться в его дворце. Он стал запросто бывать у князя Долгорукова, полковника Нехлюдова, коменданта города Корсакова…

Херсон — пограничная крепость. В городе сорок тысяч жителей, из них добрых две трети военные. Миранда проводит свое время в беседах с офицерами местного гарнизона на военные темы. Почему каракасец задерживается в Херсоне? В этом городе он узнает, что южные провинции России собирается посетить Екатерина II. Приезду императрицы предшествует ее

могущественный фаворит Григорий Михайлович Потемкин, князь Таврический, умный и энергичный царедворец. Его ожидают в Херсоне, а так как здесь Миранде кров и пища обеспечены во дворце Вяземских, то он принимает решение дожидаться Потемкина у своих гостеприимных хозяев.

28 ноября у Вяземских Миранду знакомят со знаменитым русским полководцем Суворовым, с которым каракасец вступает в оживленную беседу на излюбленную тему - о военном искусстве.

В тот же вечер в город приехал Потемкин, с которым Миранда впервые встречается два дня спустя у тех же Вяземских. Потемкин принял путешественника с подчеркнутым уважением и радушием, сказал ему различные знаки внимания. «Мы встретили в Херсоне одного испано-американца господина Миранду, — писал впоследствии в своих воспоминаниях один из спутников всемогущего вельможи, принц Нассау-Зинген, — незаурядного и остроумного человека, понравившегося Потемкину».

Сближению Миранды с Потемкиным способствовал в немалой степени адъютант последнего, неаполитанец де Рибас, говоривший по—испански, с которым каракасец быстро установил приятельские отношения. Де Рибас оказывал немало услуг Миранде, в том числе одалживал ему деньги. Но, конечно, основной причиной, побудившей екатерининского фаворита обратить внимание на Миранду, было желание получить достоверные сведения об испанских колониях Америки, к северным границам которых вплотную подошли тогда русские зверопромышленники, продвигавшиеся вдоль тихоокеанского побережья Америки.

В 1784 году, за три года до прибытия Миранды в Россию, купец Шелехов основал русское поселение на Острове Кодиак, вблизи Аляски. Шелехов и другие русские купцы готовились пройти дальше на юг, к Калифорнии. Испанцы разгадали эти планы и, в свою очередь, стали продвигаться на север. В 1768—1769 годах направленная из Мексики испанская экспедиция заняла Верхнюю Калифорнию, затем направились далее на север. В 1779 году испанцы достигли 59° северной широты, считая, что все земли к югу от этой линии являются их собственностью.

За всеми этими событиями внимательно следили Екатерина II и Потемкин. В конце 1786 года императрицу посетил компаньон Шелехова купец Голиков, сообщивший ей о деятельности русских купцов в районе Аляски и южнее. Рассказ Голикова произвел столь большое впечатление на Екатерину II, что она отдала приказ снарядить и направить в район Тихого океана отряд военных судов под командованием капитана Муловского «для охраны права нашего на земли, российскими

мореплавателями открытые». В состав отряда входили четыре фрегата и одно транспортное судно. Затем весной 1787 года по указанию Екатерины II в подмогу Муловскому были направлены еще три военных корабля. Учитывая, что Испания держала в Тихом океане для охраны своих американских владений всего четыре линейных корабля и четыре фрегата, направленный Екатериной II флот свидетельствовал о серьезных намерениях заставить Испанию уважать права России в этом районе.

Интересы Испании и России сталкивались тогда не только в Америке, но и в Европе. Испания, связанная с Францией союзным договором, по примеру последней всемерно противилась планам России вытеснить Турцию из ее европейских владений. Путешествие Екатерины II в Крым толковалось многими как признак того, что Россия готовится к новой войне с Турцией. Если бы такая война тогда вспыхнула, то Франция, а с нею и Испания выступили бы в поддержку Турции против России.

Миранда появляется в России в самый разгар этих событий. Его сопровождает слава человека, обладающего огромными связями в испанских колониях и способного если не освободить эти колонии, то, во всяком случае, причинить немало головной боли мадридскому двору. Неспроста, как об этом доносят русские послы из Мадрида, Парижа и Лондона, испанское правительство усердно охотится за Мирандой по всей Европе.

При сложившихся условиях Миранда явился подлинной находкой для русского правительства. Вот почему сперва Г. М. Потемкин, а потом и Екатерина II принимают Миранду чрезвычайно любезно и на виду у всех, в особенности послов Франции и Испании, оказывают ему необычные для его ранга и действительного положения знаки внимания.

Г. М. Потемкин долго не задерживается в Херсоне. Он спешит в Крым, где должен подготовить все необходимое для встречи Екатерины II. Могущественный вельможа предлагает Миранде сопровождать его, причем предоставляет каракасцу место в своей собственной карете — особо великая честь, тем более для иностранца, которого по крайней мере в Испании считают государственным преступником.

Миранда охотно принимает приглашение Потемкина. Креол проявляет большой интерес к положению в Крыме. 15 декабря 1786 года он записывает в своем дневнике: «Я узнал в высшей степени интересные вещи. Дело в том, что русские насильно переселили отсюда свыше 65000 греческих и армянских семей (христиан, по их словам) в Екатеринославскую губернию, чтобы заселить ее. В результате Крым остался совершенно разоренным и лишенным земледельцев. С другой стороны, область, которую они

хотели заселить, уже представляет собой пустыню, потому что никто из этих несчастных мучеников не остался там… Возможно ли, что еще происходят такие недопустимые вещи и что деспотизм не понимает гибельных результатов такой несправедливости и таких злоупотреблений!..»

Свои критические замечания Миранда доверяет только дневнику. Внешне он — сама любезность с Потемкиным и другими вельможами. Для него главное — заручиться их поддержкой в борьбе за освобождение колоний.

После блестящего бала, которым был встречен новый, 1787 год в доме Вяземских, Миранда 5 января отбывает с Потемкиным в Крым. Потемкина сопровождает большая свита. Миранда едет в карете вельможи и все время беседует с ним по-французски на самые разнообразные темы. Потемкин рассказывает своему гостю о различных военных кампаниях, в которых ему довелось участвовать, делает разбор политики великих держав в Европе, знакомит с историей России, а Миранда делится своими впечатлениями о Соединенных Штатах, Англии, Пруссии и других странах и, конечно, расписывает баснословные богатства испанских колоний, к которым получила бы доступ держава, достаточно дальновидная, чтобы оказать помощь креолам в борьбе за независимость.

Путешествие длится шестнадцать дней. Потемкин, не расставаясь с Мирандой, посещает Перекоп, Симферополь, Бахчисарай, Инкерман, Севастополь. Оттуда они едут в Карасубазар, затем возвращаются через Старый Крым и Перекоп в Херсон.

Хотя Миранда привык к экзотике, Крым производит на него неизгладимое впечатление. Татары и их восточные обычаи, диковинные караимы, которых он видит в Бахчисарае, своеобразная архитектура, минареты, соседствующие с памятниками древнегреческой культуры, благодатная природа Крыма, напоминающая ему родную Венесуэлу, — ничто не ускользает от его внимания, как об этом свидетельствуют его дневниковые записи.

После краткой остановки в Херсоне Потемкин приглашает Миранду сопровождать его в Киев, куда должна приехать Екатерина II. Разумеется, Миранда соглашается. Но положение его далеко не из легких. Потемкин, хотя и относится к нему с подчеркнутой предупредительностью, ничего не говорит по поводу поддержки Россией освободительного движения в испанских колониях. Все решит Екатерина II, которой Миранда будет представлен в Киеве. Между тем у каракасца в кармане гуляет ветер, правда, пища и кров обеспечены ему, как обычно, но

одежонка пообносилась, к тому же у него только цивильное платье, не предстанет же он в потрепанном камзоле перед всероссийской императрицей! Миранда обращается за помощью к коменданту Херсона Корсакову, который охотно его ссужает 300 рублями.

В Кременчуге, где останавливаются Потемкин и его свита проездом в Киев, граф Миранда шьет себе у местного умельца-портного расшитый золотыми галунами мундир испанского полковника. Это удовольствие ему стоит 200 рублей. Остальные уходят на покупку шикарной шляпы с плюмажем и шпаги с позолоченной рукояткой. Отмечая это в своем дневнике, Миранда мимоходом присовокупляет, что в Кременчуге ему был представлен на одном из приемов генерал-майор М. И. Кутузов, обладающий глубокими познаниями в области военной науки.

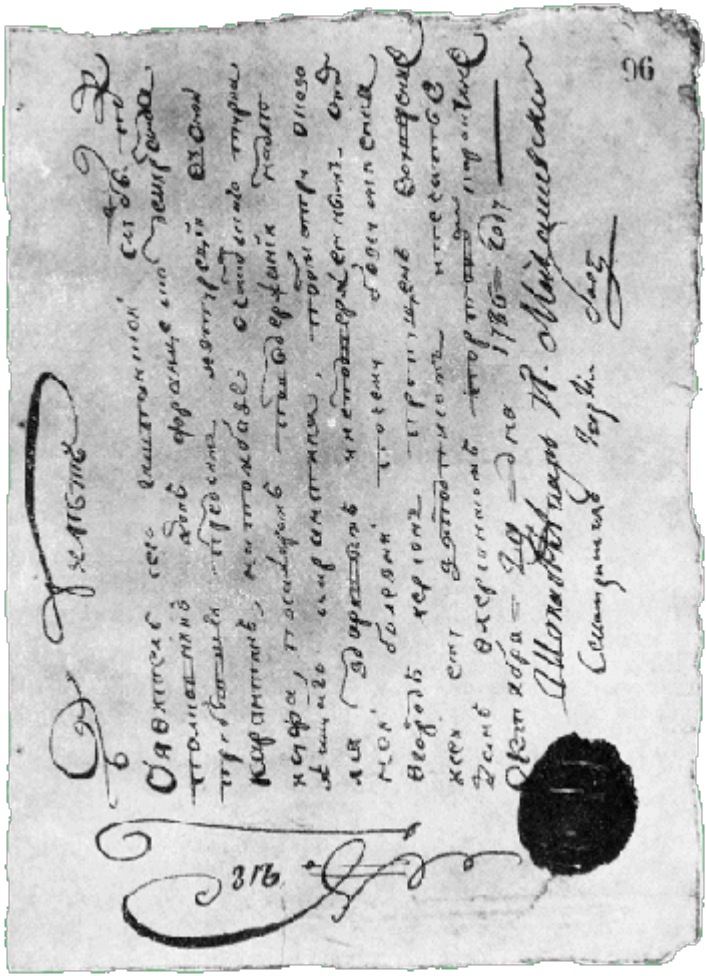
Миранда очень высокого мнения о русских военачальниках, о боеспособности русской армии, он неоднократно отмечает в своем дневнике такие качества русского солдата, как храбрость, выносливость и смекалка. Но свободолюбивый креол не может не заметить и того, что этот солдат является подневольным, крепостным, жертвой офицерского произвола. Об этом он тоже говорит в своем дневнике: «...обучают солдат без иных учителей или наставников, кроме палки, которая готова упасть на спину, если солдат не научится - и не сделает того, что ему приказано... Солдат редко ест что-либо, кроме хлеба, соли и кое-каких овощей».

Пока Миранда справляет в Кременчуге свой гардероб, участвует в войсковых смотрах и наносит визиты местному начальству. Потемкин спешит в Киев. 7 февраля вслед за ним туда прибывает и Миранда. Ему отводятся покои в гостином дворе Киево-Печерской лавры.

Киев празднично украшен в честь пребывания в нем Екатерины II. На главных улицах иллюминация. Вместе с императрицей в город прибыли министры, придворные вельможи, послы иностранных держав. Со всей Малороссии и Польши сюда съехались аристократы, помещики. Недалеко от Киева, в Каневе, обосновался последний король Польши — Понятовский.

В первые дни пребывания в Киеве Миранда знакомится с церквами, соборами, с лаврой и ее катакомбами. Но главное, что его интересует, это особа Екатерины II, от воли которой теперь в известной степени зависит его судьба. Адъютант Потемкина знакомит его с ближайшими придворными императрицы, ее прошлыми и настоящими любимцами. Миранду представляют князю Безбородко, ведающему иностранными делами, министру двора князю Шувалову, маршалу Румянцеву, Саше Мамонову —

гвардейскому офицеру — очередному фавориту Екатерины II, послам Англии, Пруссии, Франции. Испанский поверенный в делах из—за болезни не смог сопровождать в поездке. Императрицу и остался в Петербурге. Это избавляет Миранду от встречи с ним, но только временно.



Свидетельство о прохождении карантина, выданное Миранде в Херсоне в 1786 году.

Екатерина II. Рисунок неизвестного художника

Наконец 14 февраля 1787 года граф Миранда, одетый в свой полковничий мундир, при шляпе с плюмажем и шпаге, был представлен Потемкиным Екатерине II, которая подробно расспрашивала его о положении в испанских колониях, а затем пригласила к своему столу. Екатерине было тогда 58 лет. Миранда, судя по свидетельствам приближенных императрицы, произвел на нее положительное впечатление. А. А. Безбородко писал в письме одному своему другу, что Миранда, «ревностно стенающий о несчастии и угнетениях своего отечества, понравился не только князю (Г. М. Потемкину. — И. Л.), но и государыне».

Вслед за первой встречей с Екатериной II последовали другие. Миранду приглашали на все приемы, обеды, торжественные церемонии по случаю пребывания в Киеве императрицы. «Хотя, - сообщал в Вену австрийский посол

Кобенцль, — Миранда не имел доступа во внутренние покои императрицы, тем не менее он жил в тесной близости со всеми нами (дипломатами, сопровождавшими Екатерину II - И. Л.), равно как и со двором. Он человек обширных познаний, свободно высказывающийся обо всем и особенно против испанского правительства».

Вначале Екатерина II предложила Миранде остаться в России.

- Вас могут увезти в Испанию, где инквизиция лишит вас жизни, — говорила императрица каракасцу.

Советский истории В. М. Мирошевский, изучивший различные документы, касающиеся пребывания Миранды в России, высказал предположение, что русское правительство намеревалось в 1787 году отправить каракасца с одной из русских экспедиций в северный район Тихого океана. Тогда, опираясь на Камчатку, Миранда мог бы приступить к освобождению испанских колоний от колониального рабства.

Однако каракасец не принял предложения Екатерины II. Почему? Скорее всего потому, что он не захотел стать одним из тех слуг иностранного происхождения на службе русских вельмож, которые подобно полковнику де Рибасу, адъютанту Потемкина, превращались лишь в послушных исполнителей капризов и прихотей своих могущественных покровителей

Нет, такая жизнь была бы не по нутру Миранде. Он мечтал возглавить освободительное движение колоний, а для этого ему следовало сохранить свою собственную независимость, которую он утратил бы, поступив на службу к русскому правительству.

Миранда обратился с просьбой к Екатерине II выдать ему на подготовку восстания против испанцев в их американских владениях десять тысяч рублей золотом и дать указания русским послам за границей оказывать ему содействие в случае необходимости.

Екатерина II согласилась удовлетворить все эти просьбы. Миранда, действующий под покровительством русской императрицы, — разве это не больной щелчок высокомерию мадридского и французского дворов, назойливо пытающихся помешать русской экспансии как на юге Европы, так и на юге Америки?

22 марта Екатерина II вместе с Потемкиным выехала из Киева в Крым. Миранда же остался в городе до начала мая. Он присутствовал на пасхальных молебнах в Киево-Печерской лавре, нанес визит королю Понятовскому в Каневе, участвовал в бесчисленных балах, приемах, обедах, вечерах. Всюду ему оказывали знаки внимания, местная знать считала для себя честью визит знаменитого заморского гостя, которому

благоволила сама императрица.

Но вот Миранда, получив от своих киевских друзей изрядное количество рекомендательных писем к влиятельным лицам двух российских столиц, 2 мая в своей собственной кибитке, которую купил по случаю, направился в Москву. Его путь лежит через Нежин, Орел, Тулу. Ехал ои проселочными дорогами. Столбовая дорога, по которой должна была возвращаться в СанктПетербург Екатерина II, была занята войсками, строившими по обочинам бутафорские деревни, увековечившие имя Потемкина

11 мая кибитка Миранды въезжает в Москву Кучер гонит лошадей в центр города, пересекает Арбат и подкатывает к дворцу, стоящему на холме против Кремля. Здесь живет князь Румянцев, отец маршала, здесь будет жить и граф Миранда по приглашению маршала, с которым креол подружился в Киеве.

Старый князь встречает иностранного друга своего сына с чисто русским гостеприимством. В его распоряжении дворец, слуги, выезд. В честь гостя устраивается прием, на котором присутствует вся московская знать. Ему наносят визиты губернатор города Шереметьев, княгиня Горчакова и другие русские «гранды». Приглашения графу Миранде на приемы и рауты сыплются как из рога изобилия.

Миранда продолжал оставаться верным себе. Он не чурается званых обедов и ужинов, стараясь одновременно ознакомиться с культурными очагами и памятниками города, изучить быт и нравы его обитателей. Свои впечатления он продолжает заносить в дневник. Из него мы узнаем, что в Москве было тогда около 250 тысяч жителей, что дома в городе были деревянные, что Миранда обошел Кремль, посетил университет, больницу, приют для престарелых, школу, церкви, в том числе католическую, монастыри, текстильную мануфактуру. Разумеется, столь любознательного путешественника его друзья повели в русскую баню, где, к его немалому удивлению, женщины и мужчины купались вместе.

Месяц пробыл Миранда в Москве. Но вот кибитка вновь запряжена парой удалых гнедых. Заморский граф прощается со своими московскими друзьями и направляется в Петербург, где у него должны состояться заключительные встречи с русской императрицей и ее советниками.

14 июня 1787 года, миновав Новгород, Миранда приезжает в столицу России, где останавливается во дворце генерала Левашева, с которым познакомился и подружился во время пребывания в Киеве.

В столицу еще не прибыли ни императрица, ни ее двор. Из членов правительства здесь находятся только вице-канцлер

Остерман. Он приветствует графа Миранду и везет его в Гатчину, где представляет цесаревичу Павлу. Мнящий себя великим знатоком военного дела, Павел несколько дней беседует с каракасцем о тонкостях военного искусства.

Следует детальный осмотр столицы, поездка в Кронштадт, Петергоф, Ораниенбаум. В промежутках — приемы, обеды и балы в домах столичной знати, где блестящий граф Франсиско де Миранда в мундире полковника испанской армии приводит в восторг и умиление царских сановников, их жен и дочерей не только своими безукоризненными манерами, но и обворожительной игрой на флейте.

Пока Миранда таким образом коротает время в ожидании прибытия императрицы, поверенный в делах Испании в Петербурге Педро де Маканас развивает лихорадочную деятельность с целью засадить в темницу того, кого мадридский двор считает одним из своих опаснейших врагов. Маканас всех и вся заверяет, что Миранда висельник и опасный вольнодумец, самозванец и проходимец, что он вовсе никакой не граф и не полковник, а разжалованный капитан испанской армии, осужденный на десять лет каторги. Следует отметить, что подполковничий чин, пожалованный креолу Кахигалем, никогда не был утвержден Мадридом. Поэтому Маканас имел основания утверждать, что чин подполковника, а тем более полковника Миранда носит незаконно.

Интриги испанского дипломата не возымели желаемого действия, более того, они еще более обострили интерес к Миранде. Его продолжали охотио принимать в аристократических семьях, ибо всем было известно, что к нему благоволила императрица; для русских же вельмож и сановников именно это обстоятельство являлось решающим, а отнюдь не мнение испанского поверенного в делах.

Педро де Маканас, однако, непринадлежал к числу людей, легко признающих себя побежденными, тем более что мадридское правительство настойчиво требовало от него обезвредить Миранду во что бы то ни стало. «Слышно, что гишпанский король зол на нас безмерно за прием Миранды», — сообщал Безбородко Потемкину. А русский посол в Мадриде Зиновьев доносил о просьбе испанского правительства выдать ему Миранду или по крайнеймере выслать каракасца из России. «Я могу заверить ваше превосходительство, — писал Зиновьев вице-канцлеру Остерману, — что испанский двор был бы весьма восприимчив к такому проявлению благосклонности нашего двора и не замедлил бы при случае оказать ему подобную же услугу».

Маканас, действуя согласно инструкциям, полученным из

Мадрида, затребовал у Миранды представить ему доказательства - патенты, свидетельствующие о его праве на графский титул и звание полковника испанской армии. Миранда ответил ему письмом, в котором указывал, что Маканас может обращаться с такими требованиями к своим подчиненным, а не к нему. Этот конфликт совпал с возвращением Екатерины II и ее двора в Петербург. Маканас, поддерживаемый дипломатическими представителями других бурбонских королевств — французского и неаполитанского, поспешил заявить русскому правительству протест по поводу дружественного отношения к Миранде официальных кругов.

О перипетиях этого конфликта тогдашний французский посол в России Сегюр писал в своих воспоминаниях, что Миранда «поссорился с испанским поверенным в делах, который хотел заставить его снять полковничий мундир или показать свои патенты. Императрице очень хотелось, чтобы уладили этот спор. Испанский поверенный показал мне довольно сухое письмо, которое он написал этому воину, и ответ его. Последний был не только неуместен, но груб — написан в самых оскорбительных выражениях. Я объяснил доверенному, что так как дело дошло до личностей, то мне тут нечего давать советы и вмешиваться. Но через несколько дней он показал мне формальное повеление своего двора просить императрицу выдать Миранду, как изменника, осужденного за политические преступления... Я обещал ему прератить всякие сношения с Мирандою, с которым так часто виделся в Киеве. Так как министры, чтобы понравиться императрице, оказывали уважение этому испанцу, приглашали его на званые обеды и принимали вместе с дипломатическим корпусом, то я им объявил вместе с неаполитанским министром Серра Каприола, что такое обращение с человеком, обидевшим испанского поверенного в делах, показывает пренебрежение к дворам мадридскому, неаполитанскому и версальскому и что наши с ними отношения могут от этого измениться».

Эти протесты и демарши бурбонских дипломатов не производили никакого впечатления на царское правительство. Екатерина II продолжала относиться к каракасцу с прежним вниманием. Вернувшись из своего путешествия, она приняла 18 июля в Царском Селе Миранду и вновь заверила его в своей поддержке. Чтобы лишить Маканаса основания для новых протестов, Екатерина предложила каракасцу носить мундир полковника Екатеринославского кирасирского полка, которым командовал сам Потемкин. Миранда немедленно заказал себе такой мундир, хотя ему пришлось заплатить за него, как и за предыдущий, 200 рублей. Но расход был оправдан, ведь теперь он

становился законным полковником русской армии и тем самым неуязвимым для каких бы то ни было интриг Маканаса.

Потемкин, находившийся во время этих событий в Крыму, продолжал интересоваться судьбой своего венесуэльского друга. Полковник Гарновский, сообщавший князю о важнейших событиях придворной жизни, писал ему: «Гишпанского короля поверенный в делах при здешнем дворе просил здешнее министерство, чтобы графа Миранду, яко вредного королю его человека, выслать вон отсюда. Государыня изволила указать ответствовать на сие: «Как Мадрид от Петербурга находится в неблизком расстоянии, то ее императорское величество не уповает, чтобы граф Миранда мог в таком случае быть его величеству королю гишпанскому опасен».

8 августа Екатерина приняла в личных покоях Зимнего дворца Миранду. В Эрмитаже каракасец провел с императрицей и ее ближайшим окружением весь вечер. Екатерина вновь убеждала своего протеже остаться в России, напоминая ему об опасностях, которые угрожают ему со стороны испанских агентов за границей. Миранда стоял на своем: действуя из Лондона, ему будет легче поднять на борьбу за независимость испанские колонии. К тому же он должен завершить свое путешествие по европейским странам, только через него могут узнать в Европе о бедственном положении испанских колоний.

Вскоре после этой беседы Безбородко вручил Миранде 2 тысячи гульденов в счет обещанных ему 10 тысяч рублей — остальную часть этой суммы он получит в Лондоне. Кроме того, Миранда получил 500 гульденов на дорожные расходы. Уплату его долгов в Петербурге русское правительство тоже взяло на себя.

Но самым ценным подарком, полученным Мирандой от Безбородко, были рекомендательные письма русским дипломатическим представителям в Вене, Париже, Лондоне, Гааге, Копенгагене, Стокгольме, Берлине и Неаполе, повелевавшие им от имени Екатерины II оказывать всяческую поддержку и помощь графу Франсиско де Миранде. Письма были идентичного содержания, и все они были подписаны лично Безбородко. Вот текст одного из них: «Граф Миранда, полковник на службе его католического величества, прибыв в Киев во время пребывания там императрицы, имел честь быть представленным ее императорскому величеству и снискать расположение нашей августейшей повелительницы своими заслугами и высокими достоинствами, в том числе и познаниями, приобретенными им в путешествиях по различным частям света. В знак своего уважения к г. де Мндранде и особого внимания к нему ее императорское

величество повелевает Вашему сиятельству по получении настоящего письма оказать этому офицеру такой же прием, какой она сама ему оказала, окружить его всевозможными заботами и вниманием, обеспечить ему Ваше содействие и покровительство во всех случаях, когда он будет в них нуждаться и пожелает ими воспользоваться. И, наконец, предоставить ему в случае необходимости убежище в Вашем доме. Рекомендуя вам этого полковника столь настоятельным образом, императрица желает тем самым выразить, сколь она поощряет заслугу там, где встречает ее, и сколь безусловное право на ее благоволение и высочайшее покровительство имеет тот, кто обладает такими высокими достоинствами, как г. граф де Миранда».

Как следует из вышеприведенного текста, письма были составлены в весьма дипломатической форме, в них подчеркивается, что Миранда состоит на службе испанского короля, необычное благоволение к нему Екатерины объясняется его «заслугами и высокими достоинствами». Если бы эти письма попали в руки испанцам, то они не могли бы по своему содержанию являться уликами, изобличающими Миранду в служении иностранной державе.

7 сентября 1787 года Миранда покупает на дорогу «Хромого черта» и «Жиль Блаза», переезжает в Кронштадт и там переходит на шведское судно «Анна-Карлота», которое в тот же день его увозит в Стокгольм.

Всего Миранда провел в России 10 месяцев. Он пересек ее с юга на север, познакомился с Екатериной II, ее ближайшими советниками. Ему удалось произвести на всех впечатление человека, в руках которого находится будущее испанских колоний. Но не в этом заключается баснословный успех его пребывания в России, а в том, что он заручился поддержкой правительства могущественной Российской империи. Россия стала, таким образом, первой в мире страной, которая поддержала деятельность Миранды, направленную на освобождение испанских колоний. В будущем Миранда и его друзья — креольские патриоты будут ощущать еще не раз эту столь необходимую для них поддержку.

В Стокгольме каракасца встретил русский посланник в Швеции граф Андрей Разумовский, который, ознакомившись с рекомендательным письмом Безбородко, предложил креолу не только служить чичероне по шведской столице, но и остановиться у себя в доме. Разумеется, Миранда с благодарностью принял столь любезное приглашение. Разумовский оказался хлебосольным хозяином, и Миранда гостил у него полтора месяца.

Как обычно, свое время наш путешественник расходует в первую очередь на ознакомление с достопримечательностями города, его культурными учреждениями, архитектурными памятниками. Он посещает известных в то время в Швеции художника Мартино и скульптора Сергеля, с которыми проводит много часов в беседах об искусстве. Король Швеции Густав II, прослышав о пребывании Миранды в Стокгольме, пригласил его к себе во дворец и расспрашивал о Соединенных Штатах и о России. Хотя король был убежден, что Миранда является агентом русского правительства (шпионом, как он выразился своим близким), — ведь каракасец жил у посланника Разумовского! — он осыпал своего гостя всяческими похвалами. Шведский король боялся Екатерины II, покровительствовавшей заморскому гостю. Поэтому, когда испанский посланник в Стокгольме потребовал арестовать и выдать Мадриду Миранду, король отказался выполнить это требование и разрешил Миранде беспрепятственно покинуть Швецию.

Из Стокгольма Миранда направился в столицу Норвегии Кристианию, где он провел семь дней и посетйл местную тюрьму, шахту. Оттуда креол возвращается в Швецию — в Гетеборг. Здесь его очень радушно принимают губернатор провинции, директора Шведско—Индийской компании, разные генералы, полковники, местные бароны. Он остается там восемнадцать дней. Его манят другие города Швеции _— Кристианстад, Карскруна, Лунд. В окрестностях города Ланскруны Миранда посещает дом, в котором жил и трудился знаменитый шведский астроном Тихо де Браге.

Путешествие по Швеции закончено. Теперь каракасец спешит в Данию. На пути в Копенгаген он посещает Эльсинор, замок, где по преданию обитал Гамлет, принц датский; крепость Кронеборг, древнюю резиденцию датских королей. В Копенгагене Миранда также поселяется у русского посланника Круденера.

Молва о таинственном креоле, путешествующем по Скандинавии, давно уже достигла столицы Дании. Министры, иностранные дипломаты, военные и политические деятели — все наперебой хотят встретиться с этим представителем Нового Света, которому покровительствуы русская императрица и выдачи которого настоятельно требует испанский король. Скандинавские, голландские, немецкие газеты пишут, что он посвятил себя освобождению испанских колоний от рабства. Как не познакомиться с таким экзотическим персонажем, как не пригласить его на обед, не показать его своим друзьям и знакомым? И Миранда два месяца гостит у Круденера, вращается среди местной знати и дипломатов.

Было бы ошибочно думать, что все это время каракасец только и делает, что ест, веселится или фланирует туристом по улицам датской столицы. Здесь, как и в других городах Европы, он ведет своеобразную пропагандистскую работу: рассказывает о неисчерпаемых богатствах испанских колоний, о том, в какой кабале их держат мадридские власти, внушает всем мысль о необходимости, о неизбежности их освобождения. По существу, только через него общественное мнение Европы впервые узнает правду о положенни в испанских колониях, проникается симпатией к борьбе их населения за свободу и независимость.

В Копенгагене Миранда интересуется кабинетом естественной истории, арсеналом, лечебными учреждениями, тюрьмами. Он возмущается условиями, в которых содержат заключенных в местных тюрьмах: они в кандалах, голодные, живут в грязи и нечистотах. Об этом он говорит министрам, которые обещают улучшить тюремный режим.

Миранду манят германские вольные города—порты, жизнь которых тесно связана с заморской торговлей. Он покидает Данию и через Фленсбург, Киль и Любек приезжает в вольный город Гамбург, где его опекает местная русская дипломатическая миссия. В Гамбурге каракасец встречается со знаменитым немецким писателем и драматургом Клопштоком, с которым обходит книжные магазины и покупает книжные новинки. Его интересуют история, философия, искусство, военные науки. Книги неудобно, да и не безопасно возить с собой. Он их пакует в ящики и отправляет в Лондон.

1 мая 1788 года наш неутомимый путешественник прибыл в Амстердам, в Голландию. Голландцы — старые соперники испанцев, они не могут не сочувствовать идее освобождения колоний, они жаждут открытия новых рынков для мировой торговли. Из Амстердама Миранда едет в Гаагу, где встречается со знаменитым анатомом Петром Камнером и философом Францем Хемстеруисом, восхищается шедеврами голландского искусства.

Из Голландии Миранда держит путь в Бельгию. Он посещает Антверпен, Брюссель, Лувен, Льеж и всюду встречается с местными знаменитостями, не пропуская ни одного выдающегося памятника страны или картинной галереи.

Теперь Миранду зовет великая европейская река Рейн, вдоль которой расположены древние немецкие города Кельн, Кобленц, Майнц. По Рейну он плывет во Франкфурт, а затем в Страсбург.

30 июня каракасец прибывает в Базель. Наконец он в Швейцарии, которая слывет самой свободной страной в тогдашней Европе. Миранда пересекает ее с севера на юг и через

Беллинзону вступает в Италию, ту ее часть, которая занята Австрией.

Он посещает Милан, крупнейший город северной Италии. Здесь он осматривает собор, бессмертное полотно Леонардо да Винчи «Тайную вечерю» и другие шедевры искусства эпохи Возрождения. Здесь же он встречается с известным криминалистом Беккария.

Из Милана Миранда возвращается в Швейцарию. Теперь он едет в Цюрих, где его ждет другой ученый муж, Жан Гаспар Лаватье, философ, поэт и физиономист. В Женеве креол встречается с натуралистом Соссюром, посещает замок Ферне, где жил и творил Вольтер, и памятные места, связанные с деятельностью Руссо, Монтескье и других великих мыслителей, сотрясавших основы феодально-монархического порядка в Европе. В Берне креол гостит у графа Григория Разумовского, посланника России. В Лозанне обедает с известным английским историком Эдуардом Гиббоном, автором знаменитого сочинения «Величие и падение Древнеримской империи».

Чтобы завершить свое путешествие по Европе, Миранде остается только посетить Францию. Три года тому назад это было не безопасно, тогда по просьбе мадридского двора его разыскивала французская полиция. Но за эти годы во Франции произошли знаменательные перемены. Франция бурлит, она похожа на готовый к извержению вулкан. Брожение охватило все сословия. Королевская власть колеблется. Но все же осторожность не помешает. Миранда получает у графа Разумовского паспорт на имя ливонского дворянина Франца Мерова и с ним пересекает швейцарско-французскую границу. Он едет в Лион, где посещает известные в Европе шелкопрядильные фабрики. Затем вдоль реки Роны продвигается к Марселю через Вьен, Валас, Оранж и Авиньон, в котором одно время в средние века пребывали папы и где он осматривает принадлежавшие им некогда древние дворцы и крепости.

Что же влечет нашего неугомонного путника в Марсель? Отнюдь не желание познакомиться с веселой жизнью его портовых кабачков, а долгожданная встреча с энциклопедистом аббатом Рейналем, автором шеститомной «Философской и политической истории о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях», созданной при участии Дидро и Гольбаха. В этом труде Рейналь подверг беспощадной критике испанскую монархию за политику грабежа в ее заморских владениях и католическую церковь — за участие в этой политике. В 1781 году это произведение было по решению французских властей предано сожжению, а аббат был отлучен от церкви и вынужден был бежать

из Франции — сперва в Англию, а затем в Россию, где его сочинения пользовались большим успехом. Произведения аббата Рейналя были широко известны и среди просвещенных креолов. У него были свои корреспонденты в испанских колониях. Миранда хотел изложить Рейналю свои планы освобождения колоний от испанского господства.

Три дня провел Миранда в обществе аббата Рейналя в Марселе. Беседа текла легко и непринужденно. Казалось, что они знают друг друга уже много лет, настолько были схожи их взгляды. Рейналь выразил уверенность, что испанские колонии неизбежно последуют примеру английских владений в Америке и завоюют независимость. Он одобрил решение Миранды посвятить себя осуществлению этой великой задачи и предупредил своего собеседника, что сама Франция находится на пороге серьезных потрясений. Королевский режим прогнил, все ожидают перемен, старый порядок должен рухнуть, под его руинами будут погребены произвол, невежество, предрассудки. Бывший аббат сказал Миранде:

— Я потерял веру в бога, освящающего своим авторитетом власть короля — мота, развратника, но обрел веру в Человека, в его способность освободиться от пут старого общества и создать новое, справедливое и свободное.

Получив от Рейналя адреса его друзей в других городах Франции и в подарок — произведения энциклопедистов, которые он тут же отправил в Лондон, Миранда продолжает свое путешествие вдоль лазурного побережья Средиземного моря по направлению к Генуе. По пути он посещает Тулон, где знакомится с его арсеналом, Канн, город, у которого много веков тому назад потерпел поражение в знаменитом сражении карфагенский полководец Ганнибал, мечтавший завоевать Рим. Он останавливается в солнечной Ницце, в мечтательном Монте—Карло.

В Генуе каракасец встречает новый, 1789 год, год великих событий во Франции. Осматривая в Генуе местную реликвию — кусок хвоста осла, на котором якобы въехал в Иерусалим Иисус Христос, Миранда возмущается религиозными предрассудками итальянцев.

Из Генуи Миранда направился в Турин, столицу Пьемонтского королевства, где у него была намечена встреча с русским посланником. Затем он вновь возвращается к Рейналю в Марсель, откуда едет в Монпелье. Здесь на медицинском факультете местного университета учатся несколько молодых перуанцев и бразильцев. Миранда встречается с ними, узнает последние новости из колоний. Следуют короткие остановки в

Безье, Нарбонне и Каркассонне — городах, расположенных неподалеку от испанской границы. Чего искал там Миранда? Возможно, он устанавливал связи с надежными людьми, которые могли бы ему помочь тайно связаться с Кахигалем или другими друзьями в Испании? Мы не знаем. Об этом, как и о прочих конспиративных делах, его дневник благоразумно хранит молчание.

Потом он появляется в Бордо, где внимание его привлекает не знаменитое вино, Миранда так и остался всю жизнь непьющим, а замок, где родился один из его кумиров — Монтескье. В Бордо он получает рекомендательные письма в северные порты Франции — Брест, Шербург, Гавр, Руан. В Бресте его приглашает отобедать командующий французской военной эскадрой.

Из Руана — рукой подать в Париж. Миранда вновь спрашивает себя: ехать ли ему в столицу Франции? Не слишком ли это большой риск? Ведь именно в Париже испанскому послу легче всего схватить его и переправить за Пиренеи на суд и расправу инквизиции, как об этом его неоднократно предупреждала Екатерина II. Но на этот раз Миранда чувствует себя в безопасности. Вот уже полгода, как он путешествует по Франции, вернее, кружит по ее пограничным городам. Увиденное им убедило его в том, что дни королевского режима сочтены. Французской полиции теперь не до того, чтобы искать по просьбе мадридского двора Миранду. У нее теперь своих забот полон рот. Она не успеваегсажать в Бастилию противников своего собственного короля. К тому же у него вполне надежный русский паспорт на имя ливонского дворянина Франца Мерова, и в случае чего не будет же ссориться из-за него с русской императрицей Людовик XVI...

24 Мая 1789 года Миранда появляется в Париже. У него рекомендательные письма к археологу аббату Жан—Жаку Бартельми, к философу Жану Мармонтелю, которым восхищается Екатерина II — она перевела на русский язык главу из его романа «Белизарий», и к другим видным ученым и писателям.

18 дней пробыл Миранда в Париже. К сожалению, он повидал далеко не всех деятелей, с которыми надеялся встретиться. Атмосфера в Париже накалялась не по дням, а по часам. Все предвещало грядущую бурю. Сословия требовали немедленного созыва парламента. Росла дороговизна. Город был наводнен листками, призывавшими к свержению тиранического королевского режима, освобождению политических заключенных из казематов ненавистной Бастилии.

12 июня Миранда принимает решение вернуться в Лондон.

По всей вероятности, причина, побудившая его покинуть Париж, заключалась в том, что у него иссякли средства и что в городе, где все предвещало революционную грозу, раздобыть их не представлялось возможности.

Каракасец прощается со своими парижскими друзьями, которые приглашают его вернуться во Францию после победы революции. Разрешение на выезд в Англию ливонского гражданина Мерова было подписано лично королем Людовиком XVI.

Путешествие Миранды по Европе длилось почти 4 года, точнее, 3 года 11 месяцев и 1 неделю. За этот срок он объехал все европейские страны за исключением Испании, которую он уже знал, и Португалии. Но ведь говорят, что Европа кончается на Пиренеях. Он начал свое европейское турне почти безвестным человеком, теперь же его имя известно каждому королевскому двору, его знают короли, принцы, министры, полководцы, философы, ученые, художнники, писатели. Ему покровительствует могущественная Екатерина II — владычица необъятной Российской империи.

Четыре года тому назад в Европе мало кто думал или даже знал о положении в испанских владениях Америки. Теперь же благодаря его беспрецедентному вояжу Европа вновь открыла Америку, ту Америку, которую три столетия назад покорили огнем и мечом испанские конкистадоры. Европа теперь знает, что эта Америка тоже хочет быть свободной. Это провозгласил он, Франсиско Миранда, будущий ее освободитель и вождь.

Ему едва исполнилось 39 лет. Но сколько он уже успел повидать и сделать! Однако это всего лишь начало, самое захватывающее и значительное впереди. Он уверен в этом, он это знает.

Полный радостных предчувствий и надежд, Миранда покидает Париж. 18 июня он прибывает в Лондон, а 26 дней спустя, 14 июля 1789 года, народ Парижа штурмом берет Бастилию, открывая новую замечательную страницу в истории не только своей родины, но и всего человечества, в том числе и испанских колоний.

КОВАРНЫЙ МИСТЕР ПИТТ

Миранда возвращается в Англию в момент, когда ее отношения с Испанией резко обостряются в связи с конфликтом в районе Нутка—Зунд. Так называется фиорд в районе острова Ванкувер, расположенного у тихоокеанского побережья Америки, там, где проходит современная граница между Канадой и США. Этот район, богатый рыбой и пушным зверем, давно уже манил к себе и русских купцов, и испанских аделантадо, и английских трейдеров. Опасаясь укрепления в этом месте русских, испанцы направили туда весной 1789 года отряд военных кораблей, но, к своему немалому удивлению, вместо русских обнаружили английские корабли, прибывшие сюда из Индии. Испанцы напали на англичан и захватили их в плен.

Когда сведения об этом столкновении достигли Лондона, в парламенте и в Сити поднялась настоящая буря возмущения против испанцев. Английское правительство потребовало от Мадрида сатисфакции — немедленного освобождения незаконно захваченных кораблей и их экипажей, а также выплаты соответствующей компенсации за причиненный Англии ущерб. Мадрид отверг эти требования. Отношения между обоими государствами обострились до предела. В мае 1790 года английский парламент демонстративно разрешил правительству израсходовать миллион фунтов стерлингов на вооружение. Англия и Испания открыто стали готовиться к войне.

Именно о таком моменте и мечтал Миранда. Военный конфликт с Испанией давал возможность английскому правительству оказывать прямую и существенную помощь креольским патриотам. Опираясь на поддержку Англии, они смогли бы сбросить с себя колониальные оковы, завоевать

независимость.

Осуществление этого плана, однако, зависело не столько от его инициатора — Миранды, сколько от премьер-министра Англии Уильяма Питта-младшего, Согласится ли он с доводами Миранды, предоставит ли английский флот, армию и денежные ресурсы в распоряжение патриотов, а точнее, Миранды, ибо других патриотов, кроме него, в Европе пока что никто не знал? На эти вопросы мог ответить только сам мистер Питт, с которым стремится встретиться Миранда с первых дней своего пребывания в туманном Лондоне.

Уильям Питт-младший, казалось, самой судьбой был предназначен править Англией в один из самых сложных и тревожных периодов европейской истории. Сын бывшего премьер-министра Англии Уильяма Питта-старшего, он в детстве получил изысканное классическое образование, свободно владел не только древнегреческим и латинским языками, но также французским и немецким. В возрасте 21 года он был избран в палату общин, где его эрудированные, мастерски построенные выступления произвели столь большое впечатление на его коллег, что три года спустя они избрали его премьер-министром. Таким образом, 24-летний Питт-младший стал самым молодым главой правительства в истории Англии. К тому времени как Миранда вернулся в Лондон, Питт уже шесть лет правил Англией и обладал недюжинным государственным опытом.

Питт быстро приобрел славу проницательного, хитрого, волевого государственного деятеля, которого трудно было обмануть или тем более перехитрить. Противники опасались его.. Друзья - восторгались им. И те и другие были согласны, что Питт младший являлся одним из самых талантливых государственных деятелей Европы 1780-х годов.

Это был худой, высокого роста человек с большим выпуклым лбом и глубоко посаженными голубыми глазами. Длинный и острый нос придавал его лицу хищное и беспощадное выражение. Держался он высокомерно, как и подобало родовитому аристократу, но одевался скромно. На нем, как правило, был темный фрак, украшенный золотыми пуговицами, короткие штаны, белые шелковые чулки до колен, черные с золотой пряжкой башмаки.

И вот этого человека Миранде предстояло убедить в необходимости оказания помощи и поддержки делу освобождения испанских колоний. Однако встретиться с ним каракасцу удастся только через шесть месяцев, в начале 1790 года…

Что же происходит в этот промежуток? Во-первых,

французская революция, великая французская революция, которая поглощает внимание всех общественных деятелей Англии. Два самых знаменитых английских памфлетиста, Эдмунд Бурк и Томас Пейн, скрещивают по поводу ее свои перья. Бурк против, Пейн за французскую революцию.

Англичан вообще трудно чем-либо удивить. Даже революцией. Свыше ста лет тому назад они сами произвели революцию, свергли и казнили своего короля и провозгласили республику. В Англии революция эта закончилась компромиссом буржуазии с аристократией. Но чем закончится революция во Франции? Такой вопрос задают себе многие английские политики. На континенте люди не столь рассудительны, как на Британских островах. А от этих увлекающихся и вспыльчивых французов, конечно, можно ожидать чего угодно...

Между тем события во Франции развиваются с калейдоскопической быстротой. Генеральные Штаты, созванные королем под давлением народа, преобразуются в Национальную ассамблею, которая, в свою очередь, становится Учредительным собранием. 27- августа Учредительное собрание провозглашает хартию человеческих свобод — Права гражданина и человека. 5 и 6 октября король и его сторонники пытаются совершить контрреволюционный переворот, но терпят поражение. Народ штурмует королевскую резиденцию — Версаль и отправляет короля под стражей в Париж...

Питт с беспокойством наблюдает за Францией, ведь «дурной» пример заразителен, беспорядки легко могут перекинуться через Ла-Манш в Англию, тем более что оппозиция во главе со своим лидером Джеймсом Фоксом откровенно симпатизирует французским революционерам. И этот Миранда — друг американских повстанцев... Каракасец приехал в Англию накануне французских событий. Не является ли он агентом французских крамольников? Его друзья Джеймс Фокс, Томас Пейн, философ Иеремия Бентам, ученый Джозеф Пристли слишком рьяно выступают в защиту галльской революции. Пристли получил по заслугам — хулиганы, подкупленные полицией, сожгли его дом. Правда, среди друзей каракасца имеются и вполне благопристойные консерваторы — тот же Джон Тэрнбулл, полковник Уильям Джонстон, старый его знакомый по Ямайке, наконец, Томас Поуналь, бывший английский губернатор Массачусетса, член палаты общин и Королевского научного общества, автор философского трактата о человеческом естестве. Они вхожи к Питту и пользуются его доверием. Они единодушно рекомендуют ему связаться с каракасцем, который в состоянии оказать неоценимые услуги Англии.

Но Питта не так-то легко убедить в чем—либо. Этот креол, проникающий с легкостью графа Калиостро во дворцы, в будуары великосветских куртизанок и в кабинеты философов, продолжает вызывать в нем недоверие.

Нет, прежде чем встретиться с ним, рассуждает Питт, следует его проверить, и отдает приказ своей тайной полиции неусыпно следить за каждым шагом каракасца.

Но за действиями Миранды следят не только английские власти. Испанский посол Бернардо дель Кампо, прослышав о_ возвращении Миранды в Лондон, пришел в превеликое возбуждение и поклялся, что коварный каракасец понесет примерное наказание. Охарактеризовав в письме Флоридабланке Миранду как человека, обладающего «лихорадочным воображением, кипучей энергией, умом и знаниями, превышающими средний уровень», испанский дипломат предлагал своему высокопоставленному начальнику заманить каракасца в Испанию или расправиться с ним в Лондоне. «Буду от души рад, — писал в Мадрид дель Кампо, — если эта отбившаяся овца возвратится в свое родное стадо».

Флоридабланка приказал дель Кампо обезвредить каракасца любым способом на месте или, еще лучше, украсть, посадить тайком на первый же отходящий из Англии испанский корабль и доставить его в один из портов Испании.

Дель Кампо взялся за выполнение этих инструкций с присущим ему рвением. За свою долгую дипломатическую карьеру ему неоднократно уже случалось заниматься подобными делами. Ведь недаром он заслужил у своего короля маркизский титул. В Лондоне у него десятки платных агентов. Дель Кампо считал, что похитить Миранду ему будет сравнительно нетрудно.

А как же ведет себя Миранда? Он давно заметил, что за ним следят английские сыщики и охотятся испанские агенты. Первых он не опасается; что касается вторых, то с ними следует быть начеку. Он встречается с дель Кампо и спрашивает его, есть ли решение испанского правительства по его письму с просьбой об отставке, которое он послал Флоридабланке накануне отъезда в Россию. Дель Кампо заверяет каракасца в своих дружеских чувствах, но от прямого ответа уклоняется. Миранда вновь обращается к Флоридабланке с просьбой дать ответ на его предыдущее послание. Походя Миранда перечисляет посещенные им страны и как бы невзначай сообщает, что ему сделаны «выгодные предложения в США и Европе, однако он пока ничего не решил по этому вопросу». Миранде, готовящемуся возглавить освободительное движение в колониях, важно добиться от испанцев снятия с него обвинения в предательстве, контрабанде и

прочих преступлениях.

Пока Мадрид молчит, дель Кампо приглашает Миранду на обед: присутствуют два испанских полковника, капитан испанского корабля, несколько монахов. Креол понимает, что вокруг стола собрались люди, которым поручено похитить его. Ему удается обмануть их и бежать. Теперь от грозящей ему опасности спасти его может только одии человек в Лондоне — русский посол С. Р. Воронцов, у которого он и просит заступничества. Вполне естественно, что Воронцов, ознакомившись с охранной грамотой Безбородко, обещает каракасцу немедленную и всестороннюю помощь.

5 августа 1789 года Воронцов в письме к А. А. Безбородко сообщает о том, как развивались события дальше: «Мы условились, что он (Миранда—И. Л.), если б с ним такое покушение сделать хотели, в доме ли или на улице то бы случилось, объявил бы себя принадлежащим Российской миссии. Несколько дней спустя Гишпанский посол подослал одного своего попа к одному Гишпанцу, который за долги уже год как в тюрьме находится, обещая ему выкуп, есть ли он присягнет, что Миранда ему должен. Тот сие учинил, после чего нашелся стряпчий, который, показав одному судье требования Гишпанца на Миранду, получил от него повеление его арестовать. Но как с сим повелением сей стряпчий пришел днем и в дом нашего американского вояжера, то сей объявил при хозяевах сего дома, что он принадлежит Российской миссии, почему и не могли его взять. Но Миранда опасаясь, чтобы с ним подобное еще не случилось, ночью и на улице, просил меня, чтобы я его включил в реестр, который иностранные министры сообщают статскому секретарю, где все люди им принадлежащие показаны... Я не мог того ему отказать вследствие повеления ее императорского величества, что ваше сиятельство мне сообщить изволили и коим мне предписано не токмо давать. всякое покровительство господину Миранде, но и в случае нужды давать ему мой дом убежищем. И так вчерась я послал к дюку Лидсу реестр людей, принадлежащих к Российской миссии, поместив в оном имя господина Миранды».

О своих злоключениях пишет Миранда Екатерине, Безбородко, Потемкину, Мамонову. В письме к императрице каракасец выражает надежду, что и в дальнейшем он будет пользоваться ее покровительством — «единственной поддержкой, которая, я думаю, у меня теперь осталась в результате коварного преследования мадридских властей, лишающих меня пользоваться моей семейной собственностью и даже права переписки с моими, родителями и родственниками в Америке».

Свое послание Миранда заканчивает подлинным гимном в честь императрицы: «Счастливцы те, кто, находясь под властью государя просвященного, мудрого и философа, могут, защищенные от фанатизма и инквизиции, проводить в покое свои дни, занимаясь искусством и упражняясь в добродетели. Да продлит навсегда Великое Естество бесценную жизнь Вашего Величества для счастья ваших подданных и для всеобщей пользы человеческого рода».

В послании к Безбородко Миранда дает отчет посещений русских дипломатических миссий во время своего путешествия по европейским странам.

Потемкину каракасец пишет: «Я был бы счастлив, если бы вы пожелали меня использовать или я мог бы быть вам полезен и доказать таким образом преданность и уважение, порожденные вашей добротой и бесценными качествами».

С Мамоновым Миранда делился своими впечатлениями о пребывании во Франции, которая, как он писал, «находится в довольно непривычном, но подлинно интересном брожения».

Эта эпистолярная деятельность Миранды в тревожные месяцы второй половины знаменательного 1789 года показывает, что только поддержка и покровительство русского двора и его представителя в Лондоне С. Р. Воронцова позволили Миранде не только сохранить, но и продолжать подготовку своих планов, направленных на освобождение испанских колоний.

Пользуясь в этот период дипломатической неприкосновенностью, каракасец расширяет свои связи среди различных слоев английского общества, ведет обширную переписку со своими многочисленными друзьями, рассеянными по всей Европе, и, что важнее всего, встречается с креолами, которые, прослышав о его пребывании в Лондоне, начинают приезжать к нему из Испании и Франции. Этих креолов пока что единицы, некоторые из них появляются и исчезают, не оставив дальнейшего следа, другие, возможно, подосланы испанскими властями, но есть среди них и такие, у которых встреча с Мирандой вызывает крутой поворот всей их жизни, порождает твердую решимость посвятить себя борьбе за освобождение, за независимость. Эти неофиты-одиночки, воспламененные верой Миранды в неизбежность крушения Испанской империи, подобно метеорам, прорезывают своим светом колониальную мглу, предвещая наступление новой тревожной, обновляющей эпохи...

В январе 1790 года англо-испанский конфликт из-за Нутка—Зунда вновь обострился. Питт, понимая, что бурбонская Испания не может рассчитывать на помощь охваченной революционной бурей Франции, пытался заставить Мадрид пойти на уступки.

Испания же, скрывая свою слабость, была готова апеллировать к оружию. В этой накаленной обстановке Питт, наконец, решается на встречу с Мирандой. Об этом сообщает каракасцу его друг, член палаты общин Томас Поуналь.

Столь долгожданная и многообещающая для Миранды встреча состоялась 14 февраля в Голлвуде - загородной резиденции Питта. Премьер-министр Англии принял венесуэльского патриота в 11 часов утра и беседовал с ним наедине два часа сорок пять минут.

О содержании этой исторической беседы мы можем судить по различным записям Миранды. Каракасец довольно подробно обрисовал Питту положение в колониях, сопротивление различных сословий испанскому гнету. Он говорил о баснословных богатствах колоний, их естественных ресурсах, которые не приносят пока что пользы ни местному населению, ни человечеству. Англия могла бы получить доступ к этим несметным сокровищам, если бы она оказала помощь в освобождении колоний от испанского гнета. Понесенные расходы будут возмещены ей патриотами после изгнания из колоний испанцев. Миранда просил Питта снарядить в колонии военную экспедицию для поддержки всеобщего восстания патриотов. Доказывая, что такое восстание вполне реально, Миранда ссылался на движения Тупак—Амару в Перу и комунеросов в Новой Гранаде в начале 80—х годов. Добиваясь от Питта вооруженной помощи делу освобождения колоний, Миранда следовал примеру патриотов английских владений в Америке, которым оказали поддержку войсками, оружием и деньгами соперники Англии — Франция и Испания.

Излагая свой план Питту, Миранда сделал две важные оговорки. Во-первых, он подчеркнул, что готов сотрудничать с английским правительством в борьбе против Испании только в плане освобождения испанских колоний. Иначе говоря, Миранда предлагал свои услуги Питту не для борьбы против Испании как таковой, а для борьбы за независимость колоний. Во-вторых, он потребовал от Питта в случае принятия его плана заявить, что английское правительство, оказывая поддержку испано-американским патриотам, не потребует в качестве компенсации территориальных уступок за счет бывших испанских владений или установления там новой торговой монополии, но уже в своих интересах. Добиваясь английской поддержки, Миранда отнюдь не стремился сменить испанский гнет на английское иго, запродать испанские колонии англичанам, как об этом писали потом сторонники испанских колонизаторов; более того, и в этих переговорах с Питтом и впоследствии он всегда стремился

убедить англичан в том, что для них выгоднее всего полная независимость испанских колоний в Америке, и предупреждал их, что в случае попыток превратить испанские владения в английские колонии Англию ожидает неизбежное и позорное поражение.

Судя по записям Миранды, Питт весьма благожелательно выслушал его, задал ему много вопросов, а затем предложил изложить в письменном виде свои предложения. Миранда отмечает в дневнике, что Питт признал эти предложения полезными для Англии, но с оговоркой, что их осуществление возможно только в случае войны Англии с Испанией.

Миранда остался очень доволен результатами первой встречи с Питтом. «Мы получили от нее взаимное удовольствие, теперь мы связаны крепко и будем часто встречаться», — записал он в дневнике после визита в Голлвуд. Собеседников сблизила присущая им обоим страсть к книгам. От внимательного глаза каракасца не ускользнули названия книг, леживших на камине и письменном столе в кабинете Питта: «Вертер» Гёте, произведения Еврипида на греческом и латинском языках, Тита Ливия на латинском, отчеты о парламентских сессиях, книга о французской революции «Галерея Генеральных Штатов» на французском языке, сочинения английского философа Самюэля Джонсона. Перечисляя эти названия в своем дневнике, Миранда отмечает: «Не плохая смесь!»

После первой встречи с Питтом Миранда не покладая рук сочиняет обещанные премьер-министру документы, первую пачку которых он препровождает своему союзнику 17 марта. Документы эти были написаны на испанском языке, «единственном — как самокритично отмечал их автор в сопроводительной записке, — на котором я пишу более или менее правильно».

Всего в этот период Миранда написал и передал Питту десять документов, в их числе проект союза с Англией, проект государственного устройства колоний после их освобождения, справка об этническом составе населения колоний, об их экономическом положении и о состоянии испанских военных укреплений в важнейших пунктах Испанской Америки, список иезуитов, изгнанных из колоний и проживающих в Италии, для возможного их использования против Испании, записки о восстаниях Тупак-Амару в комунеросов Новой Гранады.

В этих документах Миранда первым из испано-американцев подвергает критике испанские претензии на колониальное владычество. Он утверждает, что Испания не имеет никаких юридических или других законных оснований на владение колониями, ибо испанские монархи не участвовали в завоевании,

а только пользовались его плодами. Что касается прав вытекающих из так называемого дара папы Александра VI, который специальной буллой даровал испанским королям американские земли, то таковой может служить объектом веселой шутки, а не аргументом в споре.

Перечисляя различные восстания местного населения против испанского господства, имевшее место в XVIII веке и подавленные испанцами, Миранда подчеркивал, что местному населению чрезвычайно трудно без посторонней помощи освободиться от испанского гнета. Миранда просил английское правительство оказать патриотам помощь, предоставив в их распоряжение 15 линейных кораблей и экспедиционный корпус в 12—15 тысяч солдат.

Миранда мыслил будущее политическое устройство колоний в форме конституционной монархии во главе с наследственным императором — инкой. Законодательная власть находилась бы во главе сената, состоящего из пожизненно назначаемых инкой кациков, и палаты представителей, члены которой избирались бы населением.

У Питта представленные Мирандой документы вызвали столь большой интерес, что он ознакомил с ними членов Государственного совета Англии. В ряде новых встреч с каракасцем он уточнял различные детали предполагаемых военных действий в районе испанских колоний. На одной из встреч в кабинете была разостлана на ковре большая карта Американского континента, по которой премьер-министр Англии Уильям Питт-младший ползал, подобно школьнику, следуя указке каракасца.

У Миранды создавалось впечатление, что Питт, а следовательно и английское правительство были готовы поддержать его планы, как только начнутся военные действия против Испании. Испанский деспотизм в Америке рухнет, и на его обломках возникнет новое богатейшее и справедливейшее государство из всех когда-либо существовавших в мире, созданное по заветам Руссо и Монтескье, Вольтера и аббата Рейналя. И править этим государством будет он, великий инка Франсиско Миранда, сын канарского лавочника, в прошлом офицер испанской армии и полковник русской.

Действительность или фантазия, сон или явь все это? Миранда не задумывался над этим, он твердо верил, что именно ему суждено стать основателем в Америке нового государства. Разве он плохо подготовлен для этой роли? Разве он не изучил военное искусство, историю, философию величайших народов, разве он не говорит на многих языках, не объехал полмира,

знакомясь с обычаями, нравами, системами управления разных государств? Чем он хуже Джорджа Вашингтона, этого джентльмена-помещика, ставшего первым президентом Соединенных Штатов, или других американских государственных деятелей, среди которых было немало людей более скромного происхождения, чем он сам? Старый мир рушится. Первый серьезный удар был нанесен ему в Северной Америке, второй — во Франции, третий он получит в испанских колониях. И этот удар будет нанесен, конечно, не без помощи англичан, но все-таки им, Франсиско Мирандой.

Таковы были мечты каракасца, но действительность продолжала оставаться для него, несмотря на встречи с Питтом, весьма суровой. Он все еще продолжал числиться в штате русского посольства и жить на средства Воронцова, вернее, русского правительства, что весьма стесняло его, тем более учитывая его связь с Питтом. Было бы более разумным, так он по крайней мере считал, чтобы английское правительство, раз оно приняло его планы, взяло бы на себя и все расходы по его пребыванию в Англии. Нечто подобное, правда весьма туманно, обещал ему Питт в одной из бесед. Разумеется Миранда заверил Питта, что когда он вернется на родину, то возвратит эти жалкие крохи англичанам. И речь шла не столько о деньгах, сколько о том, что сам факт выдачи ему систематической ренты легализировал бы его положение в Англии и лишил бы испанских ищеек возможности безнаказанно преследовать его.

Тэрнбулл и Поуналь предупреждали его, чтобы он не испытывал никаких иллюзий насчет готовности Питта покрывать его расходы до тех пор, пока действительно не начнутся военные действия против Испании. Оба друга советовали Миранде не затрагивать финансовых вопросов в беседах с Питтом, эти вопросы уладились бы легко, если бы Англия приняла предложение Миранды участвовать в освобождении испанских колоний. Между тем переговоры Англии с Испанией по поводу конфликта в Нутка-Зунде затягивались. Судьба этого конфликта решалась теперь не в Мадриде и не в Лондоне, а в Париже. И Питт и Флоридабланка с неослабным вниманием следили за ходом событий в столице Франции, объятой пламенем революции. И не только следили, но и пытались активно влиять на их ход, в особенности Питт, агенты которого в Париже прилагали немалые усилия, чтобы склонить общественное мнение на сторону Англии. Не без их влияиия большинство членов национальной ассамблеи высказалось за аннулирование тех статей «семейного договора», которые обязывали Францию выступать на стороне Испании в случае войны. Такое решение

означало не что иное, как ликвидацию «семейного договора». Теперь Испания в единоборстве с Англией не могла рассчитывать на победу. В Мадриде трезво оценили новую обстановку и решили не обострять отношения с Лондоном. Флоридабланка сообщил английскому правительству, что Испания готова возместить ущерб, причиненный задержкой английских кораблей в Нутка-Зунде. Этот район, таким образом, закреплялся за Англией. Но победа Англии заключалась не столько в этом, сколько в фактической ликвидации «семейного договора», что обрекало Испанию на изоляцию и заставляло ее искать соглашения с ее извечным противником и соперником — Англией.

Этой победе в известной степени способствовал, сам того не желая, Миранда: Дель Кампо через свою агентурув английском правительстве был осведомлен о контактах Питта с венесуэльцем и о планах англичан нанести в случае военного конфликта при помощи Миранды удар по самому больному месту Испании — ее американским колониям. Эти планы вызывали немалое беспокойство в Мадриде: ведь Испания не имела ни сил, ни средств для успешного сопротивления Англии за океаном, что не могло не повлиять на отношение Мадрида к вопросу о Нутка-Зунде.

Итак, Питт искусно использовал свою связь с Мирандой для запугивания мадридского двора; теперь же, когда цель была достигнута, он попросту перестал интересоваться судьбой венесуэльца. Для Питта все было предельно ясно: негр сделал свое дело, негр может уйти. Но Миранда не был человеком, которого даже всемогущий премьер-министр Англии мог безнаказанно сбросить со счетов.

Как и следовало ожидать, Миранда узнал о мирном завершении коифликта последним. Он, веривший до этого в добропорядочность Питта, был возмущен до предела. Явившись в русское посольство в Лондоне, где он мог рассчитывать на искреннее сочувствие, Миранда в сердцах заявил русскому дипломату Н. Н. Новосильцеву: «Я признаю свое поражение, я не ожидал, что человеческая подлость может быть таких размеров. Я узнал о вещах, которые заставили меня содрогнуться и о существовании которых граф Воронцов не мог и подозревать. Питт — это монстр, для которого, по-видимому, нет другого путеводителя, как князь Макиавелли. Меня продали за торговый договор с Испанией».

Миранда потребовал от Питта обяснений о дальнейших намерениях Англии по поводу испанских колоний. Питт отделывался молчанием. Миранда продолжал настаивать:

намерена ли Англия выполнить данные ему обязательства оказать помощь испанским колониям в борьбе за независимость? В ответ Питт посылает ему 500 фунтов, а потом еще несколько сотен. Миранда принимает деньги - с паршивой овцы хоть шерсти клок, — но продолжает настаивать на объяснениях и напоминает данное ему Питтом обещание выплачивать ежегодное пособие. Питт ему пишет личное письмо, единственное сохранившееся от премьер-министра Англии к Миранде, в котором указывается, что он-де «не помнит», давал ли он каракасцу такое обещание.

Миранда тогда требует, чтобы Питт немедленно возвратил ему без оставления копий-все его документы, предложения, планы, записки и прочие бумаги, касающиеся положения в испанских колониях и проектов их освобождения. Когда Питт вновь начинает играть в молчанку, Миранда угрожает лично явиться на Даунинг—стрит, в резиденцию премьер-министра, за своими документами. В ответ Питт вновь посылает ему несколько сотен фунтов стерлингов.

Эти подачки раздражают Миранду. Ои сообщает Питту, что категорически отказывается от какой-либо помощи английского правительства, если она не будет сопровождаться действиями Англии, направлепными на достижение независимости колоний...

Угрозы, протесты, требования каракасца в адрес Питта, конечно, не могут поколебать решения английского правительства жить в мире с Испанией. Но насколько прочен будет этот мир, как долго он продлится? На этот вопрос никто не знает пока что ответа, хотя всем ясно, что рано или поздно этот мир будет нарушен по вине той или другой стороны, и тогда Питт вновь вынужден будет прибегнуть к услугам Миранды, в кармане которого ключи к испанским колониям...

Поуналь, друг Миранды и доверенный человек Питта, пытается убедить каракасца набраться терпения, не раздражать скрягу премьер—министра, не упускать из виду главного дела - освобождения колоний.

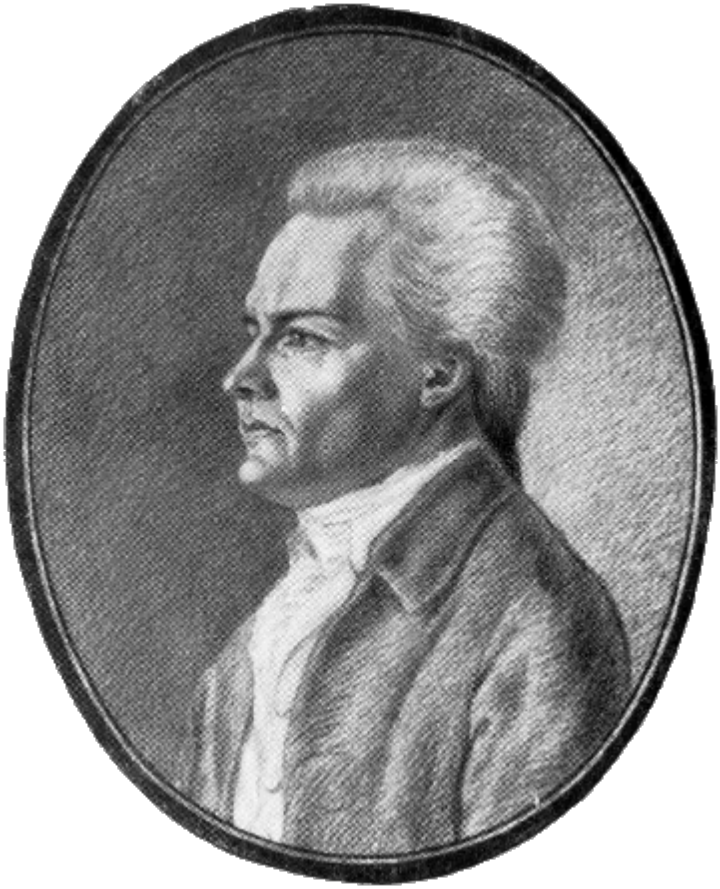
21 августа 1790 года Поуналь пишет Миранде пространное письмо, в котором подробно излагает свою точку зрения: «В прошлом мне приходилось бывать в таком же положении, в каком Вы сейчас находитесь, поэтому я могу понять Ваши, чувства и порождаемые ими мысли. Вы совершенно правы, когда утверждаете, что не примете какой-либо финансовой помоши, если она не будет сопровождаться действиями, направленными на осушествление Ваших планов. Но не забывайте и никогда не упускайте из виду своей главной задачи, которая должна оставаться Вашей первостепенной целью. Не жертвуйте ею в угоду каким-либо чувствам. Не ставьте себя в безвыходные условия,

которые не позволят Вам в будущем вновь вернуться к своим планам. Не ссорьтесь с единственной державой (будем говорить откровенно), которая в состоянии воспринять Ваш план и реализовать его...

И если бы они (Питт, английские министры. — И. Л.) знали Вас так хорошо, как я, то они использовали бы Ваши услуги для осуществления Ваших планов. Будь я министром, я договорился бы с Вами и послал бы Вас в Северную Америку, где Вы могли бы подготовить людей и обстановку для освобождения Мексики. И я дал бы Вам не единовременное пособие, а постоянное жалованье — скромное, но которое позволило бы Вам осуществить большое дело в этой стране; я нашел бы и другие пути для того, чтобы Вы приносили пользу — с честью для Вас и с пользой для них (то есть англичан); если же они не имеют других или более широких планов за исключением предусмотренных на случай войны, которой они стремятся избежать, то они недостойны Ваших услуг. Тем не менее я заканчиваю тем же советом, каким я начал. Не забывайте, что Ваша главная цель должна быть вашей первой, последней, единственной задачей и постоянной линией поведения, которой должно быть подчинено все. Хотя Вы презираете деньги до такой степени, что чувствуете себя оскорбленным людьми, которые предлагают их Вам, лучше берите их, чем ставить себя в положение, в котором Вы не сможете преследовать свою главную цель...

Я, несмотря на мои преклонные годы, надеюсь дожить до того времени, когда Вы возглавите Мексику и, опираясь на нее, освободите большую часть Ваших несчастных угнетенных соотечественников. Попытайтесь поэтому договориться с лицом, с которым Вы ведете теперь переговоры (Питтом. — И. Л,), о предоставлении Вам скромной ежегодной ренты, которая позволила бы Вам поехать в Северную Америку и жить там».

Договориться с Питтом о чем—либо было невозможно. Он не отвечал на письма Миранды, отказывался вернуть его документы. Ехать в Соединенные Штаты? Но оттуда пишет Нокс, ставший военным министром: надеяться пока что на помощь США не приходится. Правящие круги северной республики симпатизируют Миранде только на словах, а на деле норовят выгребать жар чужими руками.



Франсиско Миранда. Портрет неизвестного художника. Цюрих, 1788

Жан-Пьер Бриссо. Гравюра Мавье, рисунок Боневиля

Теперь единственным надежным пристанищем Миранды в Лондоне становится русское посольство, которому он передает различные сведения о действиях английского правительства. Пересылая очередные сообщения Миранды Безбородко, С. Р. Воронцов пишет ему 2 (13) июля 1791 года: «Я покорно прошу предать огню сие послание, ибо есть ли б оное как ни есть попалось по несчастию кому—либо на глаза и дошла бы здешнему министру наималейшая наметка на Миранду, то сие бы сделало ему величайший вред, а я бы потерял весьма верный канал для будущих сведениев».

Но готова ли Екатерина II оказать помощь своему протеже в осуществлении его «главной задачи»? Нет! Императрица слишком напугана французской революцией, чтобы ввязываться в войну с Испанией из—за далеких американских земель. В конце 1791 года умирает князь Потемкин, на поддержку которого так сильно рассчитывал Миранда. Кто же из великих держав окажет ему теперь помощь?

В доме одного из английских деятелей Миранда встречается

в начале 1792 года с дипломатическим агентом революционной Франции Талейраном. Бывший епископ и аристократ, перешедший на сторону революции, вкрадчивый, хитрый и дальновидный политикан Талейран с первого же взгляда распознал в Миранде человека, услуги которого могут пригодиться новым властям Франции. В богатейшей французской колонии Сан-Доминго произошло недавно восстание, неизвестно, чем оно кончится. Осведомленный о том, какое значение придают Миранде и его связям английские правящие круги, Талейран считает, что было бы хорошо использовать его в интересах Франции на Сан—Доминго или в испанских колониях.

Искусно расставляет свои сети Талейран каракасцу. Он приглашает Миранду приехать в Париж. Революционная Франция — враг всяческого деспотизма, рассчитывайте на ее поддержку, говорит хитрый дипломат Миранде.

Собственно говоря, у каракасца и нет другого выбора. Рассчитывать на Питта бесполезно, на Екатерину — тоже. Остается Франция, возвестившая всему миру пришествие нового порядка, основанного на принципах свободы, равенства и братства.

19 марта 1792 года Миранда пишет письмо Питту: «Вы считаете, сэр, что справедливо и разумно присвоить себе то, что принадлежит другому, и не выполнять обязательства и обещания, сделанные Вами от имени Вашей страны? Ибо это к английской нации я обращался через Ваше министерство, сообщая важные для нее планы, что я и не подумал бы сделать, если б речь шла только о Вас, почтеннейший мистер Питт. Или Вы рассчитываете, что после моего отъезда Вы сможете воспользоваться моими проектами как Вам заблагорассудится? Нет, сэр, Вам не следует никогда забывать, что все идеи, воплощенные в этих планах, были специально сообщены Вам с целью способствовать свободе и счастью испано-американских народов и благосостоянию и чести Англии, что не противоречило одно другому. И если Вы попытаетесь использовать эти проекты с любой другой целью, то будьте уверены, что мои соотечественники найдут средства, чтобы расстроить Ваши коварные намерения.

Ваш секретарь, мистер Смит, прислал мне несколько дней тому назад четыре из десяти документов, которые я имел честь вручить Вам, и заявил, что остальные невозможно было найти. Сэр! Документы, лично врученные премьер-министру Великобритании, которые, по его мнению, представляют большое государственное значение, — утеряны! Позвольте мне воздержаться от комментариев по поводу столь странных событий...»

Это было последнее прости Миранды Питту, на которое каракасец не рассчитывал получить ответ. В тот же самый день Миранда выехал из Лондона в Париж. В жизни странствующего рыцаря испано-американской независимости начиналась новая глава...

Нам неизвестно, как отреагировал Питт ни на последнее письмо Миранды, ни на его отъезд, а по существу, бегство во Францию. Возможно, он даже обрадовался, что, наконец, избавился от столь назойливого, но малополезного для него в данных обстоятельствах союзника, услугами которого в то время он, по всей вероятности, не особенно дорожил.

Что касается русских друзей Миранды, то они были возмущены переходом Миранды в стан революции. Перед отъездом Миранда направил через своего друга Джона Тэрнбулла письмо С. Р. Воронцову, объясняя причины, побудившие его покинуть Англию. В архиве Воронцова сохранился следующий черновик письма Тзрнбуллу: «Граф В., свидетельствуя свое почтение г-ну Т., крайне сожалеет, что, не находясь в Лондоне, когда г. Т. оказал ему честь, явившись для передачи письма г. Миранды. Это письмо причинило ему большое огорчение, так как оно поставило его в известность о достойной сожаления роли, которую взял на себя его автор... Граф В. верит в благородные чувства г. Миранды, но видит в нем человека, впавшего в заблуждение вследствие рокового стечения обстоятельств; хотя он не отказывает ему в уважении, но вынужден прекратить переписку с ним. Будучи послом государыни, которая во всеуслышание высказалась против совершающихся во Франции мерзостей, нельзя переписываться с человеком, который принял участие в деле, справедливо вызывающем ее негодование».

Екатерина и ее окружение одобрили поведение Воронцова. Князь Кочубей писал ему: «С невыразимым огорчением я узнал... об экстравагантной роли, которую собирается избрать для себя Миранда. Никогда не думал, что подобный человек способен играть такую нелепую роль. Все одобрили Ваше поведение по отношению к нему. Императрица была возмущена таким поступком человека, который давно уже сгинул бы в тюрьмах святой инквизиции, если бы не ее заступничество».

Но Миранду, пересекшего Ла-Манш и прибывшего в революционную Францию, уже не интересовало, что о нем подумает Питт или Екатерина. Он шел навстречу революции, которая требовала разрыва со старым миром. Париж стоит мессы, сказал некогда Генрих IV. Ну что ж, революция стоит дружбы Питта и Екатерины II.

ГЕНЕРАЛ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Миранда приехал в Париж 23 марта 1792 года. Он остановился в гостинице «Де Экю», но вскоре поселился в доме богатого фабриканта сукна Тиссо, расположенном в аристократическом районе Пале-Рояль. К Тиссо у него было рекомендательное письмо из Лондона. Такие же письма он привез знаменитому астроному, бывшему председателю Национальной ассамблеи Байлли, Петтиону, мэру Парижа, депутату Законодательного собрания Бриссо и другим влиятельным лицам революционной Франции. Эти верительные грамоты, а также соответствующие рекомендации, поступившие от Талейрана из Лондона, подобно магической палочке, открыли Миранде доступ в дома виднейших политических деятелей революционного Парижа.

Не прошло и месяца после его прибытия в Париж, как Миранда стал желанным гостем в салоне супруги министра внутренних дел мадам Ролан, где собирались жирондистские вожди и где часто бывал министр иностранных дел генерал Дюмурье.

Миранда посещает музеи, библиотеки и школы, он знакомится с работой парижской мэрии, осматривает тюрьму, встречается с писателями, художниками, артистами. Среди его новых друзей мы встречаем имена знаменитого скульптора Гудона, артиста Тальмы, математика и философа Кондорсе, писателя Кабаниса.

Миранда частый гость в революционных клубах, с вожаками которых он быстро устанавливает дружеские связи. Этот креол, неутомимо проповедующий освобождение колоний, говорящий

вполне сносно на французском языке, тонкий знаток классической литературы и искусства, явно пришелся ко двору в революционном Париже.

А тем временем революционная борьба со Франции вступала в новую фазу. В марте 1792 года вправительство были введены представители жирондистов, за спиной которых стояла состоятельная сельская и городская буржуазия. Жирондисты, хотя и высказывались за установление республики и обуздание контрреволюционной аристократии, проявляли нерешительность и непоследовательность. Они боялись народных масс, пытались тормозить развитие революции вглубь, чего требовали якобинцы.

Над революционной Францией нависла угроза иностранной вооруженной интервенции. В городе Кобленце, неподалеку от французской границы, контрреволюционные эмигранты создали свой лагерь, угрожая при поддержке иностранных держав вторгнуться в пределы страны.

Австрия и Пруссия договорились о совместном вооруженном выступлении против Франции. Французское правительство потребовало от Австрии отвести свои войска от французской границы и отказаться от поддержки эмигрантского отребья в Кобленце. Австрийский император ответил, что он выполнит это требование только в том случае, если во Франции будет отменена конституция и восстановлена королевская власть. Это было прямое вмешательство во внутренние дела французского народа. Законодательное собрание в ответ на столь наглое заявление 20 апреля объявило Австрии войну. Людовик XVI согласился с этим решением Законодательного собрания, втайне надеясь, что война закончится поражением революции и он вновь обретет утерянную власть.

Вначале военные действия развивались весьма неблагоприятно для революционной Франции. Используя изменников-аристократов, занимавших многие командные должности во французской армии, прусские войска под командованием герцога Брауншвейгского вторглись во Францию, угрожая смертью всем сторонникам революции. Роялисты приветствовали иностранную интервенцию. Они цинично заявляли: «Пустыня предпочитательней страны, населенной мятежниками».

Законодательное собрание провозгласило отечество в опасности и призвало французский народ подняться на защиту революции. Во многих городах Франции были созданы отряды Национальной гвардии, которые стекались в Париж, хотя король и пытался воспротивиться этому. Народ распевал новую, революционную песню — «Марсельезу», призывавшую граждан

защитить родину от происков иностранных тиранов:

О дети родины, вперед!
Настал день нашей славы:
На нас тиранов рать идет,
Поднявши стяг кровавый.
К оружию, граждане!

Несмотря на революционный энтузиазм масс, военное положение Франции становилось с каждым днем все более критическим. Интервенты приближались к Парижу.

Парижанам было роздано оружие, вожди якобинцев Робеспьер и Марат требовали низложить короля и свергнуть монархический строй, созвать Национальный конвент на основе всеобщего избирательного права, принять решительные меры против изменников. Якобинец Дантон говорил: «Когда отечество в опасности, никто не имеет права отказаться служить ему, не рискуя покрыть себя позором и заслужить имя предателя отчизны... Чтобы победить врагов, нам нужна смелость, смелость и еще раз смелость — и Франция будет спасена». Народные массы требовали наказать короля и изгнать из правительства соглашательские элементы.

9 августа в Париже было образовано новое городское самоуправление — коммуна, которую возглавили люди, близкие к якобинцам. На следующий день парижане взяли штурмом дворец Тюильри, где находилась королевская семья. Король и королева были отправлены в тюрьму. Было объявлено о выборах в Конвент на основе всеобщего избирательного права. Монархия во Франции перестала существовать. Власть в стране перешла в руки жирондистов, среди вождей которых было немало друзей Миранды.

Несколько дней спустя после ареста короля мэр Парижа жирондист Петион предложил Миранде командный пост во французской армии. Поражения, которые терпели французы от пруссаков и австрийцев, отсутствие опытных и преданных революционному делу полководцев — все это, по-видимому, навело Петиона и других жирондистских руководителей на мысль использовать военный опыт Миранды в интересах революции. Миранда согласился принять предложение Петиона, однако поставил условие, чтобы французское правительство оказало ему содействие в борьбе за независимость испанских колоний. Об этом он в письменной форме сообщил Петиону, а затем и военному министру Сервену, которому 24 августа писал: «Необходимо, чтобы дело освобождения испано—американских колонистов получило эффективную поддержку со стороны Франции и чтобы Франция позволила мне, как только для этого

сложатся благоприятные условия, обеспечить благоденствие колонистов, утвердив независимость их страны». Петион и Сервен весьма сочувственно отнеслись к просьбе Миранды, и он в конце августа был произведен в генералы и назначен командиром одной из дивизий в Северной армии.

Миранда вступает в ряды французской армии в дни, когда на Париж наступают враги, а в столице плетутся заговоры, когда наименее стойкие элементы, вроде генерала Лафайета, командовавшего Северной армией, переходят на сторону австрийцев, когда постороннему наблюдателю могло показаться, что французская революция будет повержена в прах ее многочисленными внутренними и внешними врагами. Миранда уверен, что французский народ одержит победу, что дело революции восторжествует. Он полон благородного революционного энтузиазма. В конце концов разве он сам не является революционером, не пытается вызвать революцию в испанских колониях, освободить их от чужеземного ига, от религиозного мракобесия, от культурной отсталости?

Миранда видит, что революция требует больших жертв, но он уверен, что эти жертвы окупятся и что революция в конечном счете победит. На его глазах народ становится могучей силой. В начале сентября, выведенный из терпения нерешительностью властей, народ сам расправляется со многими аристократами, превратившими тюрьмы в центры заговора против революции.

6 сентября генерал Миранда в сопровождении своего адъютанта направляется в действующую армию. Он везет новому командующему Северной армией, генералу Дюмурье, подарок — редкое издание сочинений Плутарха. Этот Дюмурье чрезвычайно колоритная фигура. Ромен Роллан, много писавший о 1792 годе, рисует нам его так: «В жилах Дюмурье текла провансальско—фламандская кровь: малорослый, черноволосый, некрасивый, очень подвижной, с огненными глазками, этот старый искатель приключений объехал весь свет, побывав и кондотьером и тайным агентом. Чрезвычайно храбрый и остроумный, с проблесками настоящего дарования, но интриган и честолюбец, Дюмурье сначала примкнул было к королю, но, поняв, что игра короля проиграна, нацепил красный колпак, публично облобызал Робеспьера в Клубе якобинцев и предложил низложить короля. Жирондисты назначили его министром иностранных дел, а после бегства Лафайета — командующим Северной армией. Сейчас Дюмурье спасает положение на фронте, но как поведет он себя завтра, трудно сказать...»

По дороге на фронт Миранда изучает военные карты, последние сообщения о ходе военных операций. Они

неутешительны. Пруссаки и австрийцы уже взяли Верден, во французской армии царит паника, солдаты казнят офицеров, подозреваемых в предательстве, отсутствует дисциплина, недостает оружия, боеприпасов.

11 сентября Миранда прибывает в ставку геверала Дюмурье, который немедля поручает ему принять командование отрядом в 2 тысячи солдат и задержать колонну пруссаков в три раза более многочисленную, наступающую на селение Брикинай. 12 сентября Миранда дает бой пруссакам у этого селения и заставляет их отступить. Первая военная победа Миранды и одна из первых побед революционной армии!

20 сентября происходит историческое сражение у деревни Вальми, где революционная армия, одним из авангардных отрядов которой командовал Миранда, нанесла поражение основным силам противника. Теперь паника охватила ряды интервентов, которые поспешно стали отступать к границам Франции.

В этот же день в Париже открылось заседание Национального конвента, «этого великого комитета всеобщего восстания народов», как его назвал Дантон. Конвент провозгласил республику и избрал новое правительство — Исполнительный комитет. В нем руководящие посты заняли жирондистские вожди. Эти события еще более обострили классовые противоречия во Франции. В провинциях вспыхнули контрреволюционные мятежи. 26 сентября Исполнительный комитет предложил Миранде вернуться в Париж и занять пост командующего внутренней армией, охранявшей революционный порядок на территории Франции. Однако по настоянию Дюмурье Миранда был оставлен на своем прежнем посту с повышением: ему было присвоено за военные заслуги звание генерал-лейтенанта. Дюмурье аргументировал свою просьбу тем, что неразумно поручать Миранде командование войсками, в задачу которых входит подавление контрреволюционных выступлений французских реакционеров. Свои внутренние дела должны решать сами французы, а не иностранцы, даже если они являются верными друзьями революции.

Миранда продолжает сражаться в рядах Северной армии, которая, изгнав пруссаков из пределов Франции, вторгается в Бельгию, занимает левый берег Рейна. В начале ноября Миранду срочно вызывают в Париж.

Руководители правительства обсуждают с ним различные планы освобождения колоний. В эти дни Миранда пишет американскому министру Ноксу письмо, в котором сообщает, что «наши патриотические планы» в скором времени осуществятся.

Но он, как и многие революционеры, грешит излишним оптимизмом. Пока что дело ограничивается общими разговорами, после чего Миранда возвращается на фронт.

Но чем объясняется внезапный интерес руководителей революции к освобождению испанских колоний? Резким обострением отношений между революционной Францией с Испанией. Европейская реакция, потерпев поражение на севере Франции, пытается взять реванш на юге, используя для этого Испанию. Если Испания нападет на Францию, то она лишится своих колоний в Америке. Об этом позаботится генерал Франсиско Миранда, так по крайней мере рассуждают руководители французского правительства.

Талейран уже давно настоятельно советует Исполнительному комитету поднять на борьбу с Испанией ее колонии в Америке. В «Записке о современных отношениях Франции с другими европейскими державами», присланной Талейраном из Лондона в ноябре 1792 года на рассмотрение французского правительства, этот дальновидный и проницательный дипломат писал: «Независимость (испанских колоний в Америке — И. Л.)... будучи для этой части света осуществлением ее собственных прав и возвратом к принципам справедливости и естественной свободы, не должна рассматриваться как покушение на права испанского правительства, поскольку его враждебность к Франции (в частности, проявившаяся в волнениях на Сан-Доминго), вынуждает последнюю наказать его. Соединенные флоты Франции и Англии положат начало свободной торговле с обширными странами Западной Индии. Эта великая революция в торговле окажет могущественное, влияние на судьбы Европы и Америки, и в частности Франции; средства для ее осуществления гораздо более доступны и потребуют гораздо меньших издержек, чем это кажется на первый взгляд. Несколько лет тому назад подобная экспедиция была задумана английским правительством (намек на проекты Миранды, предложенные Питту — И. Л.); количество людей и денег, которое должно было обеспечить ее успех, поражало своей чрезвычайной ограниченностью, особенно при сопоставлении этого количества с величием самого предприятии. Спустя некоторое время после того, как эта экспедиция была задумана и подготовлена, она была отменена в результате специальных переговоров между английским кабинетом и испанским послом, но план сохранился, а с ним и все средства, необходимые для его выполнения. Изложение этого плана и описание различных средств, обеспечивающих начало, проведение и завершение подобной экспедиции, составят содержание особого мемориала, в котором я объединю все

материалы и который я составлю, если правительство сочтет нужным дать ход выдвигаемой мною идее».

Подобного рода идеи возникали и у других деятелей французской революции. Североамериканец Стефан Сайр, обосновавшийся в Париже, страстный поборник революции, предложил французскому правительству организовать в Соединенных Штатах специальный комитет из двух американцев и двух французов, который под руководством Миранды революционизировал бы испанские колонии. Французский адмирал Керсен со своей стороны советовал договориться с Англией, США и Голландией о дележе испанских колоний.

Авторы этих различных по своему содержанию и замыслу проектов сходились на одном: центральным действующим лицом в них фигурировал Франсиско Миранда. 26 ноября один из вождей жирондистов, Бриссо, писал военному министру Сервену: «Будучи совершенно убежден в необходимости наносить удары Испании во всех ее уязвимых местах, я считаю, что нужно вызвать революцию в Испанской Америке и что самым подходящим для этого человеком является Миранда... Его храбрость, его одаренность, самое его имя — все это позволит ему без труда разрушить цепи, которые были выкованы Писарро и Кортесом».

Бриссо склонялся к идее назначить Миранду генерал—губернатором французской колонии Сан-Доминго, где он смог бы подготовить базу для вторжения в испанские колонии на континенте и заодно помог бы самим французам справиться с освободительным движением негритянского населения. Хотя французская революция провозгласила право всех народов на свободу и независимое существование, французская буржуазия вовсе не думала отказаться от такого лакомого куска, каким была колония Сан-Доминго

Бриссо изложил свой план в конце ноября непосредственному начальнику Миранды генералу Дюмурье: «Нужно вызвать революцию одновременно в Испании и в ее американских владениях... Успех этой революции зависит от одного человека. Вы его знаете, Вы его уважаете, Вы его любите — это Миранда! Министры недавно искали кого-нибудь заменить Д'Эспарба [1] на Сан—Доминго. Луч света осенил меня. Я воскликнул: «Назначьте Миранду!» С какой легкостью во главе 12 тысяч линейных войск, которые в настоящее время находятся на Сан—Доминго, и 10—15 тысяч храбрых мулатов, которых предоставят ему наши колонии, вторгнется он в испанские владения, имея также в своем распоряжении флот, — в то время как испанцы не смогут ничего противопоставить ему! Уже одно имя Миранды стоит целой армии; его способности, его отвага, его гений сулят нам успех! Но

чтобы достигнуть этого, не следует терять времени. Нужно, чтобы он отплыл на «Capricieuse» — судне, уходящем в Сан-Доминго. Нужно, чтобы он отплыл раньше, чем Испания разгадает наши намерения. Я хорошо знаю, что его назначение наполнит Испанию ужасом и вызовет растерянность Питта с его жалкой, медлительной политикой; но Испания не сможет, а Англия не захочет пошевелиться».

Дюмурье в письме от 30 ноября к министру иностранных дел Лебрену со своей стороны поддерживал осуществление «превосходного плана Миранды».

Судя по всему, жирондистские лидеры твердо верили не только в военные и политические таланты Миранды, но и в его магические способности взбунтовать жителей испанских колоний. Уже тогда о Миранде рассказывали всевозможные фантастические истории. Его имя было овеяно таинственностью, говорили, что за лоском светского завсегдатая политических салонов, знатока древнегреческой литературы и тонкого ценителя искусства скрывается неутомимый конспиратор, среди последователей которого числились потомки инкского и ацтекского императоров, креольские плантаторы и даже иезуиты. Французские современники называли его и перуанцем, и мексиканцем, и венесуэльцем — одним словом, для них он был живым олицетворением Испанской Америки.

13 декабря Бриссо сообщает Миранде о согласии правительства назначить его губернатором Сан-Доминго с тем, чтобы подготовить там базу для дальнейших действий в испанских колониях. «Я сообщил свой план министрам,— писал Бриссо, — и они его одобрили… Только одно обстоятельство смущало их: уважение, которое к Вам питает Дюмурье. Мне известно, с каким воодушевлением он относится к революции в Новом Свете. Я рассчитывал на его помощь, на его ответ, однако до сих пор не получил его. Могу только сказать Вам одно: успех этого предприятия зависит от Вас и от него. Пусть он согласится Вас отпустить, и Вы уедете. Поговорите с ним или напишите ему. Момент подходящий, и если не использовать его, то, возможно, он никогда больше не повторится».

Как же реагирует Миранда на это предложение? Он решительно отклоняет его. Почему? С точностью ответить на этот вопрос мы не в состоянии, отсутствует соответствующая документация. Возможно, Миранда не хотел выступать в роли душителя восстания в Сан-Доминго, а именно этого ожидали от него жирондистские министры. К тому же он прекрасно понимал, что революционная Франция, окруженная со всех сторон врагами, была не в состоянии в тот момент оказать эффективную помощь

делу освобождения испанских колоний. А он, располагая только своими собственными связями, не смог бы разорвать цепи испанского деспотизма. Разумнее всего было выждать, пока прояснится весьма неопределенная обстановка, с тем чтобы потом решить, какого курса придерживаться. Возможно также, что он хотел сперва проявить себя как полководец в сражениях с врагами революции, что укрепило бы его авторитет и позволило бы ему с более выгодных позиций обсуждать эти вопросы с французским правительством.

Как бы там ни было, Миранда остается в Северной армии и 25 ноября по приказу Дюмурье возглавляет осаду Антверпена. Четыре дня спустя гарнизон Антверпена капитулирует, и Миранда во главе французских войск триумфально входит в город, восторженно приветствуемый жителями.

Взятие Антверпена — крупная победа Миранды. Среди военных трофеев — сто тридцать орудий, три тысячи ружей, полторы тысячи снарядов. В Антверпене Миранда приказывает посадить дерево Свободы, где некогда стоял памятник князю Альбе, кровавому наместнику испанского короля Филиппа II в Бельгии, жившему в XVIII веке.

По указанию каракасца фортам, окружавшим Антверпен, были присвоены имена Руссо, Гельвециуса и других великих предшественников французской революции. Взятые в сражении вражеские знамена Миранда отправил в дар Конвенту, которому 2 декабря военный министр Паш доложил об этой знаменательной победе революционных войск.

Между тем Миранда, который уже командует 18-тысячной армией, продолжает преследовать поспешно отступающих пруссаков и австрийцев. 12 декабря французская армия полностью освобождает от вражеских армий Бельгию, а 15 января Миранда назначается командующим всеми французскими войсками в этой стране.

Хотя Франция одержала победу, в войсках продолжает господствовать беспорядок, отсутствовать дисциплина. Солдаты дезертируют, занимаются мародерством, офицеры не подчиняются приказам командующего, по всякому поводу обращаются на него с жалобами непосредственно в Конвент. Многим французам пришлось не по душе назначение иностранца Миранды на столь высокий пост. Миранда пытается установить в рядах армии дисциплину, порядок. Это вызывает протесты некоторых генералов. Вокруг Миранды плетутся интриги, растет число недовольных.

А тем временем внутренняя и международная обстановка продолжает осложняться. В Париже Конвент вынес смертный

приговор королю Людовику XVI, повинному в предательстве и сношениях с врагами революции. 25 января 1793 года приговор был приведен в исполнение. Англия воспользовалась этим и порвала, отношения с Францией. Не дожидаясь нападения Англии, Конвент 1 февраля по докладу Бриссо объявил ей войну и приказал войскам, сосредоточенным в Бельгии, начать военные действия против союзницы Альбиона — Голландии. Вскоре Франция воевала не только с Пруссией, Австрией и Англией, но также с Испанией и итальянскими государствами. Россия порвала отношения с Францией и фактически присоединилась к антиреволюционной коалиции монархических держав.

Теперь вся реакционная Европа ополчилась против революции, но это, казалось, только удвоило ее силы. Руководители революции надеялись на поддержку и солидарность народов Европы. Французские солдаты сражались под знаменами, на которых было начертано: «Мир хижинам, война дворцам!»

Военные действия на севере, однако, развертывались медленно. Дюмурье, продолжавший командовать французскими войсками в этом районе, медлил с вторжением в Голландию. Настроенный весьма консервативно, он был недоволен развитием революционных событий в Париже, в частности казнью короля. Бездействие Дюмурье дало возможность австрийцам сосредоточить новые силы у границ Бельгии, а Голландии — подготовиться к войне. Когда во второй половине февраля французская армия, наконец, вторглась в Голландию, соотношение сил на фронте оказалось не в ее пользу. Вместе с войсками, вторгшимися в Голландию, находился и Миранда.

21 февраля его корпус в 15 тысяч солдат начинает осаду крепости Маастрихта. Миранда подверг крепость массивной бомбардировке, продолжавшейся в течение десяти дней. Пруссаки, защищавшие крепость, хотя терпели большие потери, не сдавались. Они знали, что им на выручку спешила 30-тысячная австрийская армия. Кроме того, другая австрийская армия вторглась в Бельгию. Угроза окружения вынудила французов поспешно покинуть Голландию. 2 марта Миранда снял осаду Маастрихта и отступил к Лувену. Его сосед генерал Ла—Нуэ потерпел поражение под Акисграном и поспешно ретировался в сторону Мозеля. Отступление французской армии из Голландии окрылило внешнюю и внутреннюю контрреволюцию. Над Францией вновь нависла угроза иностранного вторжения. Жирондисты, возглавившие правительство, скрывали эти факты от народа. Контролируемые ими газеты сообщали о мнимых успехах французского оружия в

Голландии. Только когда Дантон, посетивший Бельгию, вернулся в Париж и рассказал всю правду о положении на фронте, народ узнал о постигшем армию Дюмурье поражении.

Эта весть вызвала сильную тревогу в Париже. Якобинцы обвинили жирондистов в предательстве. Они потребовали привлечь Дюмурье к ответственности. По приказу Конвента был арестован генерал Ла-Нуэ. Дюмурье, опасаясь, что его самого может постигнуть такая же участь, стал убеждать своих офицеров оказать сопротивление Конвенту. В свою контрреволюционную деятельность он попытался втянуть Миранду, однако креол категорически отказался участвовать в заговоре и заявил, что готов арестовать Дюмурье, если получит на то приказ Конвента.

Дюмурье был взбешен. До сих пор он считал Миранду чуть ли не своей креатурой, а теперь оказалось, что этот креол очутился в стане его врагов!

В этой накаленной до предела атмосфере внутри революционного лагеря корпус Миранды 15 марта переходит в наступление и берет город Тирлемон, но у Неервиндена терпит новое поражение. Миранда считал главным виновником поражения генерала Дюмурье, который умышленно давал распоряжения, игравшие явно на руку австрийцам. Об этом Миранда пишет своему другу Петиону, сочувствовавшему тогда якобинцам. Миранда обвиняет Дюмурье в заговоре против республики и просит Петиона о встрече, с тем чтобы сообщить ему такие подробности, которые не решается изложить в письме.

Между тем австрийцы наносят новое поражение французским войскам —теперь у Палленберга, где армия Дюмурье потеряла четыре тысячи человек убитыми и пленными. Это переполнило чашу терпения Конвента, который приказал Дюмурье немедленно явиться в Париж для дачи объяснений. На приказ Конвента Дюмурье ответил дерзким посланием, в котором потребовал поставить вне закона якобинцев и отменить республику, угрожая в противном случае разогнать Конвент — «это сборище дураков». Дюмурье потребовал также отделить от Франции Бельгию. Он лелеял надежду стать правителем этой страны. Конвент отверг наглые притязания Дюмурье и послал своих эмиссаров в его ставку с приказом арестовать мятежного генерала.

Дюмурье делает последнюю попытку привлечь на свою сторону Миранду, под командованием которого все еще находятся несколько десятков тысяч солдат. 25 марта в Энгейне, где был расположен его штаб, Дюмурье старается убедить креола в необходимости покончить с республиканским строем и добиться соглашения с австрийцами.

— Французы не доросли еще до республиканских институтов,

народовластие — химера, против нас объединилась вся Европа, революцию ожидает гибель, только возврат к монархии может спасти Францию, — убеждает Дюмурье Миранду.

— Все ваше красноречие, — отвечает ему креол, — не способно заставить меня изменить принципам, в которые я уверовал, исходя из моего жизненного опыта и многолетних раздумий. Я останусь верен своей присяге и буду продолжать верой и правдой служить делу революции.

— В таком случае отправляйтесь в Париж и доложите Конвенту, почему вы сняли осаду с Маастрихта и проиграли сражение при Неервиндене.

Миранде не остается ничего другого, как подчиниться. Тем более что Дюмурье сразу же после поражения при Неервиндене получил указание Конвента отправить Миранду в Париж для дачи объяснений. Этот приказ Дюмурье показал Миранде только теперь, когда он окончательно потерял надежду убедить креола изменить революции и перейти на его сторону.

28 Марта Миранда прибывает в Париж, а неделю спустя генерал Дюмурье, убедившись в тщетности своих попыток взбунтовать армию против Конвента, бежит к австрийцам. Но об этом Миранда узнает только в тот день, когда предстанет для дачи соответствующих объяснений перед Конвентом.

МЕЖДУ МОЛОТОМ И НАКОВАЛЬНЕЙ

Франция весны 1793 года. Грозные, тревожные дни. На фронтах поражение за поражением. Внутри страны контрреволюционные восстания в Вандее, Бретани… В Париже «бешеные», защитники интересов бедноты, требуют от Конвента решительных мер против толстосумов, аристократов. Углубляется пропасть между жирондистами и якобинцами. Под давлением последних учреждаются Трибунал по борьбе с контрреволюцией и Комитет общественного спасения. Революция развивается по восходящей линии. Ее высшей точкой будет диктатура якобинцев во главе с Робеспьером...

В этой чрезвычайно напряженной и меняющейся обстановке для того, чтобы предстать перед Комитетом общественного спасения иностранцу, обвиненному чуть ли не в предательстве, следовало обладать глубокой верой в идеалы революции, большим гражданским мужеством и быть полностью уверенным в своей невиновности. Ведь французы не щадили друг друга, в пылу борьбы иногда страдали ни в чем не повинные люди, страсти были накалены до предела. Некоторые нечистоплотные деятели разжигали атмосферу подозрительности и недоверия с карьеристскими целями, под предлогом борьбы с заговорщической деятельностью врагов революции сводили личные счеты.

Миранде исполнилось тогда сорок три года. Он был генерал—лейтенантом французской армии, командовал армией в шестьдесят тысяч человек, выиграл несколько крупных сражений, несколько проиграл. Ну что ж! Военное счастье изменчиво! Конечно, его могли несправедливо осудить, но ведь основания для этого не было. Следовало пойти на риск, что для него, почти

всегда рисковавшего жизнью, вовсе не было ни новым, ни необычным. Игра стоила свеч, ибо французская революцня, провозгласившая своим лозунгом: «Свободу, равенство и братство», могла и должна была помочь испанским колониям сбросить цепи рабства...

Появление Миранды в Париже вызвало против него ярые выступления якобинцев в Конвенте и в печати. Марат, Дантон, Робеспьер и их друзья открыто обвиняли креола в том, что он вместе с Дюмурье участвовал в заговоре против республики. Они считали, что Миранда — друг Питта и Екатерины II, смертельных врагов революции, что он авантюрист и шпион, что именно он повинен в разгроме Северной армии. «Арестуйте Миранду, этого врага народа, и предайте его немедленно суду революционного трибунала!» — требовали якобинцы с трибуны Конвента, в своих газетах и листках. Но Миранда был для якобинцев всего лишь поводом, в действительности же, нападая на него, они пытались подорвать влияние его друзей и покровителей-жирондистов. Ведь Миранда был другом жирондиста Бриссо, ему доверяло жирондистское правительство. Если бы трибунал признал Миранду виновным в предательстве, можно было бы тогда обвинить в предательстве и вождей Жиронды. Жирондисты, в свою очередь, не оставались в долгу перед якобинцами — они, в свою очередь, обвиняли Дантона и Робеспьера в покровительстве предателю Дюмурье. Но Миранда, правая рука Дюмурье и к тому же иностранец, был более уязвим для нападок якобинцев, чем вожди последних, для обвинений жирондистов.

27 марта, за день до возвращения Миранды в Париж, Конвент постановил арестовать его. Каракасец явился в Конвент и потребовал дать ему возможность выступить и представить объяснения. Его не слушают, но и не арестовывают. Он настаивает, пишет письма председателю Конвента, в газеты, опровергая выдвинутые против него обвинения, призывая немедленно арестовать Дюмурье, изменника и предателя.

Наконец 8 апреля Миранду вызывают для дачи показаний на объединенное заседание Военного комитета и Комитета безопасности Конвента. Члены комитетов с пристрастием допрашивают креола. Миранда с достоинством подробно отвечает на все вопросы. Его солдаты храбро сражались против врага, но последний обладал огромным перевесом, отступление стало неизбежным. Главной же причиной поражений было предательство главнокомандующего генерала Дюмурье.

В защиту Миранды выступил Бриссо. Миранда, сказал вождь жирондистов, храбро сражался, его поведение было безупречным, никаких доказательств тому, что он состоял вместе с Дюмурье в

заговоре против республики, нет. К тому же, сообщает Бриссо, предатель Дюмурье перебежал к противнику, в то время как Миранда явился в Париж, чтобы защитить перед избранниками народа свою честь революционера и республиканца

Три дня длился допрос Миранды. Члены комитетов единодушно признали, что обвинение против него необоснованно, и постановили передать протоколы его допроса Конвенту.

12 апреля протоколы зачитываются в Конвенте. Якобинцы неоднократно прерывают чтение, требуя передать дело Миранды в революционный трибунал… Напрасно Петион просит членов Конвента ознакомиться с протоколами, из которых следует полная невиновность Миранды. Якобинцы настаивают, чтобы постановление Конвента , об аресте Миранды от 27 марта было немедленно приведено в исполнение, а дело его передано революционному трибуналу. Якобинец Бентаболь, обращаясь к жирондистам — друзьям Миранды, говорит: «Вам нечего опасаться. Если Миранда невиновен, трибунал его оправдает, если виновен — преступник не уйдет от наказания». После бурных дебатов большинство членов Конвента постановляет подвергнуть Миранду аресту, а дело его передать в ревтрибунал.

Ревтрибунал! Он был создан Конвентом 10 марта, в день восстания в Вандее, «для расследования всяких контрреволюционных замыслов, всяких покушений на свободу, равенство, единство и неразрывность республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства, всяких заговоров, клонящихся к восстановлению королевской власти». Хотя он и находится в этот момент под влиянием жирондистов, но разве можно надеяться, что во взвинченной обстановке шпиономании и контрреволюционных заговоров его члены способны на беспристрастное обсуждение дела Миранды, способны вынести справедливый приговор? Миранда в глазах якобинцев — предатель, и их влияние на массы растет не по дням, а по часам. Если судьи вынесут Миранде оправдательный приговор, то им не избежать, в свою очередь, обвинений со стороны якобинцев в сговоре с предателями. Когда судьи выносят приговор, они думают не только о судьбе обвиняемого, но и о своей собственной судьбе.

Может быть, теперь, когда над ним действительно нависла смертельная опасность, Миранда уйдет в подполье или покинет Францию, воспользовавшись тем, что его пока оставляют на свободе? Но Миранда, на удивление всем, остается в своей гостинице в ожидании ареста. Нет, он не скроется от трибунала французской революции, как некогда от испанского трибунала в

Гаване. Он верит в революционное правосудие, он должен реабилитировать себя в глазах французского народа, даже если попытка эта будет стоить ему жизни.

20 апреля в гостиницу, где проживает Миранда, являются представители ревтрибунала и уводят креола в подследственную тюрьму Консьержери, расположенную во Дворце правосудия.. Там Миранда содержится до 10 мая, то есть до начала процесса в ревтрибунале.

В эти дни его друзья предпринимают различные шаги, чтобы спасти его от обвинительного приговора. Нанимают ему адвоката Шове-Легарда, который впоследствии приобретет известность как защитник Марии-Антуанетты и Шарлотты Кордэ — убийцы Марата; обеспечивают ему свидетелей, могущих подтвердить его показания, рассказать о его революционной преданности и стойкости, наконец, снабжают его едой и бельем, ибо в тюрьме кормят плохо и там сыро, а на все вещи и деньги Миранды трибунал наложил временный секвестр.

В ожидании суда узник вместе с адвокатом Шове-Легардом пишет ответ своим противникам под названием «Соображения Миранды, предназначенные его судьям», в котором излагаются уже известные читателю факты о его деятельности на фронте. Эти «Соображения» заканчиваются следующей фразой: «Истинный республиканец не боится смерти, но ему невыносимо подозрение в преступлении».

Но «Соображения» Миранды не убеждают прокурора Фукье-Тинвилля, беспощадного преследователя контрреволюционеров. Прокурор формулирует 10 мая свое обвинительное заключение: Миранда повинен в предательстве; бомбардировка Маастрихта, утверждает прокурор, была инсценировкой — на крепость не упало ни одного французского ядра, а из Неервиндена Миранда бежал, даже не попытавшись дать бой врагу. Миранда — сообщник генерала Дюмурье. Он один на главных виновников поражений Северной армии. Прокурор требует строго наказать Миранду. Если суд вынесет обвинительный приговор, ему не избежать гильотины.

12 мая во Дворце правосудия начался суд над Мирандой. В составе трибунала пять судей Виновность обвиняемого устанавливают 12 присяжных. Их имена мы находим в дневниках Миранды. Председателем трибунала был Жак Бернар Мари Монтанэ, в прошлом мировой судья, друг жирондистов. Среди присяжных — два врача, бывший лакей, содержатель кофейни, служащий. Самый влиятельный из присяжных — Пьер-Жан Кабанис — философ и поэт, переводчик на французский язык бессмертной «Илиады» Гомера; Кабанис, которого все уважали за

ученость, хорошо знал Миранду, был глубоко убежден в его невиновности.

Суд начинается с читки обвинительного акта. Затем следует допрос свидетелей: у обвинения их целая когорта — тридцать шесть человек. Защита представляет двадцать одного свидетеля.

В числе свидетелей обвинения военные и жандармы, женщина-бомбардир, два нотариуса, брадобрей, часовщик, садовник, торговец, профессор литературы. Большинство из них подтверждают обвинительное заключение, однако голословно, бездоказательно, на основе ничем не оправданных слухов или домыслов. Часть свидетелей обвинения вообще ничего не знает о деятельности Миранды на фронте.

Брадобрей, например, обвинил Миранду в том, что, будучи в Льеже, креол якобы сказал, что в этом городе слишком много каналий. Миранда отрицает, что употреблял когда—либо такое слово в адрес народа, и отмечает, что брадобрей, по всей вероятности, часто слышал его из уст своих аристократических клиентов.

Председатель трибунала, выслушав свидетелей, утверждавших, что Миранда командовал боеспособной армией, просит подсудимого объяснить, почему, несмотря на это, он потерпел поражение. Миранда объясняет: «Лучшие легионы Цезаря были разгромлены у Герговии [2], а войска Фридриха Великого потерпели поражение у Кюнельсдорфа... Нельзя обвинять в преступлении мужественных людей за то, что они не побеждают тогда, когда условия местности, количество солдат и прочие отрицательные моменты наносят им вред».

Женщине-бомбардиру, обвинявшей его в том, что он ошибочно планировал сражения, Миранда отвечает: «Если гражданка свидетельница пожелает указать нам, что было лучше сделать в том или другом случае, тогда можно было бы судить, не совершил ли я ошибки, избрав из двух возможных решений менее благоприятное».

Нет, эти свидетели обвинения решительно не в состоянии доказать виновность Миранды. Они путаются, повторяют разные сплетни, противоречат сами себе и друг другу. Напрасно прокурор пытается выжать из них более конкретные и точные сведения, разоблачающие деятельность Миранды. Чем больше им задают вопросов, тем больше они вносят путаницы в свои показания.

Но вот допрос свидетелей обвинения закончен, и перед трибуналом предстают свидетели защиты. Это в первую очередь Вожуа и Кошеле, комиссары Исполнительного комитета в Северной армии, которые заявляют, что Миранда проявлял

«просвещенный патриотизм и страстное рвение при исполнении своих служебных обязанностей».

Выступает перед трибуналом английский художник Стон, который напоминает, что Миранда, находясь в Англии, поддерживал самые тесные и дружеские связи со сторонниками французской революции — Пристли, Шериданом, Прайсом — и всегда осуждал монархический режим.

Американский поэт Джоэль Барлоу свидетельствует о «высоких республиканских достоинствах» подсудимого, широко известных в Соединенных Штатах. Барлоу отмечает, что Миранда посвятил свою жизнь делу освобождения испанских колоний. Он называет Миранду «полководцем-философом».

Свое уважение к обвиняемому высказывает философ Кондорсе.

Адвокаты, писатели, военные — французы и иностранцы — высоко оценивают гражданские и военные заслуги обвиняемого.

Трибунал вызывает последнего, двадцать первого свидетеля защиты —Томаса Пейна, знаменитого американского революционера и памфлетиста, члена Конвента, друга виднейших деятелей французской революции. Даже прокурор относится к этому свидетелю с уважением. Томас Пейн называет Миранду «адвокатом свободы».

— Я встречался с подсудимым, — говорит Томас Пейн, — в Соединенных Штатах, в Англии, он всегда осуждал деспотизм, всегда боролся за святое дело свободы. Такой человек не может предать революцию.

После выступления Томаса Пейна адвокату Шове-Легарду остается только суммировать все то хорошее, что сказали о Миранде свидетели защиты. Миранда не только бесстрашный защитник родины, мудрый государственный деятель, но и талантливый полководец, он честный революционер. Он один из первых, кто выступил против предателя Дюмурье. «Осудив Миранду, — говорит адвокат судьям, — вы оправдаете тем самым действия предателя Дюмурье».

16 мая 1793 года судебное разбирательство закончилось. Председатель трибунала просит присяжных ответить на вопрос: следует ли из поведения Миранды во время военных действий в Бельгии и Голландии, что он повинен в предательстве?

— Прежде чем объявить о нашем решении, — отвечает ему гражданин Дюмон, старшина присяжных, — я позволю заявить следующее. Мы живем в тяжелое для революции время. Изменники и предатели пытаются погубить ее. Поэтому необходима бдительность, каждого подозрительного необходимо проверить, но наказывать можно только подлинных виновников.

Предателей революции ждет беспощадная расправа. Но мы не кровопийцы, которыми нас рисуют враги свободы. Мы испытываем радость, когда возвращаем обществу, семье и друзьям человека, достойного всеобщего доверия. Именно таким человеком является генерал Миранда. Десять лет тому назад он покинул Южную Америку и приехал в Европу в надежде заручиться здесь средствами для освобождения своих соотечественников от испанского деспотизма. За пределами Франции его друзьями были преданные делу свободы деятели. Во Франции он стал на сторону революции. Он храбро сражался против ее врагов, хотя удача не всегда сопутствовала ему. Миранда — это примерный гражданин. Он не совершил инкриминируемых ему преступлений. Он невиновен.

Присутствовавшая на процессе публика встретила речь гражданина Дюмона аплодисментами. К всеобщему удивлению, аплодирует даже прокурор. Все бросаются поздравлять и обнимать Миранду. Его выносят на руках из здания , трибунала под крики «Да здравствует республика! Да здравствует Миранда!»…Кто-то надевает на его голову лавровый венок. Миранда держит речь перед своими сторонниками.

— Решение революционного трибунала, — говорит он, — достойный ответ клеветникам. Революционная справедливость восторжествовала...

На следующий день председатель суда Монтанэ пишет Миранде довольно необычное для судьи письмо: «Я заявляю Вам откровенно и честно, что у меня и у одного моего коллеги Вы вызвали чувство самого глубокого к себе уважения. Я счастлив предоставленной мне возможности пригласить Вас на республиканский обед и засвидетельствовать Вам лично мое безграничное к Вам уважение. Привет и братство!» Этот обед состоялся 18 мая.

После выхода из тюрьмы Миранда несколько дней живет в доме своего адвоката, где принимает друзей и единомышленников, затем переезжает в загородную резиденцию фабриканта Тиссо. Там он много читает, совершает длительные прогулки по сельской местности. Он пишет двухтомный отчет о своем процессе и пытается его опубликовать, но человек, которому он поручает это дело, в дни террора сжигает рукопись...

Что же теперь ему делать? Покинуть Францию? Но куда податься? Англия, воевавшая с Францией, приняла бы его, но только в качестве политического перебежчика. Возможно, и Екатерина II вновь оказала бы ему благоволение, предстань он перед нею с повинной. Миранда, однако, продолжал верить во французскую революцию, продолжал считать ее величайшим

событием современности, продолжал надеяться, что революционная Франция окажет ему рано или поздно помощь в борьбе за освобождение американских колоний от испанского деспотизма. К тому же здесь у него могучие друзья и покровители: лучшие ученые Франции, ее артисты, поэты, художники считают его своим, и у него, как всегда, огромный успех у женщин — обаятельных, интересных и влиятельных. Нет, он не в силах отказаться от этой жизни, лишиться своих надежд. Он останется в Париже, что бы ни случилось…

Между тем политическая обстановка во Франции обостряется до предела, якобинцы готовятся свергнуть умеренных жирондистов, установить в стране железную революционную диктатуру.

Жирондисты пытаются предпринять контр-меры. По их предложению Конвент издает декрет о создании «Комиссии 12-ти», которой поручается расследовать деятельность руководителей Парижской коммуны — этого оплота якобинцев, арестовать их и предать суду. Но народ поддерживает Робеспьера и его друзей. 31 мая по призыву якобинских вождей национальные гвардейцы окружают Конвент и заставляют распустить «Комиссию 12-ти». На следующий день парижане узнают о контрреволюционном восстании в Лионе и о происходивших там расправах над патриотами. Это дает новый толчок народному возмущению политикой жирондистского правительства. Десятки тысяч парижских санкюлотов стекаются к Конвенту и требуют изгнания из него жирондистов. В ту же ночь все 23 жирондистских главаря, среди них Бриссо, Петион и другие друзья Миранды, изгоняются из Конвента и заключаются под стражу. Власть переходит в руки якобинцев, за которыми идут широкие массы населения. Умеренных жирондистов ждет гильотина. Сможет ли ее вновь избежать Миранда, друг жирондистов, голову которого давно уже требовал отсечь Робеспьер, ставший теперь фактическим главой якобинского правительства?

31 мая, не успели еще якобинцы отправить за решетку вождей Жиронды, как представители районной секции устраивают обыск в доме Миранды, надеясь обнаружить компрометирующие его документы. Обыск ничего не дает, и визитеры, составив соответствующий акт, удаляются. Но на следующий день к Миранде вновь являются вооруженные люди, они ищут контрреволюционных заговорщиков, которых он якобы укрывает. Не обнаружив в доме подозрительных, они удаляются. 5 июня - визит непрошеных гостей повторяется. На этот раз они опечатывают все бумаги и книги Миранды.

Казалось бы, Миранда должен был бы после этих визитов скрыться, бежать. Ведь по всему Парижу идут обыски и аресты его друзей, но он предпочитает оставаться на месте. Побег означал бы признание вины и в случае провала — верную смерть. Друг Миранды Петион бежал в провинцию, вынужден был скрываться в лесу, где его загрызли волки. Только оставаясь на месте, можно было надеяться на спасение.

Ревтрибунал оправдал Миранду, неужели якобинцы отважатся отменить решение этого созданного по их же инициативе верховного судилища революции?

Миранда, по-видимому, и не предполагал, что несколько дней спустя он окажется в тюрьме вместе с председателем ревтрибунала Монтанэ и многими свидетелями, выступавшими на процессе в его защиту.

9 июня неизбежное свершается. Миранду арестовывают на основании решения Комитета общественного спасения и препровождают в тюрьму Ля-Форс, где уже находятся в заключении многие жирондисты. Его обвиняют в том, что он намеревался удрать к вандейцам. Об этом донес Комитету общественного спасения его слуга.

Миранда протестует против такого нелепого и подлого обвинения. Он требует, чтобы ему разрешили выступить перед членами Конвента. 13 июня его приводят в Конвент и дают слово, якобинцы могли позволить себе такой шаг, так как были уверены, что в Конвенте, очищенном от жирондистов, Миранда ни у кого не найдет поддержки. Действительно, напрасно Миранда протестует против своего ареста, напрасно доказывает — в который раз! — свою преданность революционным идеалам, напрасно ссылается на оправдательный приговор ревтрибунала... Его никто не слушает, хотя никто и не возражает ему. Конвент просто постановляет передать его дело полицейским властям и перейти к очередным делам. Миранду вновь уводят в тюрьму.

В тюрьме вместе с Мирандой сидят видные жирондистские вожди: знакомый уже читателю председатель трибунала Монтанэ, ряд свидетелей защиты, в их числе Томас Пейн и философ Кондорсе, адмирал Керсен, который проявлял большой интерес к положению в испанских колониях, и, наконец, Белен, автор статьи в защиту Миранды, опубликованной в «Ла Газетт». Многие из них были гильотинированы после злодейского убийства Марата 14 июля...

Следует отметить, что большинство иностранных участников французской революции в период господства якобинской диктатуры подвергались репрессиям, а некоторые поплатились жизнью. Кроме Миранды, в тюрьму были заключены многие

другие иностранцы.

Миранду пока что щадят, за него хлопочет американский посол в Париже Джеймс Монро, будущий автор одноименной доктрины, и другие влиятельные лица, с мнением которых был вынужден считаться Робеспьер. Но положение изо дня в день меняется. Гильотина работает чуть ли не круглосуточно. Пока Миранду не казнили, но кто может поручиться, что ему не отсекут голову завтра? На всякий случай его друг доктор Кабанис пересылает ему в тюрьму смертельную дозу яда.

Как же ведет себя Миранда в заключении? Он продолжает писать письма и обращения в Конвент и в другие революционные органы, требуя своего освобождения. Может, было бы разумнее в его условиях не напоминать о себе своим врагам в надежде на то, что о тебе забудут, что тебя не приметят и что таким образом ты спасешь свою жизнь. Так, возможно, действовал бы любой другой, но только не он, не Миранда. Каракасец продолжал бороться не столько за свою жизнь, сколько за свою честь. Свободное же от писания оправдательных мемориалов время он проводит в беседах с товарищами по несчастью. Он рассуждает с ними о философии, о военном искусстве, рассказывает им эпизоды из своей жизни... На всех он производит большое впечатление своей глубокой эрудицией и осведомленностью. Об этом впоследствии напишут в своих воспоминаниях те немногие из узников тюрьмы Ля-Форс, которым удастся вырваться на волю...

В тюрьме Миранда знакомится с 24-летней парижанкой Дельфиной де Кюстен, которая навещает своего мужа—офицера, осужденного ревтрибуналом на гильотину. Миранда пытается облегчить чем может последние дни жизни офицера. Дельфина будет ему благодарна за это всю свою жизнь.

Находясь в тюрьме, трудно беспристрастно судить о событиях, происходящих за ее стенами, тем более судить о действиях людей, по воле которых ты очутился за решеткой. Миранда в этом отношении не был исключением из общего правила. Он не разбирался в социальной природе происходивших политических явлений, он не понимал, что диктатура якобинцев была в интересах революции, широких масс трудящихся. Он, как и многие другие жирондисты, считал якобинцев выразителями настроений «черни», жестокими и кровожадными демагогами, способствовавшими анархии. Трудно осуждать за это Миранду, ведь в конце концов все незаслуженные и необоснованные обвинения против него исходили от якобинцев.

Якобинский блок был неоднороден. Сторонники Робеспьера стремились к установлению демократической республики, к полной ликвидации феодальных отношений в деревне, они

рассчитывали наделить часть бедняков собственностью. «Умеренные» во главе с Дантоном выступали за компромисс с крупной буржуазией. Наконец, «бешеные», которых возглавляли руководители Парижской коммуны — Шометт и Эбер, требовали более решительных мер против эксплуататорских классов и больше прав плебейским слоям населения. К ним примыкали революционеры различных национальностей во главе с офранцузившимся немцем Клоотцем, требовавшие, чтобы Франция продолжала революционную войну до полного освобождения Европы от пут феодализма. Робеспьер выступил против тех и других.

Французская гравюра в честь взятия Антверпена.

Дельфина де Кустен, подруга Миранды. Рисунок неизвестного автора.

Франциско Миранда – генерал Французской республики. Рисунок художника Боневиля.

В марте 1793 года вожди «бешеных», призвавшие народ к восстанию, были арестованы и казнены, причем Клоотц был объявлен иностранным агентом. Такие же обвинения были сделаны и против «умеренных», руководители которых Дантон, Демулен и другие были гильотинированы 5 апреля. Эта расправа временно укрепила якобинскую диктатуру. Под ее руководством французский народ стойко защищался от наступающих на Францию со всех сторон чужеземных армий. Впоследствии, однако, сказались отрицательные последствия нарушения революционного единства в якобинском лагере: многие

сторонники крайних и умеренных перешли в стан врагов Робеспьера, возглавляемый представителями «новой буржуазии», считавшей диктатуру якобинцев препятствием для своих спекуляций и афер.

9 термидора по новому революционному календарю, или 27 июля 1794 года по старому, противники якобинцев объединились и свергли Робеспьера. Теперь настал черед якобинских вожцей свести знакомство с адским изобретением доктора Гильотена. К власти пришла крупная буржуазия, мечтавшая обуздать плебейские массы города и деревни.

Из тюрем стали выходить оставшиеся в живых противники Робеспьера. Миранда ожидал, что он будет освобожден одним из первых. Однако этого не произошло. Среди термидорианцев у него не было близких людей, Уже вышли на свободу все его друзья по заключению, а он все еще продолжал томиться в одном из казематов тюрьмы Ла-Форс.

Миранда вновь берется за перо. Он пишет одно послание за другим — в Конвент, в Комитет общественного спасения. Он возмущается, негодует, требует, чтобы его немедленно выпустили на свободу, наконец, угрожает: его продолжающееся заключение в тюрьме принесет огромный вред республике, покроет ее позором, обесчестит ее руководителей. Но все напрасно...

Только 17 января Конвент постановляет выпустить Миранду на свободу. В тот же день он покидает тюрьму, в которой просидел девятнадцать месяцев. Но это не в счет, ведь он сохранил жизнь. Он просто чудом избежал гильотины, нож которой отсекал головы не только врагам революции, но и многим ее сторонникам.

Некоторые данные позволяют предположить, что Миранда обязан был своей жизнью генеральному прокурору ревтрибунала Фукье—Тинвиллю, который продолжал выполнять свои функции и в период диктатуры якобинцев. Фукье-Тинвилль знал о невиновности Миранды; кроме того, он чувствовал личную симпатию к креолу. Поэтому он насколько мог затягивал вызов Миранды в ревтрибунал, что означало бы для последнего только одно — встречу с гильотиной.

И вновь встает вопрос: что делать? Политическое положение — весьма туманное. Якобинцы разгромлены, но не уничтожены, у них еще много друзей в Конвенте, в правительственных учреждениях, их авторитет высок среди плебейских масс. Подняли голову и остатки жирондистов. Легитимисты, клерикалы, генералы — все конспирируют, надеясь пробраться к власти. Возникают самые странные альянсы, в которые входят революционеры и реакционеры. Вчерашние враги превращаются в

друзей только для того, чтобы на следующий день предать друг друга.

В это смутное время Миранда становится центром притяжения для многих честолюбивых политиканов, претендующих на власть, но не располагающих для этого ни силой, ни авторитетом. Водоворот событий втягивает Миранду в эту опасную игру, которая может привести его скорей на эшафот, чем к власти.

Миранда потребовал от правительства уплатить ему жалованье за месяцы тюремного заключения и возместить другие убытки. Предъявленный Мирандой счет превышал сорок две тысячи ливров. Он получил только шестнадцать тысяч, но и этого было достаточно, чтобы нанять приличный дом, слуг, обзавестись собственным выездом.

Он встречается с Дельфиной де Кюстен. Их дружба вскоре переходит в сентиментальную связь. У Дельфины много других влиятельных поклонников: Сегюр, Фуше, молодой генерал Наполеон Бонапарт. Миранду представляют Бонапарту, который высказывается о нем так: «Это Дон-Кихот, с той только разницей, что не сумасшедший. Это человек, в душе которого горит священный огонь свободы». Миранда — частый гость в салоне мадам де Сталь — дочери Неккера, дальновидного министра Людовика XVI, вышедшей замуж за шведского барона, посла этой страны в Париже. Оставшиеся в живых жирондисты питают к Миранде особые симпатии, считают его своим. Его назначают душеприказчиком покойного Бриссо, погибшего на гильотине, поручают ему воспитание детей этого вождя Жиронды.

Весной 1795 года происходят народные волнения в Париже. Народ врывается в Конвент, требует хлеба, работы. Правительство бросает против народа войска. В Париже идут аресты противников правительства, полиция ищет также Миранду, который вынужден некоторое время скрываться.

Новое пребывание в подполье Миранда использовал для написания работы, в которой высказывал свою точку зрения на французскую революцию. В июле эта работа вышла в Париже под названием «О современном положении Франции и средствах ее избавления от бедствий». В ней он осуждал «тиранию» Робеспьера и высказывался за строгое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти. Миранда выступил против завоевательных войн. Он писал: «Слава завоеваний недостойна республики, основанной на правах человека и на возвышенных принципах философии». Он критиковал также вмешательство во внутренние дела других стран.

В августе 1795 года Конвент, контролируемый

термидорианцами, принял новую конституцию, предоставляющую права только налогоплательщикам. Новая конституция вызвала большое возмущение в широких слоях населения, им воспользовались роялисты. 5 октября они сделали попытку возглавить толпы народа, штурмовавшие Конвент. Мятеж был подавлен войсками, которыми командовал Наполеон Бонапарт. В Париже снова начались аресты не только среди роялистов, но и оппозиционеров-республиканцев. И снова полиция ищет Миранду. Ходили слухи, что жирондисты принимали участие в мятеже и готовились провозгласить военную диктатуру во главес бывшим военным министром Сервеном и генералом Мирандой.

Миранда скрывается у надежных друзей. Из своего укрытия он обращается к новому правительству — Директории, отрицая свою причастность к заговору и требуя отмены приказа о своем аресте. Полиция продолжает его преследовать. 26 ноября Миранду арестуют, но судья после допроса освобождает его. Тогда Директория издает приказ выслать Миранду из пределов Франции. Его вновь арестовывают. Но по дороге в тюрьму он заходит в сопровождении жандармов проститься с одной своей знакомой и, пока жандармы в одной из комнат принимают от гостеприимной хозяйки угощение, Миранда бежит через черный ход.

И снова Миранда в подполье и снова пишет послания правительству, в газеты, в законодательные органы, издает брошюры и листовки, опровергает: клеветнические обвинения, выдвинутые против него. Наконец 25 апреля 1796 года Директория отменяет приказ о его высылке, и он вновь появляется в нарижских салонах.

Свободой Миранда пользуется недолго. 10 мая полиция арестовывает участников тайного «Общества равных», которое стремилось к свержению Директории и осуществлению «фактического равенства». Миранда не имеет никакого отношения к «заговору равных», тем не менее он вынужден скрыться, так как для полицейских властей уже стало правилом при любом обострении обстановки сажать в тюрьму или, во всяком случае, постараться поймать Миранду, которого власти считают опаснейшим конспиратором, представляющим постоянную угрозу для установленного порядка.

Миранда неуловим. У него много верных друзей, которые обеспечивают его не только надежным укрытием, но и деньгами и прочими земными благами. Что это за друзья? Патриоты, которые не забыли, чем Франция обязана генералу, участвовавшему в беспримерном подвиге французского народа, отразившего на

полях Вальмик полчища пруссаков и австрийцев. Женщины, очарованные обаянием Миранды. Наконец, иностранные революционеры, для которых Миранда, мечтавший освбодить американские колонии от испанского гнета, был и оставался символом борьбы против любого деспотизма.

В 1797 году в Законодательный корпус было избрано много противников Директории. Испугавшись, власти арестовали несколько десятков депутатов и выслали их в Гвиану. В списках политических деятелей, подлежащих высылке в эту южноамериканскую колонию Франции, фигурировал также Миранда. Но ему вновь удалось ускользнуть от преследовавших его полицейских ищеек. Однако на этот раз правительство решило добиться своего, и Миранда знает: если он попадет в лапы своих преследователей, ему не избежать каторжной тюрьмы в Гвиане. По-видимому, действительно наступило время покинуть Францию, распрощаться с французской революцией. Надежды на то, что Франция окажет поддержку освободительному движению в испанских колониях, не оправдались. Более того, в августе 1796 года был подписан франко-испанский союзный договор, поставивший Испанию в зависимость от Франции.

Но куда же бежать Миранде? Всюду у власти находятся заклятые враги французской революции, которой он все-таки служил. Не ждет ли его за рубежом еще более горькая участь, чем та, которая угрожает ему во Франции? Только в одной стране он может появиться без риска для своей жизни — в Англии. Правда, его старый знакомый премьер-министр Питт — ярый враг французской революции, но Испания, союзница Франции, с октября 1796 года воюет с Англией. Кто знает, не заинтересуется ли вновь Питт давнишними проектами Миранды, тем более что условия в испанских колониях уже созрели для борьбы за независимость. Об этом сообщали эмиссары патриотов, прибывавшие из Испанской Америки в Париж встретиться с их знаменитым соотечественником генералом Мирандой. Для того чтобы из Испанской Америки добраться до революционного Парижа, им приходилось преодолевать немало препятствий: получить разрешение на выезд из колоний в Испанию, перебраться тайком через границу во Францию, где смельчака могли арестовать и, обвинив в шпионаже, расстрелять. И если посланец креолов благополучно добирался в столицу Франции, то тут его подстерегали новые опасности: ему еще следовало установить связь с Мирандой, который, как правило, жил в подполье, скрываясь от полицейских преследований. А потом предстояло совершить весь этот путь обратно...

В испанских колониях французская революция прозвучала

подобно набату, призывавшему патриотов подняться на решительный бой против поработителей, за свою свободу и независимость. Сообщения об участии Миранды во французской революции, о его победах на полях сражений, о присвоении ему генеральского звания привлекли к его личности внимание всех сторонников независимости. Те, кто выступал за независимость, считали Миранду своим духовным отцом, своим послом в Европе. Они надеялись на его участие, рассчитывали на его советы, были уверены, что в нужный момент он придет им на помощь…

Испанские власти старались установить всякого рода рогатки и препятствия, чтобы помешать проникновению в свои владения вестей о французской революции. Был строго запрещен ввоз в колонии какой—либо литературы, рассказывающей о событиях во Франции, портретов революционных деятелей и эмблем. Был даже запрещен ввоз рабов из французских колоний, чтобы, не дай бог, они не занесли «французский закон» в испанские владения. Агенты инквизиции рыскали по колониям в поисках сторонников революционной Франции, которых ссылали в каторжные тюрьмы в испанском Марокко.

И все же, несмотря на все эти драконовские меры, сведения о великих делах, происходивших, в Париже, проникали в самые отдаленные уголкй необъятных владений Испании в Америке. О них сообщали сами испанские чиновники, монахи и офицеры, прибывавшие в колонии из метрополии. Недозволенная литература ввозилась контрабандой из французских колоний, разбросанных в Карибском море. Ее доставляли французские корабли, получившие доступ в колонии после заключения Испанией Базельского мирного договора с Францией в 1795 году. Но еще до этого в Мексике было раскрыто властями несколько антииспанских заговоров, участники которых намеревались провозгласить республику, основанную на принципах французской революции. В этих заговорах принимали участие мексиканцы, испанцы, французы.

Беспокойнее всего было в Венесуэле. Карибское море, омывающее ее берега, было похоже на кипящий котел. Гром восстания рабов на Гаити прокатился по всем Антильским островам, призывая порабощенных к борьбе против своих угнетателей. Этот гром услышали и в Венесуэле, когда в 1794 году в порт Ла-Гуайру прибыли французские пленные, захваченные испанцами в Сан-Доминго. Их рассказы о победах негритянских повстанцев воодушевляли местных патриотов на борьбу с испанскими колонизаторами. Особенно жадно слушали эти рассказы негры — рабы и свободные. В 1795 году близ города Коро восстали негры-рабы. Они перебили местных помещиков,

провозгласили «французский закон», отмену рабства и ненавистных налогов. Во главе движения стоял самбо (метис от негра и индеанки) Хосе Леонардо Чирино, живший некоторое время на Антильских островах. Испанцам удалось, правда с большим трудом, подавить восстание, они схватили Чирино и после мучительных пыток казнили его. Вместе с Чирино погибли многие другие участники этого восстания.

В 1796 году в Ла-Гуайру за попытку поднять восстание в Испании была сослана группа республиканских деятелей во главе с Хуаном Пикорнелем. Здесь Пикорнель и его друзья нашли много сторонников среди местного населения, готовых взяться за оружие и выступить против испанцев. С их помощью испанские республиканцы вскоре смогли бежать из тюрьмы на остров Тринидад, захваченный англичанами у Испании в феврале 1787 года. Вскоре Пикорнель перебрался на остров Гваделупа, находившийся под контролем французов, где издал на испанском языке знаменитую «Декларацию прав человека и гражданина» и революционную песню, названную им «Американской карманьолой».

Заручившись поддержкой не только французов, но и англичан, Пикорнель предложил своим друзьям в Венесуэле перейти к подготовке восстания. Испанским властям удалось напасть на след конспираторов и арестовать наиболее активных из них. Дознание выяснило, что арестованные намеревались провозгласить независимость Венесуэлы, установить республиканский режим, отменить рабство. Их лозунгом было: «Да здравствует наш народ, равенство, закон, справедливость и свобода!», а программой - «Декларация прав человека и гражданина» Они говорили от имени «американского народа»

Руководители этого движения Хосе Марии Эспанья и Мануэль Гуаль смогли бежать на остров Кюрасао, где их встретил Пикорнель и откуда они продолжали руководить своими сторонниками, оставшимися на свободе в Венесуэле. Некоторое время спустя в Венесуэлу тайно вернулся Эспанья, но был выдан предателем. Испанцы присудили его к смерти через четвертование. Приговор был приведен в исполнение на главной площади Каракаса в присутствни генерал-капитана Венесуэлы и других колониальнъкх властей. Эспанья перед казнью сказал: «Я не боюсь умереть. Я верю, что моя родина вскоре завоюет свободу, и тогда она вспомнит обо мне и на этом самом месте почтит мою память».

Лозунги французской революции привлекали как креолов, так и наиболее передовых испанцев. Из семидесяти двух человек, привлеченных по делу Эспаньи к суду, 21 был испанец и 49 —

креолы. Половина арестованных были военными.

В Новой Гранаде также действовали группы патриотов. В 1793 году состоятельный креол Антонио Нариньо, бывший алькальд (мэр) столицы этой колонии, Боготы, последователь энциклопедистов, приобрел типографский станок и отпечатал на нем «Декларацию прав человека и гражданина», текст которой ему удалось выкрасть из библиотеки самого вице-короля. За распространение этого документа Нариньо был арестовани сослан на 10 лет в Африку, откуда ему удалось бежать. После многих испытаний и приключений Нариньо попал во Францию, добрался до Парижа, где встретился с Мирандой. По совету последнего Нариньо поехал в Лондон, установил связь с английским правительством, которое он безуспешно пытался убедить оказать действенную поддержку освободительному движению в испанских колониях. Нариньо возвратился из Лондона в Париж и вскоре нелегально вернулся в Новую Гранаду... Не менее тревожно было и в Мексике, где имелась многочисленная французская колония, считавшаяся рассадником революционных идей. Как сообщал в Петербург в одном из своих донесений русский поверенный в делах в Испании Н. Бицов, в городе Мехико в 1794 году был раскрыт «заговор, в котором участвовало несколько слуг-французов, ими руководил их соотечественник, врач; их цель состояла в изменении образа правления в соответствии с принципами, провозглашенными Конвентом». В начале 1797 года в Париже появился новый эмиссар антииспански настроенных креолов — кубинский плантатор Педро Хосе Каро. Он предложил Миранде возглавить восстание против испанского владычества в колониях. Каро утверждал, что в Южной Америке имеется 30 тысяч патриотов, готовых взяться за оружие по первому сигналу каракасца. Миранда послал Каро в Лондон, где он установил через негоцианта Тэрнбулла, с которым каракасец продолжал поддерживать связь, контакты с английскими министрами. Каро предложил англичанам направить их флот на помощь патриотам в район Картахены и захватить одновременно Панамский перешеек. В письме к английскому правительству от 19 октября 1797 года Каро указывал, что его планы полностью одобряет генерал Миранда. «Достоинства и способности этого американца писал кубинец, общеизвестны. Одно имя его стоит целой армии. В настоящее время он согласен приехать в Лондон для уточнения деталей нашего плана и способов его осуществления. Из Лондона генерал Миранда готов направиться в Америку, где он лучше, чем кто-либо другой, может руководить нашим предприятием».

Англичане дали понять Каро, что охотно повидали бы

Миранду, хотя, как обычно, тянули с конкретным ответом на предложения креолов.

Таким образом, путь в Лондон Миранде был открыт. Но на этот раз он будет вести с Питтом переговоры не как частное лицо, а как полномочный представитель креолов.

22 декабря 1797 года, за неделю до отъезда Миранды в Лондон, каракасец встретился в Париже с представителями «Хунты депутатов городов и провинций Южной Америки», которая была создана в Мадриде в октябре того же года, и подписал с ними так называемый Парижский акт, уполномочивающий его и перуанца Пабло де Олавиде вести переговоры с Англией и Соединенными Штатами по вопросу об оказании помощи патриотам в их борьбе за независимость. Миранде и Олавиде поручалось заключить с Англией и Соединенными Штатами оборонительный союз и просить у Англии предоставить в распоряжение патриотов 27 линейных кораблей и 10 тысяч солдат (8 тысяч пехоты и 2 тысячи кавалерии), а Соединенные Штаты — 7 тысяч солдат. Взамен «Хунта» обещала заключить с Англией и Соединенными Штатами благоприятный для них торговый договор, предоставить особые льготы для деятельности Английского банка в Мексике и Перу, прорыть межокеанские каналы через Панаму и Никарагуа и полностью возместить все расходы по оказанию помощи. «Хунта» назначила Миранду своим полномочным представителем в Европе и заодно командующим всеми операциями в Испанской Америке. Миранда, кроме того, уполномочивался договориться с иностранными державами и банками о получении займов, назначать своих агентов и покупать оружие в Лондоне. В Акте говорилось также, что Миранда может пользоваться услугами кубинца Каро, «который находится в настоящее время по его поручению с конфиденциальной миссией в Лондоне». Таким образом, Каро превращался из личного агента Миранды в лицо, действующее с согласия «Хунты депутатов городов и провинций Южной Америки».

Акт подписали Миранда и представители «Хунты» Хосе дель Посо—и-Сукре и Мануэль Хосе де Салас. Последние, как отмечалось в Акте, возвращались после его подписания в Мадрид для доклада «Хунте», а затем следовали в испанские колонии для подготовки всеобщего восстания.

Французские агенты в Лондоне, разузнавшие вскоре о существовании Акта, сообщали в Париж, что он является фальшивкой, сочиненной самим Мирандой для придания себе соответствующего веса в переговорах с англичанами. Некоторые историки высказывают такое же мнение, исходя из того, что не

имеется пока что каких—либо других подтверждений существования «Хунты городов и провинций Южной Америки», якобы созданной в Мадриде в октябре 1797 года. Весьма скудны сведения о перуанце Пабло де Олавиде. О нем известно только то, что он проживал в то время поблизости от Орлеана и что в момент подписания Акта ему перевалило за восемьдесят лет. Таким образом, какого—либо активного участия в переговорах он не мог иметь, и фамилия его упоминалась в Акте только для придания большей значимости этому документу.

Еще меньше мы знаем о делегатах «Хунты», подписавших Акт вместе с Мирандой. Одно время историки считали, что Посо-и-Сукре, а также Салас являются бывшими иезуитами, бежавшими первый из Перу, а второй из Чили, привлеченными Мирандой к патриотической деятельности. Другие утверждают, что Посо-и-Сукре был венесуэльцем, служившим в испанской армии в чине полковника, а Салас был чилийцем. Оба они исчезают после подписания Парижского акта. Следов их последующей деятельности пока что историками не обнаружено.

Была ли «Хунта» выдумкой хитрого конспиратора или действительно существовала и Парижский акт был заключен по ее указанию? Мы склонны думать последнее, исходя хотя бы из того обстоятельства, что англичане, которым в первую очередь предназначались эти данные и документы, не высказывали своих сомнений относительно их подлинности, хотя их агентура в Испании и Франции могла уличить Миранду в очковтирательстве, если бы последнее имело место. Другое дело, насколько мадридская «Хунта» была представительной. По всей вероятности, она состояла из креолов-патриотов, находившихся в то время в Испании. Подобные хунты или ложи возникали в Мадриде, Париже и Лондоне и впоследствии из них вышли многие видные участники войны за независимость испанских колоний.

Как бы там ни было, Миранда возвращался в Лондон не с пустыми руками, а с Парижским актом в кармане; он не являлся к Питту в качестве беглеца, ищущего надежного пристанища, а в роли полномочного представителя «Хунты городов и провинций Южной Америки», а это все-таки кое-что да значило.

Сам Миранда счел нужным следующим образом объяснить в своем дневнике причины, побудившие его покинуть Францию и вернуться в Лондон: «В январе 1797г, учитывая ратификацию в Париже оборонительного и наступательного союза между Испанией и Французской республикой, я послал к мистеру Тэрнбуллу в Лондон доверенного человека с просьбой представить его мистеру Питту. Этот агент должен был сообщить

об обстоятельствах и условиях, вынудивших меня служить Франции и участвовать в революции, которая, однако, полностью изменила свой характер. Единственной моей целью было только одно: добиться свободы и независимости для моей родины. Я считаю своим долгом осудить отвратительную систему, возникшую теперь во Франции, и которая противоречит режиму, на службу которому я поступил в 1792 году. Согласно этому я просил Питта вернуться к рассмотрению моих давнишних пропозиций в пользу Испанской Америки, тем более что условие, которое считалось необходимым для осуществления задуманного предприятия, налицо: война между Испанией и Англией началась. Кроме того, война могла вспыхнуть не только между Францией и Соединенными Штатами, но и между Соединенными Штатами и Испанией, что способствовало бы осуществлению наших планов. К тому же на данном этапе все испано-американские колонии более созрели и лучше подготовлены к борьбе за независимость. Мистер Тэрнбулл точно выполнил данное ему поручение. Его очень хорошо принял мистер Питт, который дал благоприятный, хотя и не вполне конкретный ответ на мое предложение...»

3 января 1798 года из Парижа выехал гражданин, фамилия которого по паспорту была Габриэль Эдвард Леру д'Эландер. Хотя он был в зеленых очках и парике, в нем легко можно узнать генерала Миранду. Согласно паспорту он родился в городе Каэн департамент Кальвадос, ему сорок лет, однако сам он выглядит на добрых семь лет старше. Почтенный купец Леру д'Эландер прибыл к Кале, где несколько дней спустя при помощи одного старого якобинца благополучно миновал портовую стражу и погрузился на датский корабль, взявший курс на Англию, куда он прибыл на следующий день — 12 января.

Шесть лет прошло с тех пор, как Миранда проделал этот путь в обратную сторону. Сколько воды утекло, вернее, сколько пролито крови врагов и друзей за эти годы! Какие великие события потрясли и удивили весь мир! И он, Миранда, сын канарского лавочника, был участником и свидетелем этих грандиозных свершений. Об этом знают в Каракасе и Мехико, в Буэнос—Айресе и Лиме. Революция перешагнула океан, и ее тень уже бродит по саваннам и пампасам его далекой родины... Она его ждет, она его зовет...

НЕУТОМИМЫЙ КОНСПИРАТОР

В Англии Миранду встречают как желанного гостя. Все ему оказывают знаки внимания — от работников таможни в Довере до самого премьер—министра Питта. Ведь теперь приехал в Англию не безвестный испанский полковник, а знаменитый генерал французской революционной армии, жертва террора, друг многих примечательных личностей, от действий которых зависит будущее Франции, а значит, и всей Европы, ибо революция превратила эту страну в самую сильную державу на континенте.

Сдержанный и хитрый Питт, которому тотчас сообщили о прибытии каракасца в Англию, готов немедленно принять его. Англия продолжает воевать с союзницей Франции Испанией. В прошлом году англичане захватили богатый и важный в стратегическом отношении остров Тринидад, отделенный от Венесуэлы только узкой полоской воды. Тринидад — идеальная база для действий против испанцев в Южной Америке. Остров кишмя кишит конспираторами, бежавшими из Венесуэлы. Губернатор острова Пиктон объявил порты Тринидада свободными для торговли с испанскими колониями. Он сочиняет манифест на испанском языке, в котором призывает жителей колоний бороться против испанского владычества. Пиктон сообщает в Лондон, что в испанских колониях нарастает брожение, что венесуэльцы готовы восстать и что если их вооружить, то они одержат победу.

Но разве такое дело может обойтись без участия полномочного представителя городов и провинций Южной Америки — без Миранды, в руках которого сосредоточены все нити заговора, охватившего испанские владения? Кроме того, заполучить Миранду в Лондоне во время войны с Испанией — это

равнозначно целой армии. Имя Миранды вызывает в Мадриде суеверный страх. Испанское правительство шлет чуть ли не каждый месяц указания своим вице—королям в колониях ловить агентов «ужасного и опаснейшего» каракасца. Можно вообразить, какое смятение вызовет в Мадриде известие о прибытии Миранды в Лондон...

Имеются и другие причины, побуждающие Питта немедленно встретиться с Мирандой. Английскому премьер-министру не терпится узнать из первоисточника, что происходит сейчас во Франции, что из себя представляют новые хозяева этой страны, в особенности этот генерал Буонапарте, возомнивший себя новым Цезарем.

Миранда, внимательно следивший за политикой английского правительства, понимал, что больше всего оно страшилось распространения революции французского образца. Поэтому, когда он встретился на следующий день после своего прибытия в Лондон с Питтом, то постарался заверить английского премьер-министра в том, что будущая форма правления освободившихся от испанского владычества колоний будет походить на английскую, то есть будет конституционной монархией. Стремясь заставить Питта оказать немедленную поддержку движению за независимость, Миранда указывал ему, что в противном случае это сделают французы, и тогда идеи французской революции, которых так боялся и которые так ненавидел Питт, завладеют всем Американским континентом.

Как ни старался Миранда убедить Питта в необходимости немедленных действий, этого ему не удалось сделать. Питт и другие члены английского кабинета охотно встречались с каракасцем, обсуждали всевозможные планы вторжения в Южную Америку, цвет и форму армейских мундиров участников будущей экспедиции, дебатировали различные статьи будущей конституции будущего государства Колумбии, которое по проекту Миранды должно было возникнуть на месте испанских колоний, но дело не двигалось с места. Главная причина этого заключалась в том, что Питт не терял надежды вбить клин между Францией и Испанией и привлечь последнюю в стан антифранцузской коалиции.

Миранда между тем продолжал развивать бурную дипломатическую и конспиративную деятельность. Он восстановил свои прежние связи с графом Воронцовым, русским послом в Лондоне, который продолжал относиться к каракасцу весьма доброжелательно, поскольку последний являлся ценным источником самой разнообразной политической информации. Тесные связи были установлены Мирандой также с американским

послом в Лондоне Руфусом Кингом и через него с президентом США Джоном Адамсом, с Гамильтоном и другими видными политическими деятелями заокеанской республики. Миранда стремился всех их убедить в необходимости поддержать борьбу испано-американских народов за независимость. Как и англичан, так и американцев Миранда пугал перспективой захвата этого района революционной Францией. Но правительство США тоже не спешило выступить на защиту независимости испанских колоний. США намеревались сглотнуть некоторые из них, присоединив к своей территории Флориду, захватить Калифорнию, Техас, Кубу.

Миранда ведет оживленную переписку со своими сторонниками, обосновавшимиш на Тринидаде и других Антильских островах и находящимися в тесном контакте с группами патриотов, действующих в колониях. Наиболее активный из них, венесуэлец Мануэль Гуаль, руководитель неудавшегося республиканского восстания в Венесуэле, постоянно шлет Миранде сообщения о развитии событий в колониях.

Лондон становится своеобразной Меккой для всех патриотически настроенных креолов, которые, преодолевая многочисленные препятствия, прибывают в столицу Англии только для того, чтобы встретиться с тем, кто действительно является «полномочным представителем городов и провинций Южной Америки». Миранда создает в Лондоне подпольный патриотический центр под названием «Великая американская ложа». Другой такой центр был им создан в самой Испании, в Кадисе, и назван именем Лаутаро, арауканского вождя, в течение многих лет сражавшегося против испанцев в Чили.

Среди наиболее частых посетителей Миранды в Лондоне был молодой чилийский патриот Бернардо О'Хиггинс, сын испанского губернатора Чили, впоследствии руководитель освободительного движения в этой стране. О'Хиггинс в 1800 году направился из Лондона в Мадрид, где по поручению Миранды связался с тайной ложей «Великое американское собрание», выступавшей за независимость американских колоний. По свидетельству О’Хиггинса, в ложу входили представители Гуаякиля, Кито, Лимы и Сантьяго. Была ли эта ложа той самой «Хунтой», которая снабдила в 1797 году уже известными читателю полномочиями Миранду, историки пока что затрудняются ответить на этот вопрос.

Миранде трудно и опасно работать даже в Лондоне. Французские и испанские агенты преследуют его по пятам, следят за каждым его шагом. Миранда живет под конспиративным

именем «Мартин», переписку ведет через контору Тэрнбулла, принимает десятки других предосторожностей. Но у его врагов много денег, с помощью которых они перекупают его слуг и друзей. Секретарь и доверенный человек Миранды Дюперон продался агентам Фуше и выкрал важнейшие документы из его архива. Кубинец Каро, посланный им в США и на Антильские острова, переметнулся на сторону испанцев, выдав им все то, что он знал о конспиративной деятельности каракасца. Полученные от Каро данные вызвали огромный переполох ав Мадриде, где ломают голову над тем, как покончить с этим злодеем номер один. Если нельзя обезвредить его в Лондоне, то, может быть, возможно заманить его в Испанию? Что ж, идея не плохая! Испанские власти вытаскивают на свет божий старое дело Миранды, и Королевский совет по делам Индий пересматривает его, реабилитируя по всем статьям каракасца. По поручению властей Кахигаль, бывший губернатор Кубы, сообщает об этом каракасцу и приглашает его приехать в Мадрид, где его якобы ждут всевозможные почести и выплата жалованья за многие годы. Но Миранду на такой мякине не проведешь! Он понимает, что это ловушка, и даже не отвечает на лживое послание своего бывшего покровителя.

Нет покоя и от английских агентов: вся его переписка с Гуалем и другими патриотами перехватывается и перлюстрируется ими.

Наконец, экономическое положение Миранды, как всегда, бедственное. Доходов у него никаких, а расходы огромные. В течение ряда лет его содержит Тэрнбулл, который твердо верит в звезду Миранды. Но, выдав ему около двух тысяч фунтов стерлингов, Тэрнбулл заявляет, что больше не в состоянии оказывать ему помощь. Приходится взять за горло Питта. Миранда сообщает ему, что если английское правительство не намерено поддерживать испано-американских патриотов, то пусть ему разрешат вернуться в Испанию, которая его полностью реабилитировала. Из Испании он, Миранда, намерен проследовать в Венесуэлу, где его ждет богатое наследство.

Разумеется, это явный блеф, но что остается делать «полномочному представителю городов и провинций Южной Америки»! Питт идет на уступки: английское правительство устанавливает Миранде пособие в 300 фунтов стерлингов в год. Эта ничтожная сумма достаточна только для того, чтобы не умереть с голоду. Вот какой дешевой ценой Англия намерена удержать Миранду, одно имя которого вызывает суеверный страх в Мадриде.

Да, Англия была бы не прочь освободить Испанию от ее

колониального бремени и занять ее место в Южной Америке. Новые заморские рынки принесли бы огромные барыши английским фабрикантам, купцам и банкирам. Но английские министры опасаются, что освобождение испанских колоний, даже если оно осуществится при поддержке легитимистской Англии, все равно будет победой французской революции. Если колонии добьются независимости, то они, естественно, выступят против феодальной и монархической Европы, стражем которой провозгласила себя Англия. Об этом откровенно говорили члены английского кабинета. Военный министр Уиндхем в октябре 1799 года писал членам английского кабинета, что он относится с «недоверием к проектам генерала М.», ибо испытывает «отвращение к революции». Столь же категорически высказывался и министр иностранных дел Гренвиль. «По моему глубокому убеждению, — отмечал он в одной из своих докладных записок, — нам не следует иметь никакого отношения к проектам генерала Миранды... На распространение революции в Южной Америке можно было бы решиться лишь в том случае, если бы существовала полная уверенность в том, что применение подобных средств приведет к чему-либо хорошему», то есть к укреплению позиций европейской реакции, вдохновляемой Англией.

С другой стороны были и такие английские деятели, которые считали необходимым изгнать из Южной Америки испанцев и подчинить этот континент английскому влиянию. В 1799 году видный английский военачальник генерал Аберкромби представил Питту докладную записку под названием «План освобождения Испанской Америки», в которой предлагал снарядить две экспедиции: одну - к мысу Доброй Надежды, а оттуда в район Буэнос-Айреса с целью захвата этого важнейшего колониального центра; другую — к берегам Венесуэлы для оккупации Каракаса. Но и этот проект был похоронен Питтом.

Миранда тем не менее не отчаивался. Он твердо знал, что освобождение испанских колоний только вопрос времени. Развитие политических событий в Европе неминуемо приведет к дальнейшему обострению противоречий между великими державами, что можно будет использовать в интересах национально-освободительной борьбы в колониях.

Приход к власти Наполеона в результате переворота 18 брюмера (9 ноября) 1799 года возродил надежды Миранды заручиться для своих планов поддержкой Франции. В январе 1800 года каракасец пишет письмо первому консулу, в котором объясняет, что, посвятив свою жизнь борьбе за свободу испанских колоний, он сперва искал помощи Англии, а затем связал свою

судьбу с революционной Францией, которую, однако, был вынужден оставить в 1797 году в результате необоснованных преследований. Вернувшись в Англию, он стал фактически пленником англичан, запретивших ему выезд в Соединенные Штаты, где он надеялся продолжать бороться за свободу колоний. Теперь он просит разрешения вновь приехать во Францию в надежде на то, что эта страна поддержит дело независимости колоний и тем самым приобретет все политические и коммерческие выгоды от их освобождения.

Письмо Наполеону Миранда переправил во Францию через своего агента новогранадца Варгаса. Вслед за этим Миранда с удвоенной энергией стал добиваться разрешения на выезд за границу. В июле 1800 года каракасец направляет очередное послание Питту, в котором пишет: «Потеряв всякую надежду быть полезным моей родине, а это - единственная причина, вынудившая меня, приехать в эту страну, я имел честь неоднократно обращаться к Вам с просьбой разрешить мне покинуть Англию. Насколько я понимаю, Вас интересует, куда я намереваюсь теперь направиться. Заверяю Вас, что моим желанием является вернуться через Францию и Испанию в Каракас. У меня есть основания рассчитывать, что в настоящее время я могу получить разрешение мадридского двора посетить мою семью и вернуть себе мою наследственную собственность, которой я был лишен в течение многих лет».

На это письмо Питт, разумеется, вновь ответил отказом. По старому конспиратору удалось в начале октября вырваться из Англии и прибыть в Гаагу, оттуда перебраться в Антверпен, взятый им штурмом в 1792 году.

Из Антверпена Миранда направил послание министру внутренних дел Франции Фуше, в котором наспоминал о своем письме Наполеону и испрашивал разрешения вернуться в Париж. Вскоре вдова Петиона, которая ходатайствовала за него перед новыми властями Франции, сообщила ему, что Наполеон не возражает против его приезда. Получив от французского префекта Антверпена паспорт, в котором было указано, что «гражданин Америки» Франсиско Миранда имеет право на проживание во Франции, каракасец 30 ноября появляется в Париже, где немедленно устанавливает связь со своим агентом Варгасом.

В столице Франции вместо радушного приема со стороны французских властей Миранду ожидают новые испытания. Фуше, узнав о появлении каракасца в Париже, отдает приказ о его немедленном аресте. Фуше утверждает, что Миранда английский агент. В действительности же министр внутренних дел действует по наущению испанского посла в Париже, который пытается

расправиться с каракасцем. Миранда вынужден скрываться у своих друзей, но ищейки Фуше в конце концов нападают на его след. В марте 1801 года Миранду арестовывают и заключают в тюрьму.

Судья предъявляет Миранде формальное обвинение в «шпионаже и в сношениях с врагами французского государства». Миранда категорически отрицает свою виновность. «Причины, побудившие меня вступить в сношения с английским кабинетом, — заявляет он судье, — кроются в моем стремлении обеспечить свободу и независимость Южной Америки. Я добивался у Англии такой же поддержки, какая в свое время была оказана Францией и Испанией Соединенным Штатам без предоставления Англии какой-либо коммерческой монополии или территориальных уступок».

На вопрос судьи, почему Англия отказалась предоставить Миранде помощь, арестованный весьмв хитро ответил: «Лондонскому кабинету и в особенности королю настолько претит идея свободы и независивости, что они предпочитают пожертвовать своими собственными интересами в угоду ненависти, питаемой ими к принципам свободы, господствующим во Франции, тем более теперь, когда они увидели, что австрийские и русские армии стали одерживать победы в Италии над солдатами республики».

Отсутствие каких—либо доказательств виновности Миранды, его весьма ловкие показания во время допросов и ходатайства вдовы Петиона и других его друзей вынудили Фуше после шестидневного ареста освободить свою жертву. Миранде было приказано в четырехдневный срок покинуть территорию Франции. Выход у него только один - вновь вернуться в Англию. В сопровождении Варгаса Миранда направляется в Антверпен, затем в Гаагу и оттуда обратно в Англию. Прибыв в английский порт Грейсвенд, Миранда обращается к своему другу Тэрнбуллу с письмом, в котором сообщает, что ему удалось спастись от опасностей, угрожавших со стороны Франции и Испании, и что теперь он намерен предпринять «последнюю попытку» добиться независимости для своей родины при помощи Англии. К этому письму было приложено послание к Питту, которое он просил Тэрнбулла передать по назначению.

«Причина моего возвращения в Англию, - извещал каракасец премьер-министра, — заключается в непосредственной угрозе испано-американскому континенту со стороны французской республики, подготавливающей в своих портах экспедицию для вторжения в этот район. Сказанное заставляет меня просить Вашего разрешения на краткое пребывание инкогнито в Англии

для того, чтобы я мог перебраться на нейтральном корабле к берегам Венесуэлы или в Соединенные Штаты. По полученным мною недавно сообщениям, многие испано-американские колонии готовы к почти всеобщему восстанию. Если, к несчастью, правительство Франции вмешается, то его интервенция вызовет в этих колониях полную дезорганизацию или такие же несчастья, как в Сан—Доминго, что можно предотвратить только мудрыми, быстрыми и решительными действиями. Учитывая необходимость принятия столь полезных для общего благополучия Испанской Америки и Англии мероприятий, я надеюсь, что Вы найдете возможным немедленно предоставить мне и одному моему соотечественнику разрешение, о котором я имею честь просить Вас. Мой соотечественник сопровождает меня под фамилией Смита, я же путешествую под фамилией Мартина, с тем чтобы сохранить строгое инкогнито, столь необходимое для успеха этих мероприятий».

Теперь Миранда пугал Питта возможностью французской интервенции в Испанской Америке! С таким пройдохой, как Питт, «полномочный представитель городов и провинций Южной Америки» иначе и не мог вести себя. Но когда Миранда сочинял свое послание, он не знал, что Питт подал в отставку и на его место король назначил нового премьер-министра, Генри Аддингтона, бывшего спикера Палаты общин. Узнав об этом и получив выхлопотанное Тэрнбуллом у нового премьера разрешение на пребывание в Англии, он вновь воспрянул духом. Может быть, Аддингтон окажется более сговорчивым, чем Питт, и все же решится снарядить освободительную экспедицию в Испанскую Америку? Тем более что Англия воюет сейчас и с Францией и с Испанией...

Миранда спешит в Лондон и буквально атакует членов нового кабинета своими планами и предложениями освобождения испанских колоний. Он посещает графа Сен—Винсента, первого лорда адмиралтейства, министра финансов Ванситтарта и других видных политических деятелей, строчит день и ночь новые и новые мемориалы, проекты вторжения, планы по организации и вооружению экспедиционного корпуса, скрупулезно подсчитывает необходимое для экспедиции количество пушек, мушкетов, сабель, пистолетов, пик, патронов и артиллерийских снарядов, седел, упряжек и прочей амуниции. Он даже придумывает особую форму для участников экспедиционного корпуса и знамя, на котором изображены радуга (ее цвета символизируют различные расы, населяющие колонии), статуя Свободы с надписью «Колумбия» и девизом «Pro Aris et Focis!» («За алтари и очаги!»), взятым им из Цицерона. Этот девиз

символизирует борьбу народа за родину, за родные алтари и очаги.

Английские министры принимают Миранду и вновь обсуждают с ним детали его многочисленных проектов, подсчитывают, во что обойдется британскому казначейству их осуществление, торгуются с ним из-за каждого пенни.

На этот раз они, кажется, всерьез готовы следовать планам Миранды. Ванситтарт от имени правительства просит каракасца срочно написать обращение к жителям испанских колоний, которое он сочиняет в течение одного дня. Эта прокламация является, по существу, первой программой будущей освободительной войны испанских колоний. Она начинается так:

«Дон Франсиско де Миранда, уроженец города Каракаса, к народам Колумбийского континента, населяющим испано-американские колонии.

Дорогие и храбрые соотечественники!

Уполномоченные вами несколько лет тому назад бороться за дело вашей независимости, мы, наконец, несказанно счастливы сообщить вам, что час вашего избавления настал. Вся наша жизнь была посвящена вам, наше последнее усилие будет направлено на осуществление ваших надежд. Пробил час избавиться от варваров, пробил час разрушить железную решетку, за которой вас держит испанское правительство. Помните, что вы происходите от славных индейцев, которые предпочитали геройски погибнуть, чем допустить порабощение их страны и позорно жить в неволе. Их храбрые воины во главе с Монтесумой сражались насмерть, защищая стены города Мехико, под руководством инкских вождей они гибли у стен Кито и Куско... Да, они погибли, но я вижу, как они вновь воскресают среди вас, еще более мужественные, чем прежде».

Восстаньте, призывал Миранда жителей колоний, и победа будет за вами. Если три миллиона английских колонистов могли завоевать себе независимость, то-как не завоюют ее пятнадцать миллионов жителей «испанских колоний?

Миранда доказывал, что у испанской короны нет других юридических прав на владение колониями, как «декрет итальянского епископа». Под этим декретом подразумевалась известная булла папы Александра VI Борджиа, которая наделяла испанских королей «правом» на владение колониями в Америке. Миранда обвинял испанцев в чудовищных преступлениях, совершенных ими за триста лет колониального владычества: истребление и эксплуатация индейцев, подавление огнем и мечом освободительных восстаний, грабеж местных богатств, ограничение в правах креолов.

Пусть, писал каракасец, кабильдос (муниципалитеты) направят в местопребывание командования освободительной армии своих полномочных представителей. Они образуют конгресс, который изберет временное правительство. Католическая религия останется национальной религией, но все другие религиозные культы будут разрешены. Инквизиция будет отменена, индейцы освобождены от налогов. Аборигены, и свободные негры и мулаты, будут уравнены в правах с белыми. Все граждане мужского пола от 18 до 58 лет будут обязаны служить в ополчения и участвовать в защите родины.

Английское правительство одобрило текст этой прокламации.

Во время переговоров англичане потребовали, чтобы военными операциями руководил английский командующий, которому подчинялись бы местные повстанческие силы. Миранде был предложен чин генерал-лейтенанта английской армии и должность заместителя английского командующего экспедиционным корпусом. Миранда наотрез отказался от этого, более того, он потребовал, чтобы во главе всего предприятия был поставлен латиноамериканец, то есть фактически он сам, ибо других подходящих кандидатов не было.

Миранда заявил англичанам: «Я только тогда обращу мою шпагу против испанцев, когда буду сражаться под знаменем американской свободы». Иначе, сказал он, его противники не без основания смогут утверждать, что Англия при помощи «коварного Миранды», запродавшего им свою родину и своих соотечественников, и под предлогом провозглашения независимости испанских колоний намерена завоевать и покорить этот район, как она сделала это с Индией.

Американский историк Уильям Робертсон, автор биографии Миранды, комментируя это заявление, правильно отмечает, что Миранда отказался совершить какой-либо шаг, могущий способствовать созданию английского протектората на его родном континенте. Миранда никому не продавал своей шпаги.

Несмотря на эти разногласия, переговоры довольно успешно продолжались, уже были выделены английские войска для участия в экспедиции, намечены корабли. И тут Франция предложила заключить мир. 1 октября 1801 года в Лондоне начались мирные переговоры между воюющими державами. Вскоре в Амьене был заключен мир с Францией и Испанией. И вновь все проекты английской помощи испано-американским патриотам были отложены.

В который раз английские министры предавали его, в который раз обманывали, водили за нос! Но он наберется терпения и будет ждать. Этот мир с корсиканцем не продлится

долго. Наполеону нужна передышка, вскоре он вновь будет воевать с Альбионом и заставит мадридский двор сделать то же самое. Тогда посмотрим, почтеннейшие джентльмены из английского правительства, какую песню вы запоете. Тогда у вас не будет иного выхода, как принять мои условия...

Так рассуждает Миранда. Полтора года он ждет этого часа. Он продолжает вести ставший уже давно обычным для него образ жизни: тайные встречи с прибывающими в Лондон различными посланцами из заморских колоний, обширнейшая переписка с единомышленниками, рассеянными на Антильских островах, и с государственными деятелями многих стран.

Время от времени Миранда, сохранивший страсть к путешествиям, совершает один или с друзьями поездки по Англии, где наблюдает жизнь простых людей, встречается с местными знаменитостями. В 1802 году во время одной из таких поездок каракасец знакомится в Йоркширском графстве с прелестным скромным 27-летним созданием по имени Сара Эндрюс, которая следует за ним в Лондон и становится его домоправительницей, а затем и возлюбленной.

О Саре Эндрюс мало что известно историкам за исключением того, что она была еврейкой и красавицей. Сам Миранда не афишировал своей связи с Эндрюс, в своем обширном дневнике он редко о ней упоминает. Сара была матерью двоих сыновей Миранды, официально признанных им. Своих отношений с их матерью он так никогда и не оформил законным браком. Формально он остался до конца своих дней холостяком. Первенец его, Леандр, родился в 1803 году, а второй сын, Франсиско, двумя годами позже.

Не прошло и года после Амьенского мира, как в марте 1803 года вновь заговорили пушки. Но на этот раз, хотя война между Францией и Англией раз— горалась с каждым месяцем все больше и больше, Испания сохраняла нейтралитет почти до конца 1804 года. А придерживалась Испания нейтралитета потому, что рассчитывала таким образом удержать Англию от нападения на свои американские колонии. События показали, что этот расчет был оправдан.

Понимал ли Миранда, что ожидать со стороны Англии активной поддержки его планов, пока Испания сохраняет нейтралитет, безнадежно? Понимал, но не в его натуре было сидеть сложа руки у моря и выжидать погоды. Как только возобновились военные действия с Францией, он вновь стал засыпать английских министров своими записками и проектами, смысл которых сводился к следующему: вы не желаете первыми выступить против Испании — прекрасно, тогда дайте мне

средства, и я сам, на свой страх и риск, организую освободительную экспедицию в Испанскую Америку, иначе ее захватит Наполеон, и тогда уж Британии придется весьма и весьма туго, тогда уж наверняка корсиканец проглотит и ее...

В начале мая 1804 года правительство Аддингтона ушло в отставку и ему на смену вновь вернулся старый знакомый Миранды сэр Уильям Питт. Не успело правительство сформироваться, как Миранда направляет новому главе адмиралтейства лорду Мельвилю послание, в котором, извиняясь за спешку, объясняет, что она оправдана особыми условиями его родины и опасением, что влияние Наполеона может распространиться через мадридский двор на Испанскую Америку. Существует угроза, что французы могут захватить порты Венесуэлы и Новой Гранады. Теперь медлить нельзя, следует

действовать. Миранда заканчивает письмо просьбой сообщить ему «окончательное решение» английского правительства по этому вопросу.

На следующий день, не ожидая ответа на предыдущее послание, каракасец посылает новое, но теперь обращенное к самому Питту, в котором просит дать ему аудиенцию для изложения «важных и деликатных» вопросов, связанных с делом освобождения испанских колоний, или назначить для этой цели доверенного человека.

Питт, после того как он получил еще с десяток подобных посланий, соизволил, наконец, откликнуться. Вновь начались встречи, беседы, переговоры. И вновь Питт медлил, тянул, впрочем, как всегда, не без основания. 18 мая 1804 года Наполеон провозгласил себя императором французов и стал готовиться к броску через Ла-Манш. На французском побережье сосредоточивались плавающие средства, которыми располагала Франция. В этих условиях английское правительство не решалось отвлечь на заокеанскую экспедицию ни солдат, ни свой боевой флот. И только когда выяснилось, что Наполеон отказался от плана вторжения, Питт наконец дал указания готовить экспедицию в Испанскую Америку.

На этом этапе видную роль в осуществлении планов Миранды стал играть капитан корабля сэр Хоум Попэм, пользовавшийся доверием влиятельных членов английского кабинета.

Попэм часто встречался с Мирандой, подолгу беседовал с ним о положении в Испанской Америке. Английский моряк претендовал на руководящую роль в предстоящей экспедиции. Впоследствии о своей роли в ее подготовке Попэм рассказывал: «Лорд Мельвиль состоял со мной в переписке по поводу плана Миранды. В октябре 1804 года — в момент, когда война с Испанией казалась весьма вероятной, — я прибыл в Лондон, и лорд Мельвиль приказал мне устроить совещание с Мирандой и затем изложить в докладной записке мои соображения по поводу экспедиции против испанвких поселений в Южной Америке. Я хорошо помню, что вручил этот документ лорду Мельвилю 16 октября 1804 года. Вскоре мне было приказано сопровождать мистера Питта в Уимблдон для того, чтобы он мог побеседовать о различных вопросах, поднятых мною в докладной записке».

Миранда, в свою очередь, отмечает в своем дневнике, что 13 октября Попэм сообщил ему следующее. Днем раньше он ужинал с Питтом и Мельвилем, обсуждая детали предстоящей экспедиции. Питт спрашивал Попэма, сумеет ли он контролировать действия Миранды. «Вообразите, — сказал Питт Попэму, — что вы будете назначены губернатором Тринидада и

что мы будем находиться в состоянии мира с Испанией, сможете ли вы удержать Миранду от переправы через узкий пролив, отделяющий этот остров от Венесуэлы, и от самостоятельных действий на континенте? Воодушевленный возвышенными помыслами и благородной амбицией превратиться в освободителя и законодателя своей родины, он будет стремиться сыграть ту же роль, какую сыграл Вашингтон в Северной Америке». Попэм заверил Питта, что Миранда человек слова и что он будет строго придерживаться достигнутых с ним в Лондоне соглашений.

По-видимому, Питт согласился с доводами Попэма, и подготовка к экспедиции началась ускоренными темпами. В декабре 1804 года английское правительство назначило Попэма командиром 64—пушечного судна «Диадема», и ему было предписано, как об этом рассказал впоследствии лорд Мельвиль, «сотрудничать с генералом Мирандой в той мере, в какой это необходимо для извлечения выгоды из тех или других его предприятий, могущих способствовать завоеванию нами на Южно-Американском континенте положения, благоприятного для торговли с этой частью света».

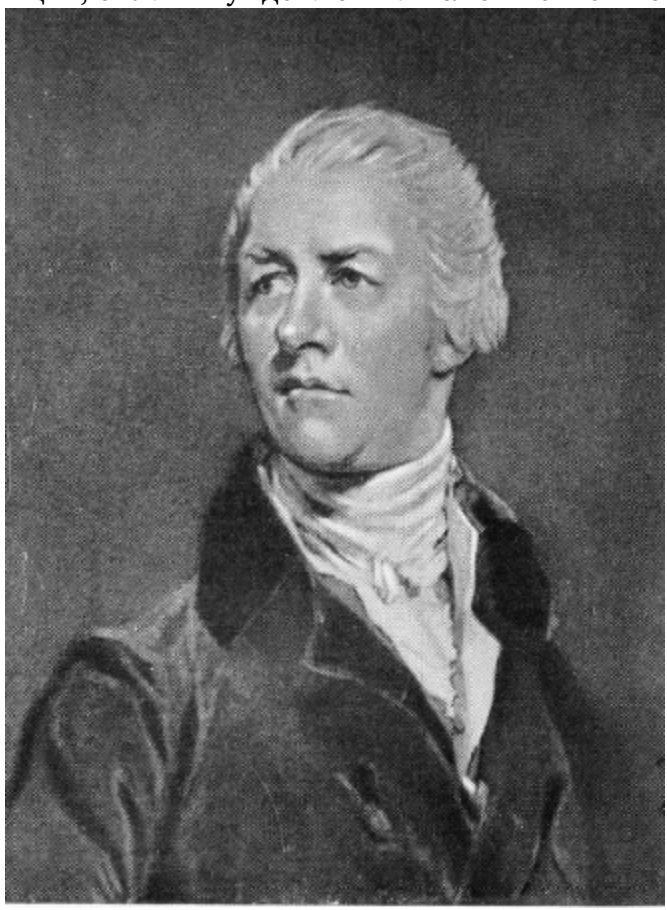
В октябре, получив сообщения, что Испания собирается объявить войну Англии, Питт приказал английскому флоту блокировать испанские порты. Английские корабли перехватили испанскую армаду, ежегодно перевозившую из американских колоний золото и специи. 12 декабря Испания объявила войну Англии. Казалось бы, теперь подготовка к экспедиции должна была бы закончиться в самые короткие сроки, но этого не произошло. Англичане продолжали медлить, выискивая все новые и новые проводочки и препятствия.

Прошло более семи месяцев. Наконец подготовка к экспедиции была завершена, оставалось только отдать приказ об ее отплытии. Именно в этот момент, 29 июля 1805 года, Попэм, который был назначен командующим экспедиционными силами, был снят с этого поста и направлен во главе отряда боевых кораблей к берегам Южной Африки для захвата голландской колонии Капштадт (Кейптаун).

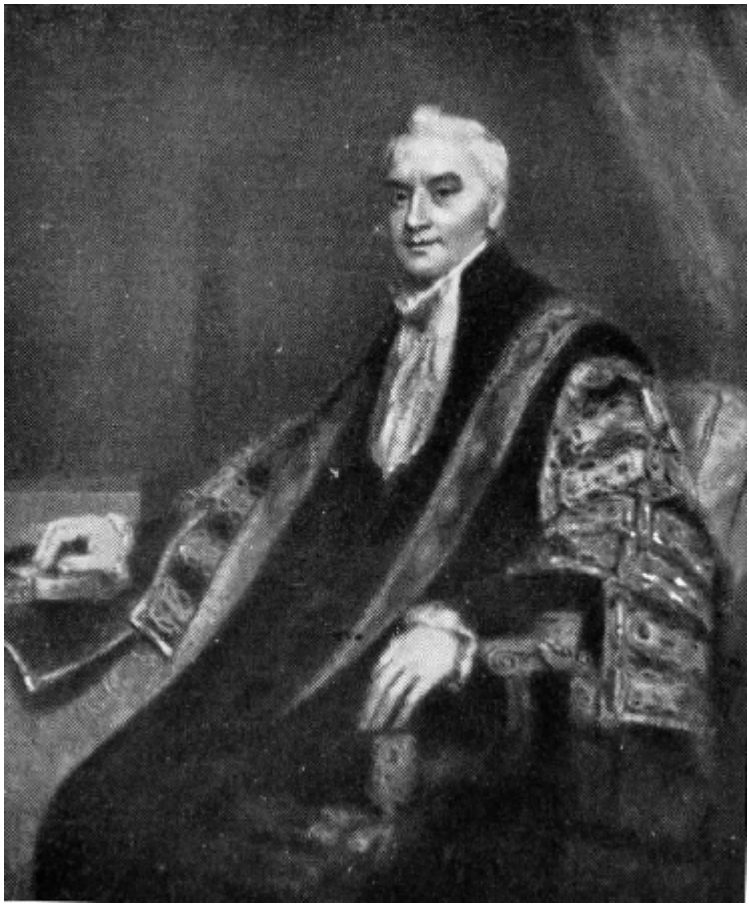
Что же произошло? Это объяснил Питт Миранде на очередной тайной встрече. Оказывается, на этот раз причиной была якобы Россия, вступившая в антинаполеоновскую коалицию, но продолжавшая сохранять дипломатические отношения с Мадридом. Царское правительство высказывалось против «революционизирования» испанских колоний не столько из принципов защиты легитимизма, сколько из своих собственных интересов. Правящие круги России не хотели, чтобы место слабой

Испании в Америке заняла сильная Англия. Случись это, Англия могла бы помешать деятельности Российско-Американской компании, успешно продвигавшейся с севера на юг вдоль тихоокеанского побережья Америки. Ее фактории уже доходили до Калифорнии, являвшейся в то время одной из провинций вице-королевства Новой Испании (Мексики).

Англия, заинтересованная в укреплении антинаполеоновской коалиции, была вынуждена считаться с мнением России.



Уильям Питт-младший. Портрет художника Лауренса.



Николас Ванситтарт. Портрет художника Уильяма Оуэна.

Бернардо О'Хиггинс, вождь освободительного движения в Чили.

Получилось так, что английское правительство, имея в течение уже многих лет отношения с Мирандой и его сторонниками, использовало их для шантажа Испании или в качестве разменной монеты в ее дипломатической игре с другими державами. Правда, пребывание Миранды в Лондоне, где он пользовался особыми привилегиями и имел большие связи в самых различных кругах, в известной мере воодушевляло сторонников независимости в колониях. Однако им были необходимы не только дружеские улыбки и рукопожатия, но и вооруженная поддержка, без чего они не рассчитывали одолеть своих врагов, располагавших в колониях крупными вооруженными силами. Добиться же от Англии больше чем обещаний, по-видимому, было невозможно.

Ну что ж, с Англией или без Англии, а скорее даже вопреки Англии борьбу следует продолжать вплоть до победы. Неудачи не могли разочаровать Миранду, заставить его изменить делу, которому он посвятил свою жизнь и в окончательную победу которого он верил.

ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ

В середине 1805 года отношения между Испанией и Соединенными Штатами резко обострились. Испания задержала несколько американских кораблей, занимавшихся контрабандной торговлей в ее колониях; спор возник также из-за границ Луизианы, купленной Соединенными Штатами у Франции двумя годами раньше. Испанский посол в США маркиз Каса-Ирухо метал громы и молнии против американского правительства, слал ему не только грубые ноты протеста, но и открыто ругал в печати президента и министров. В воздухе запахло порохом, что немедленно уловил Миранда. Война между Соединенными Штатами и Испанией означала для него новую возможность приобрести союзников, заручиться помощью американцев в борьбе за независимость испанских колоний.

Убедившись, что экспедиция, которую он столько лет готовил в Лондоне, не состоится, каракасец, не теряя времени, зондирует через своих многочисленных друзей в Соединенных Штатах почву для подобного же мероприятия, но теперь уже с помощью американского правительства. Получив заверения, что его планы найдут поддержку по крайней мере у некоторых влиятельных лиц в заокеанской республике, он начинает готовиться к отъезду

Перед отплытием Миранда пишет завещание. Своими душеприказчиками он назначает негоцианта Джона Тэрнбулла и министра финансов Ванситтарта. Им он поручает передать после освобождения Венесуэлы каракасскому кабильдо весь свой личный архив, который будет свидетельствовать «моей Родине об искренней любви преданного ей гражданина и о его неустанных трудах во имя общественного блага моих любимых соотечественников». Греческих и латинских классиков из своей

библиотеки Миранда завещает университету в Каракасе. Душеприказчикам поручается забота о его 18—месячном сыне Леандре. Своей «верной домоправительнице» Саре Эндрюс Миранда оставляет 600 фунтов стерлингов — видимо, все его сбережения, а также мебель, посуду и все прочее, что имелось в его лондонской квартире. Своим душеприказчикам, а также французским друзьям Миранда оставлял различные произведения искусства — картины, рисунки, скульптуры, имевшиеся у него в Лондоне и в Париже.

2 сентября Мистер Мартин (под таким псевдонимом продолжает выступать Миранда) в компании своего личного секретаря Томаса Молини покидает Англию. Знает ли английское правительство о его отъезде? Знает и одобряет его. Англии выгодно вовлечь США в конфликт с союзницей Наполеона Испанией, и, если Миранде удастся способствовать этому, тем лучше для Лондона. На текущие расходы каракасцу даже выдаются восемьсот фунтов стерлингов.

Путешествие длится шестьдесят семь дней. 9 ноября Миранда прибывает в Нью-Йорк, где его встречают старые друзья — Руфус Кинг, бывший посол Соединенных Штатов в Лондоне, и полковник Смит, с которым он некогда путешествовал по Европе. Смит является теперь начальником Нью-Йоркского порта — пост, как мы вскоре убедимся, весьма важный для осуществления планов каракасца.

Смит знакомит Миранду с капитаном корабля Льюисом и богатым негоциантом Сэмюэлем Огденом. "И тот и другой с ходу выражают готовность принять участие в освободительной экспедиции в Южную Америку. Огден готов даже финансировать осуществление планов мистера Мартина.

Миранда стремится заручиться официальной поддержкой американского правительства. Он обращается к своему старому знакомому военному министру Генри Ноксу с посланием, в котором пишет: «Цель данного письма — сообщить Вам, что, наконец, настал час, когда великий План, который мы вынашивали с Вами много лет тому назад, может быть осуществлен... Вы располагаете средствами оказать этому делу в его самый критический и интересный момент помощь как лично, так и через ваших друзей...»

Такие послания направляются к другим знакомым каракасца в Вашингтон. А вслед за ними направляется туда и сам Миранда. По дороге наш путешественник останавливается в Филадельфии, где встречается с бывшим вице-президентом Аароном Бурром, который строит планы отделения Мексики от Испании и превращения ее в протекторат Соединенных Штатов. Бурр

опасается, что Миранда помешает ему осуществить свою затею, и после встречи с каракасцем уведомляет о его планах испанского посла Каса-Ирухо, который немедленно напускает на него свору ищеек.

Там же, в Филадельфии, старый почитатель Миранды доктор Раш снабжает его рекомендательным письмом к государственному секретарю Мэдисону, в котором аттестует каракасца как «друга свободы и сторонника формы правления, имеющей своей целью благосостояние народов, а не величие индивидуумов».

6 декабря Миранда приезжает в Вашингтон и на следующий же день наносит визит президенту Соединенных Штатов Томасу Джефферсону, который тепло принимает его в присутствии членов кабинета министров. Разговор идет о положении в Европе, о войне, которая разделила европейские государства на два враждебных лагеря. Джефферсон, согласно дневнику Миранды, отметил: «Пока европейцы дерутся между собой, мы их будем кормить нашими продуктами». Один из министров бросил реплику: «Если они нам будут платить!» - «Разумеется!» — сказал президент, что вызвало веселое оживление среди присутствующих. Миранда в общих чертах осведомил Президента о своих планах, и которым Джефферсон отнесся весьма благосклонно. Договорились, что более подробно этот вопрос будет обсужден Мирандой с государственным секретарем Мэдисоном.

В столице Соединенных Штатов каракасец развил бурную деятельность. Он посещает гробницу Вашингтона, наносит визиты председателям сената и палаты представителей, встречается со многими видными политическими и общественными деятелями. 1 декабря Миранду принял Мэдисон. Государственный секретарь заявил венесуэльскому конспиратору, что американское правительство благосклонно относится к его планам освободительной экспедиции и не будет чинить препятствий участию в ней американских граждан. Однако в прямой помощи Мэдисон отказал. Два дня спустя Миранда был приглашен на обед кпрезиденту Джефферсону. Президент высказал уверенность, что все колонии в Америке завоюют независимость. Каракасца принял также вице-президент Джордж Клайтон, с которым он познакомился еще в свой первый приезд в Соединенные Штаты. Вернувшись в конце декабря 1805 года в Нью-Йорк, Миранда вместе с Огденом, Руфусом Кингом и полковником Смитом стал энергично готовить все необходимое для экспедиции. Огден авансировал на расходы 20 тысяч долларов. Был приобретен 16—пушечный корабль в 187 тонн под

названием «Леандр». Так звали первенца Миранды. Так как метрики его не сохранились, то историки до сих пор спорят, был ли он назван в честь корабля или наоборот. Под разными предлогами, не раскрывая всех планов стали вербовать волонтеров. Им обещали большое вознаграждение и чины в случае успеха экспедиции. Как это бывает в таких случаях, среди навербоанных затесались и авантюристы, искатели приключений и легкой наживы, которые вовсе не думали жертвовать собой во имя независимости испанских колоний. Было закуплено и погружено на «Леандр» военное снаряжение: 582 мушкета, 297 сабель, 6500 патронов, порох, амуниция и провиант.

К концу января 1806 года подготовка экспедиции была закончена. Миранда направил прощальные послания Джефферсону и Мэдисону, и 2 февраля «Леандр» вышел из Нью-Йоркского порта по направлению к Гаити. Всего на корабле было около 200 волонтеров, главным образом американцев и англичан.

Миранде при помощи полковника Смита, начальника Нью—Йоркского порта, удалось подготовить экспедицию столь скрытно, что испанский посол узнал о ней лишь после того, как «Леандр» покинул берега Соединенных Штатов. Ярости испанского дипломата не было предела. Он устроил по этому поводу форменный скандал Мэдисону.

К протестам Каса—Ирухо присоединил свой голос и французский посол в Вашингтоне. Оба они обвиняли американское правительство в нарушении нейтралитета. Не желая идти на открытый конфликт с Испанией и ее союзницей Францией, американские власти привлекли к суду Огдена и полковника Смита за нарушение закона о торговле оружием. Общественное мнение было на стороне друзей Миранды, и суд их оправдал.

Только когда «Леандр» оставил Нью-Йорк и вышел в открытое море, Миранда появился на палубе корабля и сообщил волонтерам об истинных целях их экспедиции. Они высадятся в Венесуэле и освободят ее от испанского гнета. Миранда заверил волонтеров, что в Венесуэле их ждет восторженный прием со стороны местного населения, с помощью которого им сравнительно легко удастся преодолеть сопротивление испанцев.

Один из волонтеров, капитан Биггс, оставил в своих воспоминаниях весьма достоверный портрет каракасца. По словам Биггса, Миранда роста был около 5 футов 10 дюймов, глаза у него были серые, взгляд — быстрый, проницательный и как бы недоверчивый, нос — длинный, скорее английского, чем римского, типа, волосы - поседевшие, но не белые, и стального цвета. Их он по моде ХИП века завязывал коснчкой, которую

посыпал пудрой. В левом ухе блестела небольшая золотая серьга. Вся его пропорционально сложенная фигура излучала силу, энергию, упорство и здоровье.

На палубе «Леандра» Миранда проводил военные занятия с добровольцами, он знакомил их с оружием, военной тактикой, рассказывал о положении в испанских колониях, о своем участии во французской революции и о путешествиях по европейским странам. Один из участников экспедиции впоследствии вспомннал, что каракасец «сеял в сердцах волонтеров семена геройских поступков, свободы и революции. Он представал перед нами как знаток языков, наук и литературы».

12 марта на «Леандре» был поднят учрежденный Мирандой колумбийский флаг из желтой, синей и красной полос, который впоследствии стал национальным флагом Венесуэлы. Перед этим флагом генерал Миранда принял у своих бойцов присягу на верность «свободному народу Южной Америки, независимому от Испании».

На печатном станке, предусмотрительно прихваченном Мирандой, печатаются его прокламация к населению колоний и дипломы офицерских званий, которые он выдает тут же на корабле волонтерам. «Я, дон Франсиско де Миранда, — так звучит текст, — данной мне властью, исходя из прерогатив моего поста, настоящим присваиваю такому-то такое-то офицерское звание».

Почти месяц плыл «Леандр» до порта Жакмель на острове Гаити. Здесь, в первой колонии Латинской Америки, завоевавшей независимость, Миранда надеялся получить помощь - оружие и волонтеров — от гаитянского правительства. На Гаити он пополнил свою «армаду» двумя небольшими судами — «Бахусом» и «Пчелой». С ними он направился к острову Бонэр, расположенному поблизости от Венесуэлы. Хотя расстояние между Гаити и Бонэром сравнительно небольшое, из-за тихоходов «Бахуса» и «Пчелы» и бестолковости капитана «Леандра», сбившегося с пути, корабли преодолели его только за месяц. В море караван терпел аварии, волонтеры с трудом переносили морскую качку, многие из них болели. По мере приближения, экспедиции к месту назначения их настроение падало.

Пока маленькая «армада» Миранды двигалась черепашьим шагом к берегам Южной Америки, другое быстроходное судно, посланное вслед за ними из Соединенных Штатов испанским послом Каса-Ирухо, успело побывать в Мексике, на Кубе и в Венесузле, доставив местным испанским властям послания, уведомляющие о грозящем вторжении экспедиционного корпуса «английского агента, разбойника и чудовища» Франсиско

Миранды. Весть об этом быстро облетела колониальные центры. Испанские власти подняли на ноги церковников, которые стали призывать население оказать сопротивление «иуде» Миранде. Была усилена береговая охрана, приведены в боевую готовность крепости, нспанские военные корабли вышли в открытое море, навстречу смельчаку. Наконец 27 апреля флотилия Миранды подходит к берегам Венесуэлы. «Главнокомандующий колумбийской армией» дает приказ своим «войскам» приготовиться к высадке. Тридцать шесть лет он ждал этого часа!

Но ,когда с «Леандра» спустили шлюпку с волонтерами, которым был отдан приказ достичь берега, вдали показались два испанских военных судна — 20-пушечный бриг и 11—пушечная шхуна. Высадка была приостановлена, «Леандр» приготовился к бою. Испанцы приблизились и открыли огонь, на который храбро отвечал «Леандр». Боем руководил сам Миранда с капитанского мостика. Пальба продолжалась около 40 минут. Затем капитан «Леандра» решил повернуть обратно в надежде, что испанцы погонятся за ним, а тем временем тихоходные «Бахус» и «Пчела» смогут скрыться. Но получилось иначе. Испанцы погнались как раз за этими утлыми суденышками, взяли их в плен и повели в крепость Пуэрто-Кабельо. Так, не успев даже высадиться на родной земле, Миранда потерял два. вспомогательных судна и - что главное — 60 волонтеров. Теперь у него остался всего один корабль и около 120 бойцов, но он продолжал верить, что достаточно им высадиться на материк, как к ним присоединятся несметные толпы индейцев, метисов, негров и креолов, возглавив которых он сметет испанский деспотизм со всего Южно-Американского континента.

Другого мнения были волонтеры на «Леандре».

Они теперь и слышать не хотели о высадке, и главнокомандующему ничего не оставалось, как дать указания капитану направить корабль к острову Тринидад, где он надеялся поднять дух своей «армии», а главное, заручиться английской поддержкой, на которую он все еще продолжал рассчитывать. Судьба волонтеров, попавших в плен к испанцам, была поистине трагической. В крепости Пуэрто—Кабельо их предали военно-полевому суду по обвинению в пиратство, мятеже и убийствах, в участии в «скандальной и возмутительной экспедиции преступника Миранды». Разумеется, пленных предварительно подвергли изощренным пыткам, чтобы вынудить у них признания. Председателем суда был сам генерал-капитан Венесуэлы Геварра—и-Васконселос. Обвинитель говорил об «отвратительных преступлениях коварного предателя» Миранды, возглавляющего «ужасную банду пиратов, головорезов,

насильников». Суд приговорил 10 волонтеров к смертной казни, остальные получили по 10 лет каторги. Судьбу трех несовершеннолетних волонтеров должен был решить сам король Испании.

Приговоренных к смерти повесили в присутствии их товарищей, затем отрубили им головы и выставили на всеобщее устрашение в городах Венесуэлы. Населению было объявлено, что это висельники, пираты и разбойники англичане, которым запродал свою душу Миранда. Этот «антихрист» намеревается вторгнуться в Венесуэлу с единственной целью — «обратить в бесову» протестантскую веру все местное население.

Нельзя сказать, чтобы эти грубые вымыслы, «подлинность» которых подтверждалась церковниками, не нашли отклика среди жителей Венесуэлы. Ведь жителей колонии на протяжении веков воспитывали в духе страха и ненависти к английским пиратам, английским «нехристям», отступникам от единственно подлинной католической веры…

Между тем Миранда продолжал колесить по Карибскому морю, бросая якорь то у одного, то у другого английского острова. В пути он узнал, что его старый знакомый Уильям Питт умер и что теперь премьер-министром Англии является лорд Грэнвиль, в правительстве которого его душеприказчик лорд Ванситтарт продолжает занимать пост министра финансов. У Миранды вновь затеплилась надежда на помощь английского правительства.

На Барбадосе Миранда встретился с адмиралом Кочреном, командовавшим английскими военными кораблями в Вест—Индии. Кочрен согласился эскортировать «Леандр» до берегов Венесуэлы, но отказался оказать более эффективную помощь «колумбийской армии» без соответствующих указаний Лондона.

По дороге Миранда был вынужден задержаться на Тринидаде, так как в Карибском море появился отряд французских кораблей, прибывших на помощь испанцам. Это время он использовал для пополнения своей поредевшей армии новыми волонтерами, число которых теперь возросло до трехсот, и приобрел несколько небольших суденышек. При первом же известии о возвращении в Европу французской эскадры каракасец решил действовать.

23 июля Франсиско Миранда пишет письмо Хислопу, губернатору Тринидада: «Полученные мною сообщения с Колумбийского континента заставляют меня немедленно выступить на помощь моей любимой родине, которая или свергнет гнет Испании, или превратится в несчастную рабыню Франции, подобно Голландии и Швейцарии. Только эти соображения заставляют меня покинуть Тринидад, ибо

количество волонтеров, примкнувших ко мне здесь, далеко не соответствует задачам важного мероприятия которое мы попытаемся осуществить.

Одновременно я пришел к убеждению, что дальнейшая отсрочка не увеличит мои силы. Кроме того, мои переговоры с командующим войсками в английской Вест-Индин показали, что я не могу рассчитывать на его помощь и сотрудничество. Все это заставило меня принять решение, которое может показаться рискованным, но которое является единственно приемлемым для меня при сложившихся обстоятельствах. Я надеюсь, что провидение, укрепив наши благородные помыслы, дарует нам победу и что будущие поколения, узнав всю правду об обстоятельствах нашей экспедиции, справедливо будут судить о событиях, которые явились следствием нашей патриотической и благородной убежденности».

Такого же примерно содержания письмо Миранда отправил адмиралу Кочрену, выражая надежду, что он по крайней мере прикроет его действия своими кораблями.

На следующий день «Леандр» оставил Тринидад и в сопровожцении нескольких английских военных кораблей взял курс к берегам Венесуэлы. 3 августа «Леандр» вошел в бухту Коро. Миранда разделил свои более чем скромные силы на два отряда — «дивизии». Обстреляв расположенные на берегу испанские батареи, «колумбийцы» во главе с Мирандой высадились около города Вела. Защищавший его испанский гарнизон в 600 человек после перестрелки бежал, а с ним — и почти все население. Тем не менее освобождение этого первого города, стоившего «колумбийцам» всего трех раненых, имело большое политическое и военное значение. Ведь это была первая победа Миранды!

Теперь следовало бы развить первоначальный успех, но для этого Миранда располагал слишком ничтожными силами. Он послал своих людей в соседние селения в надежде, что им удастся поднять местных жителей на борьбу против испанцев. Одновременно были направлены гонцы с победными реляциями и с просьбами о немедленной помощи на Ямайку, Тринидад и Барбадос. Но ни местное население, ни англичане не спешили на подмогу главнокомандующему «колумбийской армией». Креолы, узнав, что силы Миранды ничтожны, отказались поддержать его, что же касается рабов и индейцев, то для них Миранда был тем, чем его рисовала испанская пропаганда, — английским пиратом. Правда, в Веле к нему присоединился отряд индейцев из 30 человек, но при первой же стычке с испанцами они его покинули.

И все же Миранда продолжал наступление. Он двинулся на город Коро, расположенный в двенадцати километрах от Велы,

который тоже освободил, но в котором тоже почти не оказалось людей: их силой эвакуировали в глубь страны испанские власти. Напрасно Миранда украсил город колумбийскими флагами, напрасно были вывешены его манифесты, напрасно он призывал жителей вернуться в свои дома, обещая им свободу, независимость и счастье. Ответом ему было молчание. Но он все еще продолжал верить в чудо, чего нельзя было сказать об остальном «колумбийском» воинстве. Среди волонтеров началось брожение: им обещали встречу с цветами и музыкой, несметные сокровища, славу и почести. Все оказалось обманом, они попали в ловушку по вине этого фантазера и болтуна Миранды. Положение отягощалось еще и тем обстоятельством, что испанцы, отступая, забили колодцы и лишили волонтеров питьевой воды. А тут еще стали поступать сведения о готовящемся контрнаступления испанцев. Испанский командир гарнизона в Коро после бегства из города пришел в себя и, собрав ополчение в 1500 человек, начал контрнаступление. Ему удалось обойти позиции Миранды и в первой же стычке взять в плен капитана «Леандра» и нескольких матросов.

Не бездействовал и генерал-капитан в Каракасе. Первым делом он приказал публично казнить «in efige» — «в изображении» — ненавистного Миранду. «Сожжение» Миранды не помешало властям назначить за его голову награду в 30 тысяч песо. Один из испанцев соблазнился на эту награду, пробрался в Коро и выстрелил в Миранду, но промахнулся, убив сопровождавшего его солдата. К тому же трибунал инквизиции, пребывавший в крепости Картагена, провозгласил Миранду атеистом и «врагом бога и короля», отлучил его от церкви и запретил верующим давать ему кров и пишу.

Затем генерал-капитан объявил всеобщую мобилизацию. Набрав четыре тысячи бойцов, он двинулся к Коро. Таким образом, против двухсот волонтеров «колумбийской армии» выступало теперь около пяти тысяч солдат. Рассчитывать на победу в этих условиях было бы безумием.

Получив эти сведения, Миранда созвал военный совет, на котором было решено оставить Коро и вернуться в Велу, поближе к «Леандру» и английским кораблям, маячившим в бухте. Но отступление это больше походило на бегство.

Миранда оставил на прощанье жителям Коро манифест, в котором заявлял, что его миссия заключалась не в завоевании, а в освобождении населения от испанской тирании. Он покидает Коро, чтобы его жители смогли вернуться к своим очагам и убедиться в его благородных намерениях. Он направляется в Велу, но если жители Коро его призовут, то он вернется и будет

сражаться за их свободу до последней капли крови.

В Веле волонтеров обуяла паника. Все только и думали о том, как бы поскорее убраться отсюда. Миранде, которому уже никто не подчинялся, ничего не оставалось делать, как отдать приказ об эвакуации.

13 августа 1806 года Миранда и его «колумбийцы» вернулись на «Леандр» и, эскортируемые английскими кораблями, направились на остров Аруба, принадлежавший Голландии. Голландия была оккупирована Наполеоном, поэтому Миранда счел возможным, в свою очередь, оккупировать Арубу.

Каракасец не принадлежал к числу людей, признающих себя побежденными, пока в их груди стучит сердце, а на плечах держится голова. Это не поражение, а всего лишь первая вылазка, причем весьма успешная, — так оценивал Миранда результаты своей экспедиции. Сходную оценку давали ей и англичане на вест-индских островах. 2 сентября 1806 года английская газета «Барбадос Меркюри энд Бриджтаун Газетт» писала: «Одни считали, что предприятие Миранды было безрассудным, другие — донкихотским, все считали его опасным, он же доказал, что способен завладеть позициями на континенте и удерживать их».

Да, Миранда проиграл всего лишь стычку, а не сражение. Будь у него хоть несколько тысяч солдат, он дошел бы до Каракаса, он освободил бы всю Венесуэлу!

С Арубы Миранда пишет адмиралу Кочрену на Барбадос: «Я не сомневаюсь после этого испытания, что мы можем одержать победу, если будем располагать небольшими вооруженными силами…»

Вместо ожидаемой помощи англичане приказали Миранде немедленно убраться с Арубы со своими волонтерами на Тринидад, откуда он продолжал слать письма Кочрену, министрам и своим друзьям в Лондоне, взывая о помощи.

Лондон отмалчивался. Пришел ответ только от Тэрнбулла, и Миранда не поверил своим глазам. Оказывается, пока он кружил по Карибскому морю, пока сражался на венесуэльской земле, англичане напали на Буэнос-Айрес и захватили его, а теперь планируют высадки в других местах Испанской Америки, разумеется, без его участия, ибо их цель вовсе не освобождение испанских колоний, а захват и порабощение их. Да разве можно было ждать чего—нибудь другого от коварного Альбиона? Покорив Восточную Индию, он стремится завоевать теперь и Западную.

Но каким образом англичанам удалось захватить Буэнос-Айрес? Подробности этого Миранда узнал позднее. Произошло следующее. В январе 1806 года Попэм без особого труда захватил

Капштадт и водрузил английское знамя над мысом Доброй Надежды. Одержав эту победу, Попэм покидает Африку и берет курс на Южную Америку, а точнее, на Буэнос-Айрес. На его кораблях — отряд морской пехоты в 1600 солдат под командованием генерала Берисфорда. Попэм решил, что этих сил вполне достаточно для оккупации столицы вице-королевства Ла—Платы. И он не ошибся. 26 июня эскадра Попэма вошла в устье реки Ла-Платы, и на следующий день английские войска подступали уже к Буэнос-Айресу. Испанский виде-король Собремонте не решился привлечь местное население к обороне города и сдал его без боя англичанам.

Захватив Буэнос—Айрес, англичане повели себя в нем как заправские колонизаторы. Они объявили его владением британской короны и принялись грабить местное население.

Весть о взятии Буэнос-Айреса пришла в Лондон в начале сентября. Негоцианты и банкиры Лондона ликовали. Завоевателю Буэнос—Айреса генералу Берисфорду было присвоено почетное гражданство Лондона и выдана большая денежная премия. Газета «Таймс» предсказывала: «Несомненно, что всю колонию Ла-Платы постигнет судьба Буэнос—Айреса». Аппетит, говорит английская пословица, приходит во время еды. Если Берисфорду удалось без единого выстрела захватить Буэнос-Айрес, то нельзя ли захватить столь же легко и дешево и другие испанские колонии? Было бы глупо не воспользоваться такой возможностью и делать ставку на фантазера Миранду с его россказнями о креолах, жаждущих независимости. Им нужна не независимость, а мудрое британское правление.

Попэму и Берисфорду было послано на подмогу 2 тысячи солдат, генерал Крауфорд с 4200 солдатами отплыл к берегам Чили с заданием завладеть портовым городом Вальпарайсо. Генерал Уэлсли (будущий лорд Веллингтон, один из победителей Наполеона в сражении при Ватерлоо) получил указание возглавить поход на Мексику и захватить Веракрус, для этого было ему дано 8 тысяч солдат; другой отряд в 3 тысячи солдат должен был проследовать из Индии к тихоокеанскому побережью Мексики.

О том, какие «альтруистические» цели преследовали при этом английские колонизаторы, показывает инструкция военного министра генералу Крауфорду, в которой предписывалось ему после завоевания Чили «употребить все зависящие от него средства, как мирные, так и насильственные, чтобы воспрепятствовать распространению среди населения мятежного духа. Его главные усилия всегда должны быть направлены на поддержание внутреннего порядка и спокойствия на территории,

оккупированной войсками его величества; даже на смежной с нею территории генерал не должен способствовать мятежным действиям или мероприятиям, клонящимся к чему—либо другому, кроме перехода страны под покровительство и управление его величества. Желание его величества состоит также в том, чтобы те права, которыми до сих пор пользовались различные классы населения, и те обязанности, которые на них были возложены, по возможности не подвергались изменению; прежние формы управления будут сохранены; новое будет состоять лишь в замене власти испанского короля властью его величества».

Жители Буэнос-Айреса внесли существенные коррективы в эти амбициозные планы британских завоевателей. Пока в Лондоне формировались военные экспедициив Южную Америку и сочинялись для них инструкции, в Буэнос-Айресе восстало местное население, возглавляемое Сантьяго де Линьерсом. Этот служивший у испанцев морской офицер французского происхождения был тайным сторонником независимости. Под руководством Линьерса было создано народное ополчение, которое атаковало английский гарнизон и после ожесточенной схватки вынудило его сдаться. Англичане потеряли 300 солдат убитыми, 1200 пленными, в числе которых был и сам генерал Верисфорд. Кроме этого, ополченцы захватили 95 пушек, 1600 мушкетов и все боеприпасы англичан. Из разгрома спасся только Попэм, успевший с небольшой группой солдат погрузиться иа суда и отойти к восточному берегу реки Ла—Платы.

Известие о позорном разгроме в Буэнос-Айресе пришло в Лондон в самый разгар подготовки новых экспедиций в Испанскую Америку и вынудило правительство коренным образом изменить свои планы. Теперь уже не могло быть и речи о новых завоеваниях. Приходилось спешить на выручку Берисфорду хотя бы ради спасения престижа Англии. Было соблазнительным во что бы то ни стало удержать эту богатейшую колонию, о которой лондонская «Таймс» пиала, что она является «житницей Южной Америки и располагает миллионами коров, лошадей, овец и свиней».

Несколько месяцев спустя англичане сконцентрировали в районе Ла-Платы около 10 тысяч солдат. Взяв штурмом Монтевидео, они предприняли новое нападение на Буэнос—Айрес и вновь потерпели сокрушительное поражение.

Креолы сражались геройски. Впоследствии командующий английскими войсками генерал Уайтлок свидетельствовал, что «каждый мужской житель, будь то свободный или раб, сражался с решительностью и настойчивостью, которых трудно было бы

ожидать даже от религиозного или патриотического фанатизма наиболее закоренелого и беспощадного врага». Англичане так и не смогли овладеть Буэнос-Айресом. Потеряв большое количество убитых, раненых и пленных, они вынуждены были заключить перемирие с Линьерсом и потом бесславно ретироваться восвояси.

Таким образом, попытка англичан завладеть Испанской Америкой кончилась для них плачевно. Впоследствии английское правительство свалило вину за поражение на исполнителей своей воли — Попэма, Берисфорда, Уайтлока, которых судили в Лондоне за якобы самовольные и безответственные действия. Победа креолов над английскими захватчиками имела далеко идущие последствия не только для вице-королевства Ла—Платы, но и для других испанских колоний. Во время борьбы с англичанами кабильдо Буэнос-Айреса сместило и выслало за пределы колонии вице-короля Собремонте, его власть перешла к Линьерсу, которого по настоянию того же кабильдо испанское правительство было вынуждено утвердить в этой должности.

События в Буэнос-Айресе показали силу креолов и слабость испанской колониальной администрации. Если жители Буэнос-Айреса самостоятельно разбили 10-тысячную английскую армию, хорошо оснащенную и возглавляемую опытными полководцами, то, разумеется, они тем более могли бы справиться с испанскими войсками и завоевать себе независимость.

После изгнания англичан из Ла-Платы контроль над вооруженными силами в Буэнос-Айресе перешел в руки представителей местного населения. Все это, вместе взятое, создавало благоприятные предпосылки для отделения колоний от Испании и провозглашения независимости.

О подробностях событий в районе Буэнос-Айреса Миранда узнал с большим опозданием, находясь на Тринидаде. Он правильно уловил их подлинный смысл. Теперь он больше, чем когда-либо, был уверен, что дело всей его жизни — независимость испанских колоний — осуществится в самом ближайшем будущем.

Преисполненный этой уверенности, Миранда пытается всеми доступными ему средствами укрепить связи со сторонниками независимости в колониях. Волонтеры давно уже его покинули. Для того чтобы расплатиться с ними, он был вынужден продать «Леандр», но это не отразилось на его энтузиазме.

Миранда посылает и принимает агентов, пишет письма, устанавливает новые связи в Венесуэле и других испанских колониях. Он продолжает активную переписку со своими друзьями в Лондоне, в надежде, что, получив жестокий урок в

Буэнос-Айресе, английское правительство поймет, наконец, что не захват этих колоний, а превращение их в независимые государства может открыть необъятные рынки Южной Америки английским товарам и капиталам.

9 марта 1807 года Миранда пишет Ванситтарту: «Недавняя катастрофа в Буэнос-Айресе должна доказать английскому правительству всю нелепость идеи завоевания Южной Америки. Я не ошибся ни что касается этого вопроса, на что касается легкости, с какой можно проникнуть в эти страны, при условии, что независимость и свобода их жителей будет основной целью такого мероприятия».

Это письмо неопровержимо доказывает, что Миранда никогда не был слепым орудием в руках английского правительства, как это пытаются утверждать некоторые исследователи — апологеты испанского колониального режима.

В английских правящих кругах не было единства мнения в вопросах политики по отношению к испанским колониям. Наряду со сторонниками их завоевания, которые преобладали в правительстве, в нем были и сторонники Миранды.

Тэрнбулл, Ванситтарт и другие друзья каракасца верили ему, готовы были поддержать его планы.

В марте 1807 года в Англии правительство лорда Гренвиля ушло в отставку, ему на смену пришел кабинет, возглавляемый герцогом Портландским. Новое правительство заинтересовалось проектом отделения Южной Америки от Испании, представленным на его усмотрение старым неприятелем Миранды французским генералом Дюмурье.

Этот политический авантюрист, предавший французскую революцию в один из самых критических моментов ее истории, после бегства из Франции долго околачивался при различных королевских дворах Европы. В 1800 году он был в России, а три года спустя осел в Лондоне, где отстаивал претензии принца Луи-Филиппа Орлеанского на французский престол.

Шансы принца Орлеанского на французский престол были в то время весьма проблематичными, поэтому Дюмурье задумал пристроить своего патрона в Испанской Америке. Он принялся сочинять английкому правительству докладные записки, в которых доказывал, что испанские колонии должны быть преобразованы в наследственную монархию под протекторатом Англии, во главе же этой монархии следует поставить принца Орлеанского. Дюмурье предложил осуществить этот план, начав с завоевания Мексики. Для этого он просил предоставить ему полмиллиона фунтов стерлингов и разрешение навербовать в Ирландии 6 тысяч добровольцев.

Дюмурье, конечно, не мог не знать о деятельности Миранды в Англии, о его связях с английскими официальными кругами, о его планах освобождения испанских колоний. Чтобы избавиться от этого конкурента, Дюмурье пытался всячески очернить Миранду, выдавая его за «скрытого якобинца» и «агента Соединенных Штатов». В одной из своих записок английскому правительству, датированной 12 июня 1806 года, этот интриган писал: «План Миранды основан на демократических принципах; Миранда работает не на кого иного, как на Соединенные Штаты; если бы он имел успех, то революция в испанских колониях стала бы не только демократической, но и американской».

После же неудачной попытки каракасца освободить Венесуэлу Дюмурье со злорадством отмечал: «К счастью, революционные проекты, задуманные генералом Мирандой с такой смелостью и приведенные им в исполнение с такой робостью, ни к чему не привели. Если бы он имел успех, то эта революция, вызывающая возмущение всех честных людей, всех собственников, без различия их взглядов на свободу, повлекла бы за собой столь же ужасный хаос, как и революция на Сан-Доминго. У этого вождя не хватило бы ни выдержки, ни способности навести порядок».

Инсинуации Дюмурье нашли благожелательный отклик в правительстве герцога Портландского. Английские реакционеры пуще всего боялись занести в испанские колонии «республиканскую заразу».

«Я всегда испытывал ужас, — признавался генерал Уэлсли, — к «революционизированию» любой страны, исходя из политических соображений. Я всегда говорил, если какой—либо народ сам восстанет — прекрасно, но не подталкивайте его к этому, иначе вы возьмете на себя опасную ответственность».

Не удивительно, что английское правительство на этот раз именно на Уэлсли возложило формирование экспедиционного корпуса.

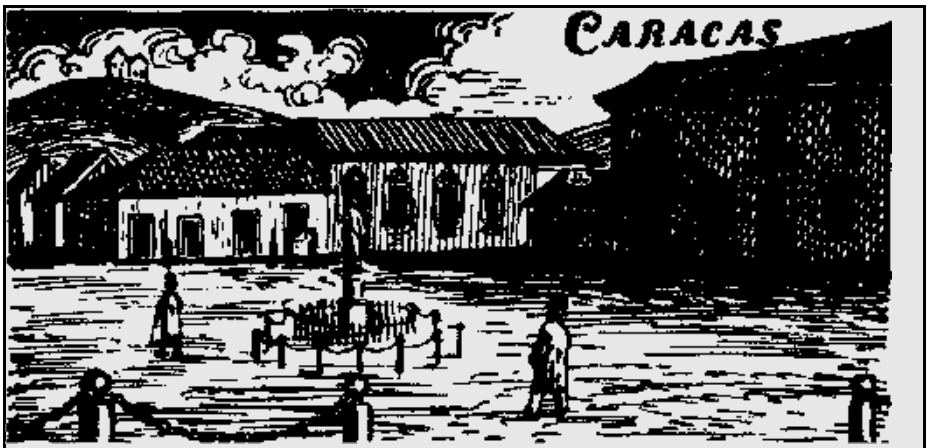
Английские друзья держали Миранду в курсе этих событий и настаивали на его возвращении в Лондон. 24 октября 1807 года Миранда оставил остров Тринидад и направился в Англию, куда он смог прибыть только 21 декабря. В Лондоне его ждали верная подруга Сара Эндрюс и сыновья Леандр и Франсиско. Последнего, родившегося вскоре после, его отъезда к берегам Венесуэлы, Миранда увидел впервые. Но неутомимому конспиратору некогда было предаваться утехам семейного очага. Не теряя времени, он вновь штурмует английских государственных деятелей, убеждая их поддержать движение за независимость испанских колоний. Он встречается с министром иностранных дел Джорджем

Каннингом, министром колоний Кэстэрли, с Ванситтартом, Тэрнбуллом и другими влиятельными лицами. Теперь он выдвигает идею образования на Колумбийском континенте не одного, а четырех независимых государств: первое в составе Мексики и Центральной Америки, второе — Венесуэлы, Новой Гранады и Кито, третье — Перу и Чили и четвертое — Буэнос—Айреса.

Английские министры встречаются с Мирандой, выслушивают его, намекают на возможную поддержку, но все это делается для маскировки. В действительности английское правительство преследует свои собственные цели, а связь с Мирандой нужна им только для отвода глаз. Пусть каракасец считает, что именно ему будет оказана поддержка. А там будет видно, что делать. Может быть, и Миранда пригодится для осуществления планов правительства его величества короля Великобритании...

Но если надеждам Миранды не суждено было осуществиться, то такая же участь ожидала и планы английского правительства. Когда экспедиционный корпус генерала Уэлсли уже был готов к отплытию в Испанскую Америку, в Испании произошли события, которые заставили Англию вновь пересмотреть свои планы по отношению к Латинской Америке.

Тяжелые испытания выпали на долю Франсиско Миранды в эти годы. Его попытка освободить Венесуэлу от испанского владычества с помощью Англии не удалась. Он не встретил на родной земле того отклика, на который рассчитывал. Испанцы его считали предателем и агентом англичан, англичане - агентом американцев, американцы — русских, русские — французов. Только патриоты, борцы за независимость колоний верили ему и знали, что за пределами Испанской Америки у них только один надежный и верный друг — генерал Франсиско Миранда.



РАДОСТНЫЕ ВЕСТИ ИЗ КАРАКАСА

После Тильзитского мира с Россией, заключенного в 1807 году, Наполеон обратил свои взоры на Пиренейский полуостров, казавшийся ему крайне ненадежным флангом его континентальной империи. Особенно раздражала корсиканца Португалия, традиционно связанная с Англией. Он решил, завоевав Португалию, расчленить ее на несколько мелких княжеств. Испании была уготована несколько иная участь. Французский император намеревался посадить на испанский престол одного из своих многочисленных братьев, приобщив, таким образом, к своей империи не только Испанию, но и ее заморские владения.

В октябре 1807 года Наполеон подписал с испанским правительством в городе Фонтенбло тайный договор о разделе Португалии, дававший ему право направить войска в эту страну через Испанию. Вскоре французские войска перешли Пиренеи и через северную Испанию вторглись в Португалию. Узнав об этом, лузитанский королевский двор в страхе погрузился на корабли английской эскадры, стоявшей в Лисабоне, и бежал в Бразилию. Португалию оккупировали французские войска.

Расправившись с Португалией, Наполеон стал прибирать к рукам Испанию. Его войска, которыми командовал прославленный маршал Мюрат, сперва захватили север страны, а потом начали продвигаться к сердцу Испании - Мадриду. Действия французов вызвали панику в правящей Испанией камарилье, видное место в которой играл любовник королевы Годой. По его совету королевская семья решила было последовать примеру португальского двора и удрать в заморские владения, однако этому не суждено было осуществиться. Народ столицы

восстал, свергнул ненавистного временщика и заставил Карла IV отречься от престола в пользу своего сына. Последний, вопреки воле французов, объявил о своем восхождении на трон под именем Фердинанда VII и образовал в Мадриде правительство. Два дня спустя Карл IV взял свое отречение обратно. Отец и сын, оба ограниченные, порочные и коварные мракобесы, люто ненавидели друг друга, интересы народа были им совершенно чужды, их интересовало одно — как удержать в своих руках власть, обезвредив своего соперника. Оба они искали «защиты» у французов, подхалимничали и пресмыкались перед Наполеоном, который не преминул воспользоваться в своих целях интригами этих ничтожных властителей Испании. Якобы для улаживания возникших в испанской королевской семье споров Наполеон вызвал в Байонну — французский город на границе с Испанией — сперва Фердинанда, а затем и его отца Карла IV с супругой.

Населвние Мадрида воспротивилось отъезду Карла, опасаясь не без основания, как это подтвердили дальнейшие события, что его отсутствием воспользуются французы для захвата всей территории страны. 2 мая в Мадриде началось восстание, свирепо подавленное войсками Мюрата, который под охраной отправил Карла IV и членов его семьи в Байонну. Вслед за этим Мюрат подчинил себе испанскую правительственную хунту и объявил себя наместником высланного во Францию короля.

Между тем в Байонне Наполеон разыгрывал как по нотам задуманный им фарс с участием испанских Бурбонов. Без особого труда он заставил Карла IV отречься от престола в свою пользу, а Фердинанда — отказаться от прав на престолонаследие. После этого Наполеон отдал испанскую корону своему брату Жозефу Бонапарту, которого провозгласили королем Испании собравшиеся в Байонне раболепные гранды.

Наполеон написал Испании весьма куцую конституцию, устанавливавшую в стране конституционный монархический строй. Согласно этому документу население американских колоний уравнивалось в правах с населением Испании. Это должно было послужить приманкой для креолов, жаждавших равноправия.

Конституция была безропотно принята грандами в Байонне, после чего новоиспеченный король Хосе I, как величали Жозефа, в сопровождении своей свиты направился в Мадрид, а члены испанской королевской семьи остались в качестве заложников во Франции.

Отделавшись от испанских Бурбонов, Наполеон счел испанский вопрос решенным. Однако он жестоко просчитался. Он не учел самого главного персонажа иберийской драмы -

испанского народа, который ответил на действия французов всеобщим восстанием. Возникшие по всей стране патриотические хунты объявили беспощадную войну французским захватчикам. В Севилье образовалась Центральная хунта, взявшая на себя обязанности испанского правительства и признавшая королем Испании Фердинанда VII.

Одна из первых патриотических хунт, возникшая в Астурии, направила своих представителей в Лондон, где они были приняты членами английского кабинета. Англия обязалась оказать помощь испанским патриотам, выступившим против Наполеона.

Английское правительство заявило, что оно заключает мир с Испанией. Войска, подготовленные для экспедиции в Южную Америку, которыми командовал генерал Уэлсли, английский кабинет решил направить в Астурию, на помощь испанцам.

Миранда связывал большие надежды с происходившими в Испании событиями. Он считал, что Наполеон без труда овладеет всем Иберийским полуостровом, а затем попытается приобщить к своим владениям испанские колонии в Америке. Каракасец был уверен, что намечавшийся ход событий заставит Англию выступить в поддержку независимости колоний. Континентальная блокада, провозглашенная Наполеоном, закрывала английским товарам доступ на европейские рынки и вынуждала английских купцов все чаще обращать свои взоры на испанские колонии. В 1807 году в Лондоне выходит брошюра Уильяма Бэрка, озаглавленная «Южноамериканская независимость или эмансипация Южной Америки — слава и интерес Англии». Автор этой брошюры утверждал, что раз Наполеон закрывает перед Англией европейские рынки, то жизненные интересы народа и безопасность Англии требуют добиться открытия новых рынков для сбыта английских товаров: «Ясно, - ,отмечал Бэрк, — что ни в какой другой части света мы не можем добиться этого с такой легкостью и с такими осязательными результатами, как в Южной Америке». Бэрк призывал правящие круги Англии оказать Миранде помощь в его борьбе за независимость колоний.

Теперь же, когда Наполеон задумал покорить Испанию, английские деловые круги стали рассуждать иначе. Если Наполеон действительно завоюет Испанию, тогда испанские колонии все равно будут вынуждены открыть свои границы для английских товаров; если же корсиканец потерпит поражение, то Испания в благодарность за английскую помощь в борьбе с Наполеоном тоже будет вынуждена пустить Англию в свои заморские владения. Итак, с какой стороны ни смотри, для Англии выигрыш. Зачем же пускаться в освободительные авантюры в Южной Америке, весьма рискованные, как показали

опыт Попэма и Миранды, не лучше ли подождать, пока фрукт созреет и сам упадет в кошелку Джона Буля? Когда этот курс возобладал над другими и было окончательно решено отказаться от экспедиции в Испанскую Америку, английский кабинет поручил Артуру Уэлсли сообщить эту новость Миранде. Впоследствии Веллингтон вспоминал: «Я думаю, что у меня никогда не было более трудной задачи, чем выполнить поручение правительства и сообщить Миранде, что мы отказываемся поддержать его планы. Я счел, что самым лучшим будет сообщить ему об этом на улице». Но Уэлсли просчитался. Когда он сообщил о решении правительства каракасцу, возмущению последнего не было предела. Он стал ругать Уэлсли и английское правительство столь громко и «выразительно», что вокруг них собралась толпа народу. Будущему победителю Наполеона не оставалось ничего другого, как постыдно бежать от своего собеседника.

В который раз предавали его англичане! В который раз они не выполняли своих обещаний! В который раз они ломали данное ранее слово!

Английское правительство предложило Миранде поехать в Испанию добровольцем. Миранда с негодованием отверг это предложение. Он напомнил о своем заявлении Питту в 1791 году, в котором указывал, что на него, Миранду, можно рассчитывать только для одного дела — освобождения испанских колоний. Чтобы успокоить Миранду, английское правительство повысило ему годовое пособие с 300 до 700 фунтов стерлингов, из коих 200 фунтов взялся платить из своего кармана лично Ванситтарт. Неслыханная «щедрость» по отношению к человеку, одно присутствие которого в Лондоне давало англичанам в руки неоценимый козырь в их игре за влияние в Америке и на Иберийском полуострове!

Но, возмущаясь коварством английских государственных деятелей, Миранда понимал и другое: оккупация французскими войсками Испании создавала прекрасный повод для отделения колоний от метрополии. Испанский королевский дом находился в плену во Франции, испанское законное правительство перестало существовать — все это создавало благоприятные условия для борьбы за независимость.

И Миранда с присущей ему страстью и энергией вновь принимается за работу. Он сочиняет и рассылает многочисленные письма и обращения к видным и влиятельным креолам и в кабильдо крупнейших колониальных центров, призывая их воспользоваться событиями в Испании, для того чтобы провозгласить независимость.

Избранный Мирандой адрес для своих посланий оказался

верным и предельно точным. Как и рассчитывал Миранда, именно кабильдо превратились в главные оплоты антииспанского движения...

20 июля 1808 года Миранда в письме видному венесуэльскому креолу маркизу дель Торо высказывал следующие мысли: «Испания лишилась своего монарха, она раздирается гражданской войной. Франция и Англия борются за полуостров, который, по всей вероятности, будет завоеван первой из этих стран. Следует не допустить, чтобы этот конфликт со всеми своими бедствиями перекинулся на колумбийский континент. Нам нет нужды участвовать в этих распрях, но было бы разумным использовать их для того, чтобы освободиться от иностранного гнета».

Некоторые из писем Миранды были перехвачены англичанами, другие испанцами. Испанские власти в колониях продолжали испытывать страх перед именем Миранды, они опубликовали и широко распространили памфлет «Портрет и биография предателя Миранды». Испанцы требовали от английского правительства запретить Миранде заниматься «подрывной» деятельностью в колониях. Английское правительство неоднократно предупреждало Миранду, что если он не прекратит переписку со своими агентами в Южной Америке, то будет выслан из страны. Заместитель министра иностранных дел Кук писал Миранде в мае 1809 года: «Вам следует учесть, что в свет нынешних отношений Великобритании с Испанией необходимо воздержаться от каких-либо действий, могущих вызвать недоверие между ними. Известно, что Вы после примирения Великобритании с Испанией продолжаете переписку с деятелями Каракаса, которая, хотя и была оправданна ранее, теперь не может располагать поддержкой или соответствовать интересам британского правительства. По поручению лорда Кэстэлри предупреждаю Вас об этом и выражаю надежду, что Вы воздержитесь на будущее от какой-либо переписки указанного содержания, могущей поставить под сомнение искренность правительства его величества. В противном случае возникнет необходимость удалить Вас из территорий, находящихся под властью его величества».

На эти предупреждения и угрозы конспиратор не обращал внимания. Тем более что его призывы находили все больший и больший отклик среди креолов. Один из его корреспондентов, аргентинец Сатурнино Родригес Пенья, писал ему: «Только одно обстоятельство, что Вы являетесь главным агентом сил освобождения, стимулирует больше ваших соотечественников, чем если б на нашей стороне была вся мощь Англии».

Какой же отклик получили события на Иберийском полуострове за океаном?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует отметить, что Наполеон сразу же после провозглашения своего брата Жозефа королем Испании предпринял ряд срочных мер с целью подчинить новому монарху испанские заморские владения. Наполеон дал указания морскому министру Франции вице-адмиралу Декре, Мюрату и командующему войсками в Португалии немедленно направить корабли с оружием в Мексику, Венесуэлу и Буэнос-Айрес для того, чтобы местные власти получили бы средства оказать сопротивление Англии. Наполеон также предписал захватить у англичан остров Тринидад. Предполагалось послать для выполнения этой миссии 3 тысячи солдат и шесть военных кораблей. Не успел Жозеф прибыть в Мадрид, как Наполеон приказал ему заполнить надежными людьми вакантные должности вице—королей и генерал-капитанов в колониях.

Французские агенты, посланные Наполеоном в испанские колонии, были встречены в ряде мест высшими испанскими чиновниками весьма благосклонно. Крупные колониальные чины, будучи уверенными в окончательной победе Наполеона в Испании и не желая терять своих доходных постов, склонялись к признанию Жозефа, и Миранда, несомненно, был прав, когда предупреждал об опасности захвата Францией испанской колониальной империи.

Иную позицию заняли креолы. Они были убеждены в победе Наполеона и именно поэтому выступили за признание прав Фердинанду VII на испанский престол в надежде, что престолонаследник так никогда и не вырвется из французского плена.

В июле 1808 года в Венесуэлу явился французский эмиссар Ламон, которого весьма любезно принял генерал—капитан Касас. Это вызвало возмущение населения Каракаса, под давлением которого Касас присягнул Фердинанду VII. Ламон, так ничего и не добившись, вынужден был покинуть Венесуэлу и вернуться в Европу.

Вскоре видные представители креольской знати — члены кабильдо потребовали от Касаса создать правительственную хунту. Касас отдал приказ арестовать «бунтовщиков». Некоторые из креольских патрициев, среди них маркиз дель Торо, корреспондент Миранды, испугались и явились с повинной к генерал-капитану. Не желая порывать с креольской аристократией, Касас ограничился «отеческим» внушением. Брожение в Каракасе все же продолжалось. В особенности

большую активность проявляли молодые креолы. Они тайно собирались, готовясь к более решительным действиям. Когда сведения о событиях в Каракасе дошли до Миранды, он сказал: «Если все это правда, то эти события благоприятствуют делу независимости нашей Америки».

В Буэнос-Айресе вице—король Линьерс склонялся к поддержке Жозефа, чем вызвал большое недовольство местных испанских чиновников. Этим воспользовались креолы, которые под предлогом защиты Линьерса практически захватили власть в свои руки. В Мексике вице—король Итурригарай присягнул Фердинанду VII, однако под влиянием патриотически настроенных креолов отказался признать власть Центральной хунты в Севилье. Он был свергнут испанскими легитимистами. Новые власти начали жестоко преследовать сторонников независимости. По мере того как война в Испании против французов затягивалась, положение в американских колониях продолжало обостряться. В 1809 году в кабильдо города Боготы — столицы Новой Гранады, местный юрист Камило Торрес потребовал, чтобы колонии были представлены в Центральной хунте таким же количеством депутатов, как и Испания, и чтобы колониальные власти передали свои полномочия местным кабильдо. Торрес предупреждал, что отклонение этих требований неминуемо приведет к разрыву колоний с метрополией. Требования Торреса широко циркулировали среди жителей Новой Гранады и Венесуэлы.

В том же году в городе Чукисаке (Горное Перу, тогда одна из провинций вице-королевства Ла-Платы) вспыхнуло антииспанское восстание. Его поддержало население провинциальной столицы Ла— Паса. Восставшие организовали патриотические хунты. Несколько позже восстали жители Кито — главного центра Эквадора. И там были свергнуты испанские власти и образована патриотическая хунта. Испанцам удалось с помощью войск потопить в крови эти первые открытые выступления сторонников независимости. В других колониальных центрах патриоты продолжали готовиться к решительным схваткам с колониальными властями.

Таким образом, были правы те креольские патриоты, которые, подобно чилийцу Бернардо О'Хиггенсу, утверждали, что Фердинанду VII будет трудно, находясь во французском замке, куда его поселил Наполеон, удерживать конец цепи, связывавшей колонии. По этой цепи Наполеон, сам того не желая, нанес первый удар, разорвали же эту цепь уже сами патриоты.

По мере того как нарастало патриотическое движение в колониях, тон и содержание писем Миранды его колониальным

корреспондентам приобретали все более решительный характер. 1 мая 1809 года каракасец писал Фелипе Кантучи, представителю секретной патриотической хунты, возникшей в БуэносАйресе: «Я был и навсегда останусь страстным защитником прав, свобод и независимости нащей Америки, славное дело которой я защищал и буду защищать всю свою жизнь... Следовательно, рассчитывайте на меня до конца». И в тот же день в письме Родригесу Пенье каракасец советовал: «Продолжайте осуществлять ваш мудрый план решительно, хотя и осторожно. Вы можете быть уверены, что я буду защищать свободу и права нашей любимой родины до самой моей смерти».

Наряду с такого рода перепиской Миранда ведет широкую пропаганду в английском обществе в пользу идеи независимости испанских колоний. В 1809— 1810 годах его связи в Англии еще больше расширяются. Он устанавливает контакты с сыновьями короля Георга III герцогами Кумберлэндским и Глочестерским и другими видными аристократами, с философами Иеремией Бентамом и Джеймсом Миллем, гуманистом Уильямом Уильберфорсом, ярым противником рабства и работорговли, просветителем Джозефом Ланкейстером и многими другими, которых он обращает в свою «веру», делает сторонниками независимости испанских колоний.

Но, пожалуй, самым верным его английским другом и почитателем в этот период является леди Эстер Станхоп, внучка Уильяма Питта-старшего (лорда Чаттама) и племянница Питта-младшего, с которым в течение стольких лет имел дело Миранда. Эстер была секретарем своего знаменитого дядюшки, от которого неоднократно слышала рассказы о каракасце. Миранда познакомился с нею в 1809 году. Тогда леди Эстер исполнилось 33 года. Она была красивой, богатой и независимой женщиной. Оба произвели друг на друга большое впечатление. Каракасец считал ее не только обаятельной, но и самой умной женщиной в Англии. Она, в свою очередь, восторженно относилась к этому 60-летнему конспиратору, одержимому идеей независимости для далеких испанских колоний, знатоку классической литературы и искусств, участнику французской революции и многих других знаменательных событий. Эстер Станхоп неоднократно заявляла о своей готовности сопровождать Миранду в Венесуэлу или вообще сопутствовать ему в любом мероприятии. Это не были пустые слова. Леди Эстер действительно была мужественной женщиной. Впоследствии она перебралась в Ливан и поселилась среди арабских племен.

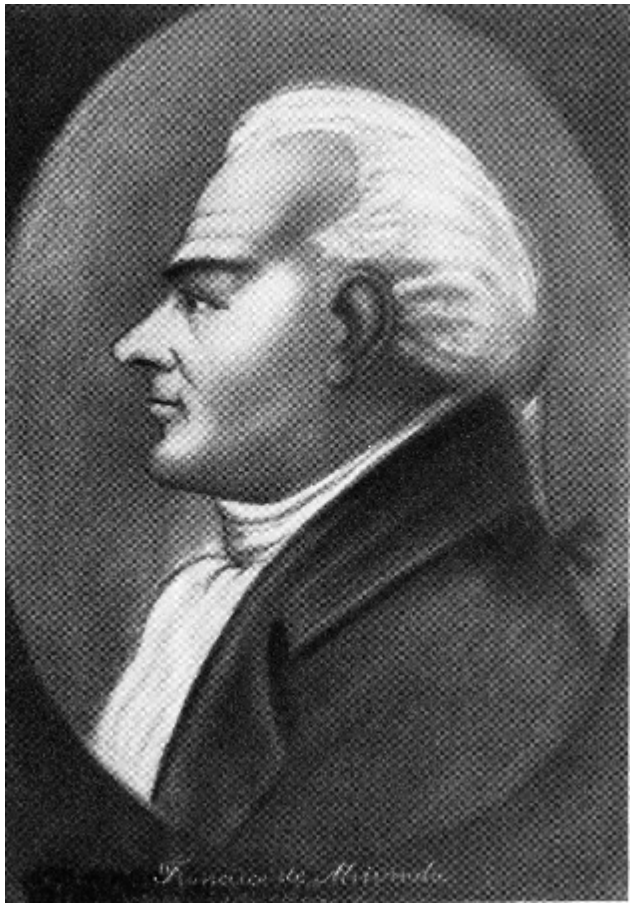
По-видимому, леди Эстер испытывала к Миранде большое чувство. После гибели каракасца она оказывала помощь его

семье, завещав сыновьям Миранды все свое состояние.

Располагая столь обширными и влиятельными связями, Миранде было сравнительно легко проникнуть в большую английскую печать и помещать в крупных английских газетах и журналах материалы о все растущем в колониях сопротивлении испанским властям.

Между тем война в Испании продолжалась. Хотя генералу Уэлсли удалось нанести несколько поражений французским войскам и действия партизанских отрядов приносили им немало вреда, французы все же продвигались вперед, угрожая оккупировать всю страну. Но теперь Наполеон отдавал себе отчет, что победа его войск в Испании не приведет к захвату ее заморских владений. Опасаясь, что они достанутся Англии, он в декабре 1809 года высказался за их независимость. В Законодательном собрании Франции по этому поводу было сделано следующее заявление:

«Если Испания потеряет эти колонии, то в этом она должна будет винить только самое себя. Император никогда не станет возражать против независимости континентальных наций Америки. Эта независимость вполне закономерное явление; она отвечает справедливости и признанным интересам всех наций... Если народы Мексики и Перу пожелают остаться связанными с их метрополией или пожелают подняться на вершину благородной независимости, Франция никогда не воспротивится их желанию при условии, что эти народы не будут иметь никаких отношений с Англией».



Франсиско Миранда. Портрет неизвестного художника (около 1806 года)

Листовка с изображением Франсиско Миранды, сообщающая о его прибытии в 1806 году на Барбадос

Узнав об этой декларации, Миранда вновь атакует английское правительство: не теряйте времени, окажите помощь делу освобождения колоний, иначе они и помимо вас завоюют себе независимость!

Но его призывы и на этот раз не получают ожидаемого отклика в правящих кругах Англии. Слишком велика угроза со стороны Наполеона, слишком важно опротивление испанского народа корсиканцу, чтобы Англия позволила себе роскошь вызвать неудовольствие Центральной хунты неосторожными действиями в Южной Америке..

В начале 1810 года французам удалось одержать ряд побед в Испании. Центральная хунта самораспустила себя. Ее функции взял на себя Регентский совет, объявивший о созыве кортесов, в которых несколько депутатских мест отводилось представителям колоний. Желая привлечь на свою сторону жителей колоний, Регентский совет в своем манифесте о созыве кортесов заявлял в их адрес: «С этого момента, испано—американцы, вы возводитесь

в достоинство свободных людей: вы уже теперь не те, кем были раньше, находясь под гнетом, тем более тяжелым, чем дальше находились от центра власти; к вам относились тогда безразличием, вас оскорбляла жадность, уничтожало безразличие. Знайте, что, назвав или написав имя того, кто будет представлять вас в кортесах, ваша судьба уже не будет зависеть ни от министров, ни от вице-короля, ни от губернаторов — она будет в ваших собственных руках».

Манифест Регентского совета, несомненно, играл на руку патриотам, давал им юридическое основание для низложения колониальных властей, для того, чтобы действительно взять свою судьбу в собственные руки.

Миранда, ознакомившись с манифестом Регентского совета, понял, что теперь развязка близка.

7 февраля 1810 года Миранда писал своему другу полковнику Смиту в Соединенные Штаты: «События развиваются в пользу нашего патриотического и справедливого дела. Последние сообщения, полученные мной из Кито, Перу и Буэнос-Айреса, обещают свободу в виде правительства, избранного народом». Каракасец выражал надежду, что свобода будет завоевана всеми испанскими колониями вопреки «испанской тупости и английской глупости».

В эти месяцы Миранда активен, как никогда в прошлом. Теперь из конспиратора он превращается в журналиста, начинает издавать свой собственный журнал «Эль Коломбиано» на испанском языке первый в истории печатный орган, агитирующий за освобождение колоний. Тираж журнала был маленький, всего 250 экземпляров, но популярность его была большой.

Первый номер «Эль Коломбиано» вышел в Лондоне 15 марта 1810 года. Он открывался статьей, в которой отмечалось, что «трагические события на Иберийском полуострове» потребуют от жителей «Колумбийского континента» принятия решений, соответствующих их интересам. Журнал обещал информировать своих читателей о событиях в Европе. Эта информация поможет им принять правильные решения, способствующие их «будущему счастью».

Журнал указывал, что «независимость Колумбийского континента давно уже считается неизбежным явлением. Внимание народов устремлено на Новый Свет, все желают знать, какое решение он примет в связи с кризисом, переживаемым в настоящее время испанской монархией».

В исследующих номерах журнала главный огонь был направлен против Регентского совета. Журнал перепечатывал статьи из органа испанских радикалов «Эль Эспаньоль», тоже

выходившего в то время в Лондоне и призывавшего к осуществлению демократической революции в Испании. «Если огонь революции пугает вас, — говорилось в одной из таких статей, перепечатанных «Эль Коломбиано», — если вы боитесь даже мыслить о свободе, тогда ваш удел навсегда остаться рабами».

Всего вышло пять номеров «Эль Коломбиано». Пятый номер появился 15 мая 1810 года. Он оказался последним, так как были получены в Лондоне сообщения о событиях в Каракасе и других колониальных центрах, резко изменивших судьбу Миранды и этого журнала. Вскоре его издатели могли с удовлетворением узнать, что статьи из «Эль Коломбиано» перепечатываются в патриотических органах Венесуэлы и Ла-Платы.

Выход в свет в Лондоне журнала, выступающего за независимость испанских колоний, немедленно привлек к себе внимание испанского посольства в Лондоне. Испанский посол поспешил заявить резкий протест английскому правительству и потребовать немедленного закрытия журнала. Его действия были поддержаны Регентским советом. Английское правительство, ссылаясь на свободу печати в Англии, отказалось закрыть журнал, однако Миранде было сделано очередное строгое внушение: в своем органе он должен умерить революционный пыл, иначе к нему будут применены санкции.

Журнал «Эль Коломбиано» не был единственным издательским предприятием Миранды. С его помощью гуаякильский патриот Хосе Мария Антепара пишет и издает в начале 1810 года в Лондоне труд под названием «Южноамериканская эмансипация. Исторические документы и записки, показывающие постепенное развитие планов и усилий, предпринятых генералом Мирандой с этой целью в течение последних двадцати пяти лет». В то же приблизительно время во влиятельном литературно-общественном журнале «Эдимбург ревью» появляется большая статья «Освобождение Испанской Америки», написанная редактором журнала Джеймсом Миллем по материалам, полученным от Миранды.

Пока Миранда занимался пропагандистской деятельностью в Лондоне, в испанских колониях росла новая мощная волна освободительного движения. Сторонники разрыва с Испанией набирали силы и ждали только нового случая, нового благовидного предлога для открытого выступления против испанских колониальных властей.

Особенно напряженным было положение в Каракасе. Молодые креолы-мантуанцы уже несколько лет как конспирировали, готовясь к захвату власти. В начале 1810 года в

город прибыл из Испании священник Кортес Мадариага, чилиец, участник тайной патриотической ложи, действовавшей в Мадриде и находившейся в контакте с Мирандой. Кортес Мадариага имел прямое задание — помочь местным патриотам свергнуть испанский колониальный режим. В Каракасе, кроме того, довольно открыто действовали многочисленные английские и наполеоновские агенты, ходили слухи о подготовляемом местными рабами восстании. Все это создавало в городе атмосферу тревоги и неуверенности.

Назначенный в мае 1809 года новый генерал-капитан Венесуэлы Эмпаран проявлял нерешительность, заигрывал с мантуанцами. Еще в 1808 году Наполеон предлагал Жозефу назначить его генерал-капитаном Венесуэлы. Однако получилось так, что Эмпаран очутился в Севилье и получил это назначение от Центральной хунты. Тем не менее втайне он симпатизировал французам, поэтому сквозь пальцы смотрел на агитацию креолов в пользу независимости. Даже когда в декабре 1809 года был раскрыт в Каракасе новый заговор, участники которого — видные отпрыски мантуанских семейств Торо, Боливароз и других - намеревались его свергнуть, Эмпаран ограничился только тем, что посадил их под домашний арест.

В апреле 1810 года в Пуэрто-Кабельо бросил якорь испанский бриг «Палома», на борту которого находились посланцы Регентского совета. 18 апреля они явились в Каракас, где немедленно доложили Эмпарану о новостях: захвате французами Севильи, роспуске Центральной хунты, образовании Регентского совета, решении о созыве кортесов. Несколько часов спустя обо всем этом уже знали патриоты, располагавшие в канцелярии генерал—капитана своими надежными людьми.

На совещании патриотов было решено созвать на следующий день, в четверг, первый день пасхи, заседание кабильдо и образовать на нем правительственную хунту из представителей всех сословий. Всю ночь патриоты призывали жителей города принять участие в заседании кабильдо.

19 апреля упром руководители кабильдо пригласили Эмпарана принять участие в заседании, на что Эмпаран согласился. К тому времени площадь перед кабильдо уже заполнилась народом. Эмпаран и сопровождавшие его лица с трудом пробились к зданию кабильдо.

Заседание открыл вице—председатель кабильдо Хосе де лас Льямосас, участник тайной патриотической организации. Он заявил, что с роспуском Центральной хунты и с пленением французами Фердинанда VII испанское правительство перестало существовать. Льямосас предложил создать правительство,

представляющее венесуэльский народ и правящее от его имени. Другой оратор, тоже член патриотической организации, Мартин Товар, утверждал, что народ отказывается признать Регентский совет. Эмпаран ответил, что испанское правительство продолжает существовать в лице Регентского совета. Он призвал членов кабильдо не принимать необдуманных решений. Эмпаран обещал изучить вопрос создания хунты, а пока что предложил прервать заседание кабильдо и направиться в собор на пасхальное богослужение. Члены кабильдо согласились с ним, и все проследовали в собор, расположенный на той же площади.

Увидя идущих на богослужение членов кабильдо и Эмпарана, молодые патриоты, находившиеся на площади, громко потребовали немедленно вернуть генерал-капитана в кабильдо и принять решение о создании патриотической хунты. Эмпарана буквально силой заставили подчиниться. Заседание вновь открылось в крайне напряженной обстановке. Кто-то предложил создать хунту под председательством того же Эмпарана. Это пришлось не по вкусу наиболее решительно настроенным патриотам, следившим с площади за дебатами. В зал заседаний ворвался Кортес Мадариага и потребовал немедленно лишить власти генерал-капитана. Эмпаран гордо ответил, что он не намерен править, не располагая поддержкой народа. Затем в сопровождении Кортеса Мадариаги вышел на балкон и, обращаясь к народу, заполнившему площадь, спросил: «Сеньоры! Вы довольны мною? Вы хотите, чтобы я вами управлял?» Первым ему ответил Кортес Мадариага: «Нет, не хотим! Убирайся вон!» Его слова подхватил народ. Эмпаран обиделся: «В таком случае я отказываюсь от своего поста!»

Кабильдо приняло отставку Эмпарана, уволило других испанских колониальных чиновников с их постов и образовало Верховную хунту, которая должна была управлять от имени Фердинанда VII, игнорируя Регентский совет. Впоследствии Эмпаран, докладывая Фердинанду VII об этих событиях, писал: «Из-за выкриков одного негодяя революционные мантуанцы лишили меня власти и заставили передать свои полномочия кабильдо, возглавившему революцию».

В действительности руководящую роль в перевороте играли члены тайной патриотической организации Россио, Феликс Соса, Кортес Мадариага, Франсиско Хосе Рибас. Это по их инициативе были смещены испанские чиновники, наиболее влиятельные из них были арестованы и высланы из Венесуэлы, в том числе Эмпаран.

25 апреля официально была создана Ее высочество Верховная хунта по охране прав короля Фердинанда VII в составе 23

человек. В хунту вошли члены кабильдо, а также члены подпольной патриотической организации в качестве представителей сословий: народа, мулатов и духовенства. Хунта назначала четырех секретарей (министров) — иностранных дел, юстиции, финансов и по военным и морским делам.

В первые же дни своей деятельности Верховная хунта декретировала свободу внешней торговли, отменила ряд пошлин на ввозимые товары, отменила налоги на продукты питания, подушную подать на индейцев, запретила работорговлю, создала высшую школу технических наук («Академию математики»), учредила Патриотическое общество содействия развитию сельского хозяйства и промышленности.

Каракасская хунта обратилась ко всем кабильдо Испанской Америки, сообщив им, что Венесуэла провозгласила политическую независимость и вошла в семью свободных наций Америки. Хунта призвала все колонии последовать ее примеру. 25 мая 1810 года такая же хунта была создана и взяла власть в Буэнос-Айресе. Вслед за тем патриотические хунты возникали в Боготе (Новая Гранада) и в Сантьяго (Чили). Попытка свергнуть испанскую власть в Мексике и других колониальных центрах не увенчалась на данном этапе успехом. Всем было ясно, что события 19 апреля в Каракасе всего лишь начало освободительной революции, которая рано или поздно охватит все колониальные владения Испании в Америке.

Одна из важнейших задач, стоявших перед каракасской хунтой, заключалась в том, чтобы добиться дипломатического признания со стороны великих держав. С этой целью сразу же после создания хунты были направлены ее полномочные делегаты в Вашингтон, а в начале июня — в Англию. Делегацию в Англию возглавлял 27-летний отпрыск богатой мантуанской семьи, активный участник тайной патриотической организации Симон Боливар, которому было присвоено в связи с этим звание подполковника. Это должно было придать авторитет молодому мантуанцу, взявшемуся в благодарность за оказанную ему честь оплатить все расходы по поездке и пребыванию делегации в Англии. Боливара сопровождали два других молодых патриота - Луис Лопес Мендес и Андрес Бельо.

Верховная хунта в инструкциях Боливару предписывала ему немедленно по прибытии в Лондон установить связь с генералом Франсиско Миранда.

Наконец пробил час «полномочного представителя городов и провинций Южной Америки»!

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Первые сведения о событиях в Каракасе 19 апреля 1810 года пришли в Лондон только во второй половине июня. Миранда узнал о них из английских газет: которые расценивали создание Верховной хунты как отделение Венесуэлы от метрополии. 23 июля газета «Курир» писала, что следует удивляться не тому, что эта колония проявила дух независимости и решимость существовать, как самостоятельное государство, а тому, что она в течение столь длительного времени терпела зависимость от метрополии, правящие круги которой проявили позорное отсутствие энергии и раболепие перед Наполеоном. Другая газета, «Экземинер», отмечала, что принятый Верховной хунтой Каракаса манифест похож на провозглашение полной независимости, а что касается заявления хунты о ее «верности» королю Фердинанду VII, то это всего лишь «пустой звук».

Хотя сведения о революции в Каракасе не были неожиданностью для Миранды, тем не менее свержение испанских властей и создание патриотической хунты в родной Венесуэле, причем именно на основе кабильдо, как он предвидел и неоднократно советовал своим корреспондентам, не могли не произвести на старого конспиратора огромного впечатления.

Вскоре на Каракаса стали приходить письма на Графтон-стрит, где жил Франсиско Миранда. Писали старые друзья, родственники и незнакомые люди. Все спешили сообщить о создании Верховной хунты и пригласить своего знаменитого соотечественника на родину, счастью и благополучию которой он песвятил свою жизнь.

Один из каракасских корреспондентов Миранды, Х. М. Фернандес, писал ему, что друзья свободы - братья Боливары,

маркиз дель Торо и другие считают его «первым патриотом Венесуэлы и борцом за наше праведное дело». Они ждут возвращении Миранды с нетерпением.

Еще большее нетерпение испытывал сам Миранда. При первых же сообщениях о событиях 19 апреля он стал рваться на родину, но английские власти отказывали ему в разрешении на выезд под тем предлогом, что это могло обострить их отношенйя с Регентским советом. Не оставалось ничего другого, как ожидать представителей каракасской хунты, о предстоящем отъезде которых в Лондон Миранда был уведомлен друзьями из Каракаса.

Но не сидеть же сложа руки именно теперь, когда освободительная революция уже развернула свои знамена на Колумбийском континенте.. .

Миранда шлет письма своим единомышленникам на Антильских островах, призывая их, не теряя времени, вернуться в Венесуэлу и поддержать деятельность Верховной хунты. Узнав об образовании патриотической хунты в Буэнос-Айресе, о чем сообщил ему его агент Матиас де Иригойен, прибывший в Лондон, Миранда пишет своему единомышленнику Родригесу Пенья в Бразилию: «Как мне сообщают, события в Буэнос-Айресе обещают быть не менее успешными, чем в Каракасе. Замечательно, что эти два города, столь отдаленные друг от друга, без какой-либо связи между собой, и с разницей толъко в 30 дней, совершили то же самое и предприняли те же политические мероприятия, которые будут способствовать успеху их замечательной революции! Сделайте все возможное, дорогой друг, чтобы поддержить эту политику, ибо любой возврат к прошлому будет иметь самые печальные последствия для счастья этих стран».

Миранда продолжал встречаться с английскими государственными деятелями, информировать их о событиях в испанских колониях. Теперь он уже не просит их, как некогда, о вооруженной поддержке, а настаивает на скорейшем признании патриотических хунт. Но английское правительство, верное своей прежней линии, продолжало проводить политику «невмешательства» в колониальные дела Испании. Министр колоний лорд Ливерпуль в инструкции губернатору Кюрасао от 29 июня 1810 года предписывал строго избегать действий, которые могут быть истолкованы как признание нового правительства Каракаса.

Нет, Англия решительно не хотела оказать какую—либо помощь испано-американским патриотам, вступившим в решительную схватку с испанскими колонизаторами!

Английские министры не могли изменить себе, ведь они сами

были отъявленными колонизаторами и реакционерами и любое антиколониальное движение, любое неповиновение «законным» властям, любое посягательство на легитимистский принцип, на королевскую власть в любой части света казались им величайшим святотатством и потрясением основ. Но была еще одна причина, побуждавшая английское правительство «воздерживаться» от оказания помощи освободительному движению в испанских колониях. По опыту восстания английских колоний в Америке Лондон знал, что такое движение вызовет длительную кровопролитную борьбу, которая истощит как патриотов, так и Испанию. И вот тогда, когда обе враждующие стороны истекут кровью, тогда Англия — владычица морей, неиссякаемый источник капиталов и товаров — пожнет плоды этой борьбы и станет подлинным арбитром Нового и Старого Света...

10 июля 1810 года в Портсмут на английском судне «Генерал Веллингтон» прибыли полномочные представители Верховной хунты Каракаса Симон Боливар, Лопес Мендес и Андрес Белье. Через несколько дней они были в Лондоне на Графтон-стрит в объятиях Миранды.

Для посланцев каракасской хунты Миранда был живым воплощением легенды, их знаменитым соотечественником, гордостью и славой венесуэльского народа. Разве Миранда не был первым, кто призвал их к борьбе за независимость? Разве не он посвятил свою жизнь этому благородному делу? Но Миранда был не «только великий патриот, он был еще знаменитый военачальник, генерал французской революционной армии, мудрый политик, друг королей, приицев, министров, дипломатов и философов. Его знания, опыт, таланты — как они нужны сейчас патриотам Венесуэлы!

В особенности преклонялся перед Мирандой глава делегации Симон Боливар. Несмотря на молодость, он успел уже посетить Испанию, Францию, Италию, Мексику и Соединенные Штаты. И где бы он ни побывал, всюду он слышал о Миранде. Пылкий сторонник французских просветителей и энциклопедистов, Боливар, подобно Миранде, решил посвятить свою жизнь освобождению родины от испанского госводства.

Боливар сообщил Миранде о полученных от Верховной хунты инструкциях: проинформировать английское правительство о происшедших в Венесуэле событиях, добиться от Англии дипломатического признания, закупить в Англии оружие, предложить Миранде вернуться в Каракас.

Миранда взял покровительство над посланцами Каракаса. В течение трех месяцев и одиннадцати дней, проведенных ими в Англии, Миранда с ними неразлучен. Он устроил им встречу с

английским министром иностранных дел Маркизом Уэлсли. Прием, оказанный им Уэлсли, был вежливым, но весьма сдержанным. Ссылаясь на союз Англии с Испанией, Уэлсли заявил, что Англия не может признать нового правительства, возникшего в Каракасе. Тем не менее он выразил готовность Англии торговать с Венесуэлой и предложил услуги английского правительства в качестве посредника в улаживании конфликта между Венесуэлой и Испанией.

В то время все связи Англии с Испанией находились под контролем клана Уэлсли. Маркиз Уэлсли был министром иностранных дел, его брат Артур, лорд Веллингтон, командовал английскими войсками в Испании, их дядя Генри был послом при Регентском совете в Кадисе.

Проводив венесуэльских делагатов, маркиз Уэлсли послал срочную депешу своему брату Генри, в которой просил использовать эту встречу для того, чтобы добиться от Регентского совета отмены монополии на внешнюю торговлю с испанскими колониями. Маркиз советовал сэру Генри пригрозить регентам прекращением английской помощи, если они не откроют колонии для английских товаров. Маркиз высказывал уверенность, что пребывание в Лондоне каракасских делегатов произведет нужное впечатление на регентов и будет способствовать достижению целей английского правительства.

Миранда неустанно трудился над тем, чтобы ввести своих соотечественников в высший лондонский свет. Он представил их влиятельным депутатам парламента, лордам, журналистам, писателям, философам. Одетых по последней моде молодых венесуэльских патриотов в сопровождении их «дядьки» — седого, но точно помолодевшего теперь генерала Миранды, можно было встретить на выставках, скачках, в аристократических клубах и знаменитых салонах.

Неутомимый сочинитель мемориалов и политических посланий о положении в Южной Америке продолжал писать их и направлять влиятельным английским особам. Но теперь его сочинения уже подкреплялись весьма реальными и всеми ощутимыми действиями первого независимого правительства в Южной Америке — каракасской хунты.

19 июля Миранда писал принцу Глочестерскому, брату короля Георга III: «Наконец посланцы Каракаса прибыли. Они предлагают этому правительству дружбу, они согласны открыть для свободной торговли все порты Венесуэлы… Их с уважением приняли министры его величества, которым они вручили свои верительные грамоты, хотя Аподака (посол Испании в Лондоне. - И. Л.) пытался всеми средствами воспрепятствовать этому».

Письмо кончалось весьма примечательным сообщением: «Они привезли мне лестные для меня послания от моих родственников и других участников славной Апрельской революции. Эти послания проникнуты дружбой и уважением ко мне за мой вклад в победу благородного дела и не только настаивают от имени руководящих деятелей страны, чтобы я энергично помогал им в переговорах с Англией, но чтобы я вернулся на родину и вместе с ними продолжал борьбу».

Миранда вновь обращается к английскому правительству с требованием разрешить ему покинуть Англию и вернуться в Венесуэлу. Вскоре после приема маркизом Уэлсли представителей каракасской хунты неутомимый конспиратор пишет министру иностранных дел длинное письмо, в котором, ссылаясь на то, что дело, за которое он боролся, восторжествовало, просит разрешить ему вернуться вместе с Боливаром на родину «после более чем тридцатилетнего отсутствия и жестоких переживаний за ее благополучие и счастье». С такими же просьбами Миранла обращается к Ванситтарту и другим видным английским деятелям.

Английское правительство на этот раз не возражает против отъезда Миранды, однако советует ему не уезжать на одном корабле с венесуэльскими делегатами, чтобы не давать повода испанскому послу Аподаке для новых протестов. Миранде не оставалось ничего другого, как подчиниться.

19 сентября он простился с Боливаром, который отбыл в Венесуэлу на английском корабле «Сапфир», увозя с собой весь личный архив каракасца. 10 октября Миранда в сопровождении своего секретаря Томаса Молини отплыл из Англии на Кюрасао, откуда рукой подать до Венесуэлы.

В Лондоне каракасец оставил свою верную домоправительницу Сару Эндрюс и двоих сыновей, пообещав в самое ближайшее время выписать их в Каракас. Свою квартиру он предоставил Лопесу Мендесу и Бельо, которые решили остаться в Англии в качестве неофициальных представителей венесуэльской хунты. Со временем на Графтои-стрит расположится первое венесуэльское посольство в Англии.

Старый конспиратор уехал инкогнито, под фамилией Мартин, не простившись ни с кем из английских деятелей, ибо английское правительство формально так и не дало ему согласия на выезд из страны, и он опасался, что его могут задержать в самую последнюю минуту.

Эти опасения имели свои основания. Узнав от губернатора Кюрасао, что Миранда с этого острова был доставлен на английском корабле в Венесуэлу, министр колоний лорд

Ливерпуль пришел в бешенство. Он написал губернатору, что эта новость вызвала удивление и неудовольствие правительства, так как Миранда покинул Англию без его согласия и ведома. Лорд Ливерпуль запретил иметь какие-либо связи или переписку с Мирандой, которые, как он писал, «могли бы вызвать подозрение в метрополии или в испано-южноамериканских провинциях против нас в том, что его действия поддерживаются или вдохновляются британским правительством».

11 декабря 1810 года Миранда, наконец, высадился в венесуэльском порту Ла-Гуайра. Почти сорок лет назад он покинул этот порт никому не известным молодым студентом. Долго длилось его путешествие. И вот теперь он дома, на родине, сбросившей с себя оковы рабства. Нет, это не было возвращением блудного сына. На родину вернулся победитель, убежденный патриот и знаменитый полководец.

В Ла—Гуайре, где Миранда высадился в мундире генерала французской революции, его ждали родственники и почитатели. Из Ла-Гуайры Миранда написал в Каракас, спрашивая у хунты разрешения проследовать в столицу. Как—никак, а хунта все же действовала от имени испанской короны, для которой Миранда был и оставался врагом № 1. Чтобы не создавать хунте излишних трудностей, он просил дать ему возможность закончить свои дни «простым гражданином в лоне родственников и соотечественником». Хунта не только разрешает ему следовать в Каракас, но и выделяет официальную комиссию для его встречи во главе с Симоном Боливаром.

«Большое число именитых граждан, — писала потом английская газета «Лондон Пакет», — прибыло в Ла—Гуайру, чтобы сопроводить Миранду в родной Каракас, куда он прибыл верхом на красивом белом коне... По пути к кавалькаде присоединились многие другие его почитатели, а в Каракасе его встретила огромная толпа жителей, приветствовавших его возвращение».

В Каракасе Миранда поселился в доме Боливвра. Здесь к нему шли на поклон и аристократы-мантуанцы и простые люди. Орган Верховной хунты «Гасета де Каракас» приветствовала возвращение на родину прославленного патриота. Ему направили приветственные адреса кабильдо Каракаса, Валенсии, СанКарлоса, Боготы и других городов Венесуэлы и Новой Гранады. Верховная хунта присвоила ему звание генерал-лейтенанта и назначила соответствующее этому званию жалованье. В то время это было самое высокое военное звание в Венесуэле, и Миранда был единственным, кто удостоился его. Судебное дело, заведенное на него испанцами в связи с

экспедицией 1806 года, по решению кабильдо было сожжено.

Каракас, хотя и вырос за годы отсутствия Миранды и насчитывал теперь около 40 тысяч жителей, все же продолжал оставаться провинциальным городом. Правда, теперь здесь выходили газеты и действовал театр, но все-таки венесуэльской столице было далеко до Парижа или Лондона—городов, в которых привык жить и блистать Миранда.

Несмотря на лестные знаки внимания и уважения со стороны новых властей и населения, Миранда не мог не заметить, что в Каракасе его возвращение далеко не всем пришлось по душе, Хотя революция 19 апреля была делом молодых патриотов, выступавших не только за отделение от Испании, но и за создание республиканского строя, за отмену феодальных порядков и рабства, власть взяли в свои руки представители мантуанских семейств, плантаторы и рабовладельцы. Они не были сторонниками каких-либо серьезных реформ, которые могли бы лишить их части богатства и власти. Для этих людей Миранда представлялся крайне опасным человеком, олицетворявшим идеалы французской революции, чуть ли не якобинцем. Например, Россио, один из руководителей хунты, писал впоследствии, что Миранда по-возвращении в Каракас пытался создать партию из негров и мулатов, «всячески разжигая их страсти своими взглядами, разговорами и идеями самого либерального содержания». С другой стороны, часть населения, которому испанские власти и церковники в течение многих лет внушали, что Миранда является антихристом на службе англичан, продолжала верить этим клеветническим россказням.

Все это способствовало тому, что Миранда с первых же дней своего пребывания в Каракасе стал знаменем для наиболее радикально настроенной части патриотов, в особенности молодых, для которых такие «недостатки», как участие во французской революции, являлись его главными достоинствами, Молодые радикалы располагали своей организацией — Патриотическим обществом, вступить в которое был приглашен Миранда. Под влиянием Миранды это общество превратилось в политический клуб в стиле французской революции с той только разницей, что в Венесуэле других подобных организаций не существовало. Противники Патриотического общества называли его якобинским клубом, или Комитетом общественного спасения.

Среди членов общества (их было около 200) были как радикально настроенные отпрыски мантуанских семейств, так и ремесленники, свободные негры и мулаты. Многие будущие вожди патриотического движения вышли из него. Патриотическое общество выступало за немедленное провозглашение

независимости, за отмену феодальных повинностей, установление республиканского строя. В Миранде оно нашло своего теоретика н вождя. Его сперва избрали вице-президентом общества, а потом президентом.

Между тем положение новых властей не было столь радужным, как могло показаться на первый взгляд. Сторонники хунты одержали победу далеко не во всех провинциях Венесуэлы. В Коро, Маракайбо и Гвиане власть продолжали удерживать испанские колониальные чиновники. Попытка патриотов под командованием дель Торо привести их к повиновению закончилась неудачно. Потерпев поражение в ряде стычек, патриоты были вынуждены отступить.

Хунта не добилась и внешнеполитических успехов. Не только Англия, но и Соединенные Штаты отказали ей в дипломатическом признании, а тем более в заключении какого-либо договора, который обязывал бы эти державы оказывать патриотам помощь.

Не бездействовал и Регентский совет. Получив сообщение об образовании Верховиой хунты в Каракасе, Регентский совет дал указание испанским кораблям, базировавшимся на Кубе н Пуэрто-Рико, блокировать венесуэльское побережье, а своему представителю Кортабаррии, находившемуся на Пуэрто-Рико, приказал немедленно приступить к усмирению каракасских «мятежников». Эта демонстрация силы сопровождалась всевозможными обещаниями и посулами в адрес креолов, исходившими из кортесов, заседания которых открылись в Кадисе в 1810 году.

Приезд Миранды в Венесуэлу совпал с первыми выборами в конгресс. Друзьям удалось выставить его кандидатуру по одному из округов провинции Барселона, где его и избрали. 2 марта 1811 года в Каракасе открылись заседания конгресса. Присутствовало около 40 депутатов, представлявших все провинции за исключением трех, власть в которых удерживали испанцы, или, как их теперь называли, роялисты.

Хотя для избрания депутатов требовался возрастной и имущественный цензы, большинство избранных в конгресс были искренние патриоты, но они не обладали политическим опытом, испытывали всякого рода иллюзии, верили в магическую силу слова. Все они при открытии конгресса приняли присягу защищать права Фердинанда VII.

Конгресс избрал Исполнительный комитет из трех человек, к которому перешли функции Верховной хунты. Миранда выставил свою кандидатуру в члены Исполнительного комитета, но из 31 голоса получил всего лишь шесть голосов. Тут сказалось

недоверие к нему мантуанцев и то, что провинциальные депутаты еще мало его знали. Вскоре, однако, он был избран вице-президентом конгресса.

Как же развивались события дальше? Вместо того чтобы немедленно принять меры к подавлению роялистских очагов в провинциях, организовать вооруженные силы, наладить производство оружия и амуниции, Исполнительный комитет почивал на лаврах, а конгресс терял время в нескончаемых дебатах по всякого рода второстепенным вопросам.

Роберт Ловри, американский агент в Каракасе, писал Джеймсу Монро, государственному секретарю Соединенных Штатов, в своем донесении от 9 июня 1811 года: «Здесь неразумно расходуются государственные фонды, отсутствуют государственные таланты, процветает интрига, глупость следует за глупостью, страна быстро катится к нищете и анархии. Все это, по всей вероятности, кончится тем, что власть окажется в руках Миранды. Не исключено, что меньше чем через два месяца здесь произойдет новая революция, возможно, более благоприятная для подлинной свободы страны».

В годовщину свержения Эмпарана, 19 апреля 1811 года, Патриотическое общество во главе с Мнрандой устроило манифестацию в Каракасе, требуя немедленного провозглашения независимости. Против независимости выступали церковники, боявшиеся потерять свои привилегии. Они убеждали верующих, что порвать с «помазанником божьим» — королем означает совершить смертельный грех. Сторонников же независимости они обвиняли в атеизме и других тяжких грехах.

Конгресс одобрил закон, разрешавший селиться в стране иностранцам, при условии, что они будут соблюдать независимость и суверенитет страны, а также относиться с уважением к католической церкви. Хотя в этой резолюции говорилось о независимости, вопрос об ее провозглашении конгресс начал обсуждать только 2 июля.

Во время дебатов выявились две партии: одна, требовавшая немедленного провозглашения независимости, и другая, пытавшаяся под разными предлогами затянуть решение этого вопроса. Лидером партии независимости сразу же стал Миранда.

Следует отметить, что в первый день дискуссии большинство из выступавших депутатов высказывали различного рода сомнения в целесообразности этого акта, ссылаясь как на отсутствие полномочий со стороны избирателей, так и на то обстоятельство, что в конгрессе не были представлены все провинции Венесуэлы. Другие утверждали, что провозглашению независимости должно предшествовать создание конфедерации

венесуэльских провинций. Были и такие, которые говорили, что декларация независимости может вызвать озлобление Англии, союзницы Испании.

3 июля в конгрессе дважды выступил Миранда. Он подверг критике аргументы противников независимости. «Мы не можем заявлять о нашей преданности Фердинанду VII, — сказал он, — и одновременно претендовать на дипломатическое признание иностранных держав. Только став независимой страной, мы добьемся уважения и поддержки со стороны других государств». Депутат конгресса священник Рамон Мендес был так рассержен выступлением Миранды, что бросился на него с кулаками. Его насилу уняли...

Некоторые требовали проведения плебисцита по вопросу провозглашения независимости. Им ответил депутат Янес. Он напомнил, что если бы патриоты так ставили вопрос о свержении испанских властей, то революции 19 апреля не произошло бы и венесуэльцы продолжали бы оставаться рабами испанцев. Конгресс представляет народную волю, поэтому он вправе решать, быть ли Венесуэле независимой или нет.

Присутствовавшие на этих дебатах члены Патриотического общества бурно приветствовали выступления Миранды и других сторонников независимости.

В тот же день Патриотическое общество приняло постановление требовать от конгресса немедленного провозглашения независимости. Общество поручило специальной делегации доложить членам конгресса о своем решении.

4 июля делегация Патриотического общества выступила перед конгрессом, настаивая на немедленном решении в пользу независимости. Миранда горячо поддержал это требование. Однако противники независимости не унимались. Теперь они доказывали, что слабонаселенная Венесуэла, число жителей которой не превышало одного миллиона человек, вряд ли могла претендовать на независимое существование. Им ответил Миранда. Он привел примеры различных государств — Венеции, Генуи, Ганновера, Голландии, Сан—Марино, население которых было значительно меньше Венесуэлы, и тем не менее они успешно отстаивали свою независимость. Что же касается талантов и просвещенных людей, то, сказал Миранда, в Каракасе их больше, чем где бы то ни было в Соединенных Штатах.

Провозглашение независимости, заявил другой депутат, вызовет бегство из Венесуэлы тех, кто с этим не согласен, что крайне неблагожелательно скажется на экономике страны. «Нет! — возражал ему Миранда. — Из Франции во время революции бежали только дворяне, сторонники монархии, и это вреда

республике не принесло. Независимую Венесуэлу покинут некоторые испанцы, сторонники колониального режима. Какие бедствия нам угрожают от этого? Их бегство только будет способствовать созданию здесь более спокойной обстановки. Пожелайте же им счастливого пути! Пусть они убираются в Пуэрто-Рико, под покровительство Кортабаррии, этого представителя испанского короля! Они принесут нам меньше вреда, находясь там, чем оставаясь здесь».

5 июля конгресс, за исключением одного депутата — священника Майи, проголосовал за провозглашение независимости. Решение конгресса было встречено восторженными демонстрациями населения. Организаторами этих демонстраций были члены Патриотического общества. В Каракасе и других городах Венесуэлы население уничтожало портреты короля и все напоминавшее о колониальном подчинении страны Испании.

По предложению Миранды конгресс утвердил национальный флаг Венесуэлы, состоящий из трех полос — желтой, синей и красной, то есть тот самый флаг, который был им учрежден в 1806 году, когда он пытался освободить свою родину от испанского господства. Этот флаг был поднят на центральной площади Каракаса на том самом месте, где некогда был казнен Хосе Мария Эспанья, один из руководителей республиканского заговора 1797 года.

7 июля специальная комиссия представила конгрессу текст Декларации независимости, которая была единодушно одобрена депутатами, однако подписана она была только 17 августа. Миранда подписал ее, одетый в мундир генерала французской революции, который он хранил для особенно торжественных случаев. На следующий день конгресс апробировал текст присяги независимому правительству Венесуэлы. Ее приняли в торжественной обстановке гражданские и военные власти. Затем конгресс одобрил законы о свободе печати и об отмене пыток.

Мечта Миранды стала, наконец, явью. Можно сказать, что в значительной степени благодаря его настойчивости и агитации руководимого им Патриотического общества конгресс в сравнительно короткий срок обсудил и принял акт чрезвычайно важного исторического значения — декларацию, провозгласившую Венесуэлу независимой от Испании. Таким образом, Венесуэла вошла в историю не только первой страной Испанской Америки, создавшей Патриотическую хунту, но и первой провозгласившей независимость; она не замедлит стать и первой, принявшей конституцию и установившей республиканскую форму правления. В решении всех этих

кардинальных вопросов Миранда играл руководящую роль.

Однако надежды Миранды и других патриотов на то, что провозглашение независимости укрепит международное положение Венесуэлы и позволит ей добиться признания великих держав, не оправдались. Правительство Соединенных Штатов реагировало на провозглашение независимости Венесуэлой весьма сдержанно. На словах оно приветствовало этот акт, но все же отказалось установить с Каракасом официальные дипломатические отношения.

Англия продолжала по—прежнему придерживаться политики непризнания новых правительств в Южной Америке. Напрасно Миранда забрасывал своих друзей и знакомых в Лондоне посланиями, призывая Англию вступить в дружеские отношения с Венесуэлой, суля взамен огромные торговые выгоды. Английское правительство продолжало оставаться непреклонным, хотя английские купцы вели очень активную торговлю с независимой Венесуэлой.

Испанские агенты в этот период усиленно дезинформировали английское правительство относительно Миранды. Они убеждали англичан, что Миранда якобы запродался Бонапарту и действует согласно его инструкциям. Они ссылались при этом на то, что Наполеон поддерживает провозглашение независимости колоний. Действительно, будучи в курсе политики Англии по этому вопросу и стремясь скомпрометировать ее в глазах латиноамериканцев, с одной стороны, а с другой — укрепить позиции Франции в этом районе, Наполеон продолжал утверждать, что он «признает и поддерживает независимость испанских колоний в Америке, если они располагают решимостью и силой утвердить ее при наличии разумных шансов на успех». Министр иностранных дел Франции Боссано сообщил французскому послу в Вашингтоне, что Франция готова оказать вооруженную и любую другую помощь завоевавшим независимость испанским колониям при условии, что они воздержится от предоставления Англии особых привилегий. Такую политику Наполеон предложил США проводить совместно «открыто или тайно». Но правительство Соединенных Штатов, приветствуя на словах благожелательное отношение Франции к движению за независимость, отказалось от предложения Наполеона оказывать совместно с Францией вооруженную помощь испаноамериканским патриотам. Тогда французский посол сообщил агенту венесуэльской хунты в Вашингтоне, что Наполеон готов установить с хунтой дипломатические отношения и принять ее посла в Париже. Однако последующее развитие событий в Венесуэле не позволило венесуэльским патриотам

воспользоваться этим предложением.

Большого успеха добились патриоты в соседней Новой Гранаде, где в июле 1810 года испанские власти были низложены и власть перешла к патриотической хунте, которая переименовала название страны в Кундинамарку. В столицу этого государства Боготу был направлен Хосе Кортес Мадариага. Он вручил Кундинамаркской хунте послание Миранды с призывом заключить договор о создании конфедерации. Такой договор Кортес Мадариага действительно заключил. 22 октября он был ратифицирован венесуэльским конгрессом и обрел юридическую силу, хотя объединение двух государств и создание единого правительства было отложено до одобрения договора конгрессом Кундинамарки.

Между тем внутреннее положение Венесуэлы с каждым днем усложнялось. Страна страдала от инфляции, цены на продукты первой необходимости быстро росли, из-за разрыва отношений с Испанией и бушевавшей в Европе войны внешняя торговля значительно сократилась, что вызывало недовольство в самых различных кругах, в частности среди крупных латифундистов, производивших на экспорт какао, индиго и другие колониальные продукты.

Растущим недовольством решили воспользоваться притаившиеся на первых порах сторонники испанских колонизаторов, против которых Верховная хунта не принимала никаких мер предосторожности. Теперь, после провозглашения независимости, они перешли в наступление против патриотов. 11 июля 1811 года в Каракасе и во втором по величине городе Венесуэлы — Валенсии эти элементы устроили мятеж. Выкрикивая лозунги «Смерть предателям!» и «Да здравствует король и инквизиция!», мятежники пытались захватить правительственные здания. В Каракасе они потерпели сокрушительное поражение. Народ окружил их, и обезоружил. Мятежников заключили в тюрьму. Двенадцать из них были казнены. Мемуаристы утверждают, что это произошло ввиду настоятельных требований Миранды применить к ним строжайшие наказания.

В Валенсии мятежникам повезло. Здесь ими руководили церковники и их фанатичные последователи. Им удалось захватить город и местную крепость, где хранились большие запасы оружия. Для подавления мятежников Исполнительный комитет послал маркиза дель Торо, но он быстро ретировался. Оставалось только одно — призвать на выручку Миранду, который был назначен командующим патриотическими войсками.

19 июля во главе армии в 4 тысячи человек Миранда подошел

к Валенсии. Желая выиграть время, мятежники вступили с ним в переговоры о сдаче. Миранда потребовал сложить оружие и восстановить в городе кабильдо. Мятежники в ответ пытались завлечь его в засаду. Раскрыв их игру, Миранда приказал штурмовать вражеские позиции. Бой за город Валенсию продолжался почти две недели. 22 августа, овладев крепостными сооружениями противника, патриоты смелым броском ворвались в город и заставили мятежников сдаться на милость победителя. Но победа далась не дешево. Патриоты потеряли убитыми и ранеными больше половины солдат.

Конгресс выразил благодарность Миранде за разгром мятежников. «Гуманность, проявленная главнокомандующим, — говорилось в резолюции конгресса, — по отношению к жителям города Валенсии, заслуживает самого высокого признания. Решительность и искусство, с которыми он заставлял подчиняться тех, кто упорствовал в своем сопротивлении делу справедливости, доказывают, что он совмещает с большим военным талантом доброжелательность, которые счастливо могут способствовать успехам независимой Венесуэлы».

И все же решительность Миранды пришлась далеко не всем членам конгресса по сердцу. Некоторые соглашательские элементы выдвинули против него обвинение в том, что он проявил при подавлении мятежа необоснованную жестокость, что в военных частях установил палочную дисциплину. Миранде пришлось в конгрессе, как некогда во французском конвенте, давать объяснения. Он заявил, что происки роялистов должны подавляться в зародыше, что недисциплинированные революционные войска станут легкой добычей своих противников. Обо всем этом говорит опыт великих революций, в том числе французской.

Объяснение Миранды было принято к сведению членами конгресса, но Миранда чувствовал, что он убедил далеко не всех. У многих депутатов в Валенсии были родственники, знакомые. Они желали, чтобы к участникам мятежа победители отнеслись со снисхождением. Для них Миранда был чужаком, доктринером, якобинцем, пытавшимся перенести на венесуэльскую почву жесткие нравы французской революции.

И все же большинство патриотических деятелей в конце 1811 года склонялись в пользу Миранды, считая его наиболее подходящим кандидатом на пост верховного руководителя нового государства. Ссылаясь на сообщения из Каракаса, орган французского правительства «Жураль де Л'Эмпир» писал 20 ноября 1811 года: «Генерал Миранда, поведение которого вначале вызывало недоверие, пользуется в настоящее время огромной

популярностью. Люди знают, что он самолюбив и энергичен, но он дал столь неоспоримые доказательства своей преданности делу революции, что они питают к нему полное доверие».

Между тем конгресс приступил к обсуждению основного закона нового государства — конституции, проект которой подготовила избранная еще 16 марта комиссия. В ее работе участвовал и Миранда. Чем должна была стать независимая Венесуэла - республикой или монархией, с централизованной или федеративной формой правления — вот те главные вопросы, ответить на которые должны были все те же самые члены конгресса, которые провозгласили ее независимость.

Миранда, много лет трудившийся над конституционными проектами для будущего «Колумбийского государства», предлагал установить сильную централизованную исполнительную власть, контролируемую законодательными органами. Как некогда в римской демократии в случае опасности, по проекту Миранды, в республике устанавливалась на ограниченный срок диктатура. Но предложения Миранды не нашли поддержки в конгрессе. Выработанная конституция являлась несколько видоизмененной копией конституции Соединенных Штатов, которая главным образом прельщала депутатов федеративной формой правления, предоставлявшей широкую автономию провинциям. Форма эта привлекала многих провинциальных деятелей, так как они опасались преобладания столицы — Каракаса. Одна из статей конституции была прямо направлена против Миранды. Она запрещала занимать должности в правительстве тем венесуэльцам, которые в течение последних десяти лет проживали за границей.

23 декабря состоялось торжественное подписание новой конституции депутатами конгресса. Миранда, хотя выразил свое несогласие с некоторыми статьями конституции, подписал ее. Принятие конституции венесуэльским конгрессом, несмотря на все ее недостатки, имело огромное значение. Это была первая конституция в Латинской Америке, она устанавливала республиканский строй, провозглашала демократические свободы.

В Каракасе и других городах Венесуэлы население праздновало принятие конституции торжественными залпами, иллюминацией и гуляниями. Казалось, ничто не предвещало грозы на ясном небе республики. Природа физическая и политическая, однако, весьма обманчива в тропиках, в особенности в Карибском море. Здесь циклонам и землетрясениям предшествует, как правило, ясная и безмятежная погода. И только очень уж чуткое ухо услышит далекие громовые

раскаты приближающейся бури или почти незаметные подземные толчки — предвестники надвигающейся катастрофы...

ГЕНЕРАЛИССИМУС НЕЗАВИСИМОЙ ВЕНЕСУЭЛЫ

Хотя мятеж в Валенсии был подавлен, в Коро, на далеком севере Венесуэлы, в том самом Коро, которое в 1806 году взял Миранда, власть продолжали удерживать роялисты, подкрепляемые оружием и людьми из военных баз, расположенных на острове Пуэрто—Рико.

Напрасно Миранда после взятия Валенсии предлагал Исполнительному комитету и конгрессу двинуть войска на Коро и покончить с этим опасным очагом контрреволюции. Его предложения не были приняты. Новые власти опасались укрепления авторитета генерала.

Между тем роялисты продолжали наращивать свои силы в Коро. В начале 1812 года туда прибыл новый генерал-капитан Венесуэлы, бывший губернатор Маракаибо Фернандо Миярес. Его появление вызвало новый подъем среди сторонников испанцев.

В марте произошел роялистский мятеж в городе Сикисике, расположенном неподалеку от Коро. На подмогу восставшим из Коро был направлен небольшой отряд роялистов в 230 человек под командованием капитана Доминго Монтеверде.

Монтеверде появляется в Коро в июле 1811 года. Он, как и отец Миранды, был родом с Канарских островов и, как большинство канарцев, отличался фанатичной приверженностью к испанской короне. Моряк по профессии, Монтеверде принимал участие в войнах Испании с Англией и случайно оказался в Пуэрто-Рико, когда в Венесуэле началось освободительное движение. Честолюбивый капитан воспылал страстным желанием принять участие в его подавлении. Монтеверде направили в Коро.

Там он проявлял большое нетерпение, требуя решительных действий против патриотов. Когда восстали в Сикисике роялисты, Миярес, желая избавиться от назойливого Монтеверде, послал его на помощь восставшим.

17 марта 1812 года отряд Монтеверде вошел в Сикисике, где его встретили роялисты с церковными хоругвями и колокольным звоном. Пополнив свой отряд местными добровольцами и индейцами, которых настроили против патриотов церковники, Монтеверде уже по собственной инициативе двинулся дальше и 23 марта взял другой город — Карору. Защищавший этот город венесуэльский гарнизон из трехсот человек сдался без боя. Монтеверде везло, и он решил продолжать свой поход дальше, не ставя об этом в известность Мияреса.

И тут случилось нечто такое, что неожиданно открыло Монтеверде дорогу на Каракас. 26 марта, в день пасхального четверга, когда все церкви Венесуэлы были заполнены молящимися, страну постигло невиданной силы землетрясение. Буквально в течение нескольких секунд многие города превратились в руины, погибла чуть ли не десятая часть жителей, в том числе много республиканских солдат. Тысячи людей остались без крова. В стране начались эпидемии, населению угрожал голод...

Церковники-испанцы немедленно воспользовались землетрясением для враждебной кампании против республики. Они убеждали верующих, что постигшее страну несчастье — «кара небесная», ниспосланная им за то, что венесуэльцы совершили «смертный трех», свергнув власть «помазанника божьего» — испанского короля.

Смотрите, говорили рясоносцы верующим, разве революция не произошла тоже в пасхальный четверг, разве землетрясение не затронуло только те города Венесуэлы, в которых правит власть антихриста?

Действительно, землетрясение охватило только центральную часть Венесуэлы, а север, где господствовали роялисты, был почти не затронут катаклизмом. Этот аргумент в особенности действовал на верующих.

Дантовы сцены разыгрались в день землетрясения в Каракасе, где погибло свыше 10 тысяч человек и рухнули многие здания, в том числе кафедральный собор и резиденция Миранды. Оставшиеся в живых собрались на площадях, где фанатики монахи призывали их к публичному покаянию, заверяя, что Каракас ожидает участь Содома и Гоморры. Деятели Патриотического общества, власти пытались организовать помощь пострадавшим, заставить монахов прекратить

контрреволюционные проповеди. Большую энергию проявил в этот день Симон Боливар. Несколько раз он выступал перед народом, разоблачая церковников как пособников испанцев. Одного ораторствующего монаха он силой заставил замолчать, заявив, что патриоты заставят себе подчиниться не только природу, но и самого господа бога.

Напрасно Исполнительный комитет требовал от епископа Каракаса испанца Коль-и-Прата заявить верующим, что землетрясение такое же обычное природное явление, как дождь, град, молния, не имеющее ничего общего с политическими системами и реформами, осуществленными патриотами в Венесуэле. Коль-и—Прат отказался выполнить требование правительства, более того, он объявил, что «суверенный творец природы, властвуя, управляя и руководя подчиненными ему силами, использует их для наказания порочных людей и для раскаяния грешников».

Монтеверде сразу сообразил, какую выгоду он может извлечь из постигшего страну бедствия. Не теряя времени, он оставил Карору и поспешил в соседний город — Баркисимето, республиканский гарнизон которого почти полностью погиб во время землетрясения. Овладев и этим городом с такой же легкостью, как и предыдушим, Монтеверде извлек из-под руин ружья и пушки и, увеличив число своих сторонников до тысячи человек, снова на свой страх и риск двинулся дальше. Теперь он намеревался захватить город Сан-Карлос, расположенный на подступах к Валенсии.

Успешное наступление Монтеверде вызвало дальнейшую активизацию контрреволюционных элементов в Каракасе и других городах, находившихся под контролем патриотов. Враги республики, среди которых руководящую роль играли церковники, повсеместно организовывали заговоры, под их влиянием участилось дезертирство из республиканской армии.

Пытаясь задержать контрреволюционную волну, угрожавшую захлестнуть республику, Исполнительный комитет издал 16 апреля декрет против «предателей, бунтовщиков и врагов правительства», предписывавший военно-полевым трибуналам карать их смертью. Необходимая мера, но она не воплощалась в жизнь, ибо среди самих сторонников республики царило большое смятение и неуверенность. Это проявилось, в частности, в том, что командующим вооруженными силами республики был вновь назначен маркиз дель Торо, хотя всем было известно, что этот почтенный аристократ весьма преклонного возраста ничего не разумел в военных делах.

Маркиз дель Торо провел несколько недель бездействуя, а

потом отказался от своего поста. Были потеряны ценные дни, которые использовал для укрепления своих сил Монтеверде. И только когда его сторонники захватили далеко в льяносах город Калабосо, а сам он подошел вплотную к Валенсии, правительство, наконец, решилось вновь призвать на помощь Миранду. 23 апреля ему было сообщено, что он назначен главнокомандующим армией Венесуэльской республики и наделен неограниченными правами принимать любые решения с целью защитить территорию страны, которой угрожают враги «колумбийской свободы».

Назначение Миранды генералиссимусом венесуэльской армии было сделано вопреки желаниям влиятельной группы аристократов латифундистов, стремившейся к компромиссу с испанскими властями. Современник этих событий Хосе де Аустриа в своей книге «Очерк военной истории Венесуэлы в период войны за независимость» отмечает, что Миранда получил свой пост «против воли весьма значительной группы деятелей». Зато у истинных патриотов приход Миранды к власти вызвал неподдельный энтузиазм. Один из них, адвокат Санс, писал ему: «Мой генерал, мой друг, гражданин — ревнитель свободы! Победа, победа, победа! Санс может спать спокойно, когда командует Миранда. Враги внутренние и внешние, трепещите!».

Миранда энергично взялся наводить порядок в республиканской армии. Он призвал в ее ряды нескольких опытных иностранных военных. Среди них были французы, участники революции, нашедшие убежище после победы наполеоновского переворота на Антильских островах, откуда по зову Миранды они перебрались в Венесуэлу.

Комендантом военно—морской крепости Пуэрто—Кабельо, где имелся крупный арсенал, был назначен один из ближайших соратников Миранды, Симон Боливар, произведенный в полковники после подавления мятежа в Валенсии.

К 1 мая Миранда привел в боевую готовность свою армию и стал продвигаться к Валенсии, где намеревался дать бой Монтеверде. Но канарский моряк опередил его. Монтеверде удалось первому подойти к Валенсии, выбить из нее республиканский гарнизон и захватить город, считавшийся одним из оплотов роялистов.

Узнав о падении Валенсии, Миранда не решился бросить свои войска на штурм города. Он по предыдушему опыту знал, что это слишком рискованно.

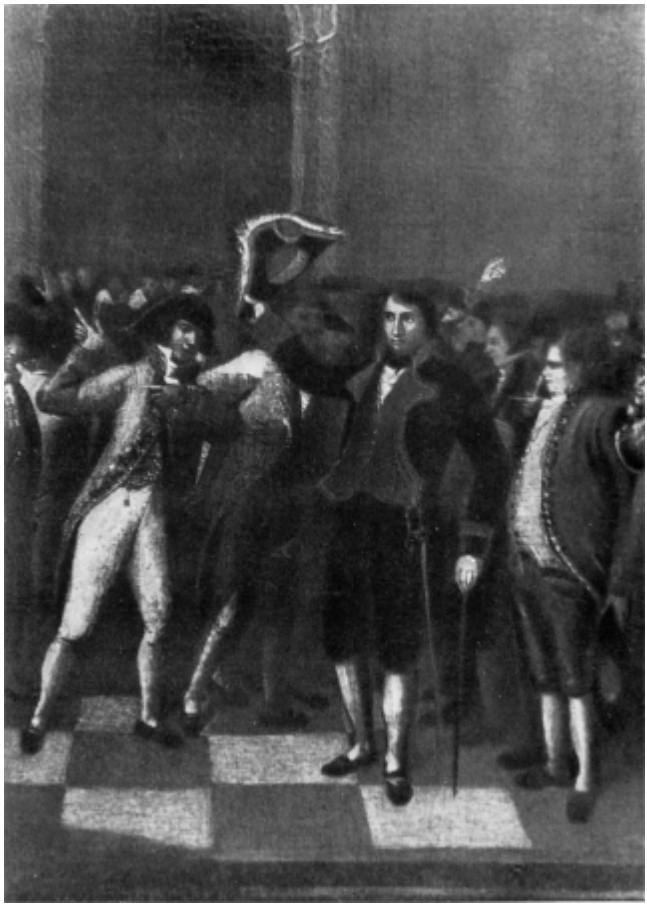
Миранда останавливается на полпути между Валенсией и Викторией, где ждет выхода Монтеверде из города. Это была роковая ошибка и далеко не последняя из совершенных им в этой злосчастной кампании. Между тем Монтеверде, несмотря на

одержанные победы; проявляет нервозность. Его воинство, находившееся все время в походе, уже почти выдохлось, он ощущает большой недостаток в оружии и в боеприпасах, у него совсем нет артиллерии. Монтеверде шлет слезные послания в Коро, умоляя о подмоге. Но Миярес, полагая, что Монтеверде ввязался в безнадежную авантюру, к тому же еще и без его разрешения, отказывает ему в какой—либо помощи.

Положение Миранды тоже было не из легких. Проявленная им нерешительность при наступлении на Валенсию не способствовала укреплению боевого духа его армии. Более того, в рядах патриотов с каждым днем все больше и больше распространялось убеждение в неизбежности поражения. Миранда устанавливает суровые наказания за пьянство, мародерство и дезертирство. Но он не в состоянии осуществить их. К тому же он лишен политической власти: тылом и внешними делами продолжал управлять Исполнительный комитет.

18 мая представители Исполнительного комитета и законодательных органов провозглашают его диктатором. Миранда издает по этому поводу 21 мая манифест, в котором торжественно обещает «верховным представителям провинций и всему населению» сражаться до полного отмщения нанесенных врагом обид и восстановления «национальной свободы» на всей территории Венесуэлы. «Я не уйду с этого важного поста, — заявлял Миранда, на которой вы меня назначили, пока не оправдаю ваше доверие и надежды».

29 мая Миранда в новом манифесте призвал все население взяться за оружие. «Час мести пробил, пусть рабы, осмелившиеся напасть на свободных людей, трепещут... Граждане! Мертвецы взывают к вам из своих гробниц отметить за их кровь, больные призывают вас показать раны, полученные в славных сражениях! Защитите женщин, детей и стариков от кинжала убийц! Мы призываем вас к оружию. Пусть знамя Венесуэлы взовьется над Валенсией, Коро и Маракаибо!»



Провозглашение Верховной хунты 19 апреля 1810 года в Каракасе. Художник Хуан Ловери

PROCLAMA

Habitantes de las Provincias unidas de Venezuela: La Nacion Española después de dos años de una guerra sangrienta y asombrosa para defender su libertad é independencia, está próxima á caer en Europa bajo del yugo tiránico de sus conquistadores. Forzados por los enemigos los pocos de la Sierra-morena, que defendian la residencia de la Soberanía Nacional, se han derramado como un torrente impetuoso por la Andalucía, y otras Provincias de la España Meridional y hacen ya de cerca el corto resto de honrados y valerosos Patriotas Españoles, que aperturadamente achan acogido bajo de los muros de Cádiz. La Junta Central Gubernativa del Reyno que reunia el voto de la Nacion bajo su autoridad suprema, ha sido disuelta y disperza en aquella turbulencia y precipitacion, y se ha dividido miserablemente en esta catastrofe aquella Soberanía constituida legalmente para la conservacion general del Estado. En este conflicto los habitantes de Cadiz han organizado un nuevo sistema de Gobierno con el titulo de Regencia, que no puede tener otro objeto sino el de la defensa momentanea de los pocos Españoles que logren escaparse del yugo del vencedor para proveer á su futura seguridad, si reune en sí el voto general de la Nacion, es menos el de estos habitantes que tienen el legitimo é indispensable derecho de velar sobre su conservacion y seguridad como partes que son de la Monarquia Española.

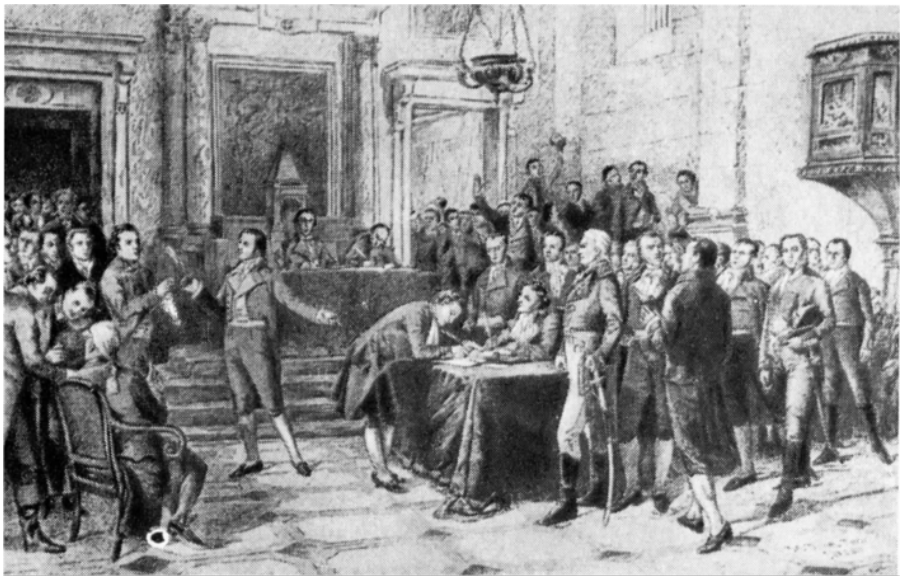
¿Y podrian lograr tan importante objeto con la dependencia de un poder ilegal, fluctuante y agitado? ¿Seria prudente que despreciasemos el tiempo precioso empleado en tan vanas y ilusorias esperanzas, en vez de anticiparnos á constituir la union y fuerza que solamente pueden asegurar nuestra existencia política y libertad á nuestro amado Fernando VII. de su triste cautiverio? ¿Se perpetuaria asi en estos hermosos paises la seguridad y santa religion que hemos recibido de nuestros mayores? No, amados compatriotas: ya el Pueblo de Caracas ha conocido bien la necesidad que tenemos de agitar nuestra causa con vigor y energia, si queremos conservar tantos y tan sagrados intereses. Con este objeto instruido del mal estado de la guerra en España por fortunitos Buques Españoles llegados á nuestras Costas, debió constituir una Soberania provisional en esta Capital para ella, y los demás Pueblos de esta Provincia que se le unan con su acostumbrada fidelidad al Sr. Don Fernando Septimo; y la proclamó pública y generalmente el dieciseis de este mes, depositando la Suprema autoridad en el M. V. Ayuntamiento de esta Capital y varios Diputados que hemos nombrado para que se le asociasen con el especial encargo de promover todos los trabajos del plan de administracion y Gobierno que sea mas conforme á la voluntad tan general de estos Pueblos.

Habitantes de Venezuela, este es el voto de Caracas. Todas sus primeras autoridades lo han reconocido solemnemente aceptado y juranado la obediencia debida á las decisiones del Pueblo. Nosotros en cumplimiento del sagrado deber que hace nos ha impuesto, le ponemos en vuestra noticia y os convidamos á la union y fraternidad con que nos hemos unos mismos debemos ser interes. Si la soberanía se ha establecido provisionalmente en pocos individuos, no es para dictar sobre vosotros una usurpacion insultante, ni una esclavitud vergonzosa; sino por que la urgencia y precipitacion propias de estos instantes, y la novedad y grandeza de los objetos asi lo han exigido para la seguridad comun. Eso mismo nos obliga á no poder manifestaros de pronto toda la extension de nuestras generosas ideas; pero pensad que si nosotros reconocemos y reclamamos altamente los sagrados derechos de la naturaleza para disponer de nuestra sugecion civil faltando el centro comun de la autoridad los tiene que nos reunis; no respetamos menos en vosotros tan inviolables leyes, y os llamamos oportunamente á tomar parte en el exercicio de la Suprema Autoridad con proporcion al mayor ó menor numero de individuos de cada Provincia. Este es, poco mas ó menos la deliberacion que por el pronto os proponemos en el Departamento de Venezuela. Confiad, amigos, en la sinceridad de nuestras intenciones, y apresuraos á reunir vuestros sentimientos y vuestros afectos con los del pueblo de esta Capital. Que la Religion Santa que hemos heredado de nuestros Padres sea siempre para nosotros y para nuestros descendientes el primer objeto de nuestro aprecio, y el lazo que mas eficazmente pueda acercar nuestras voluntades. Que los Españoles Europeos sean tratados por todos partes con el mismo afecto y consideracion que nosotros mismos, como que son nuestros hermanos, y que cordial y sinceramente estan unidos á nuestra causa: y de este modo descansando la base de nuestro edificio social sobre los fundamentos indestructibles de la fraternidad y union, transmitiremos á nuestros mas apartados nietos la memoria de nuestros heroicos trabajos, y acaso lograremos la suerte feliz de ver presidir en el destino glorioso de estos Pueblos á nuestro muy amado Soberano el Señor Don Fernando Septimo.—Caracas 19 de Abril de 1810

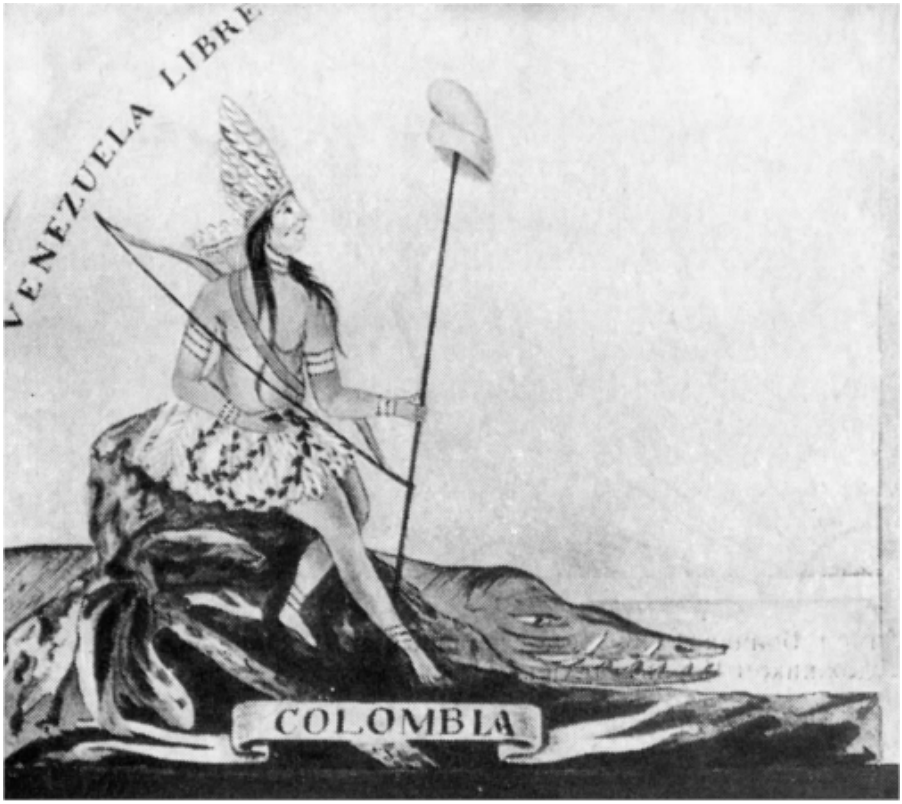
José de las Llamosas.—*Martin Tovar Ponte.*

Первая прокламация Верховной хунты, сообщающая о событиях в Каракасе 19 апреля 1810 года

Симон Боливар. Портрет, сделанный в Лондоне в 1810 году художником Чарльзом Хиллем



Провозглашение независимости Венесуэлы. В центре на первом плане - Франсиско Миранда. Художник Мирен Товар-и-Товар



Морской флаг первой Венесуэльской республики.

Благородные страстные призывы, но они уже мало кого

воодушевляют.

Бездействует ли диктатор? Нет! Он объявляет военное положение в республике, приказывает арестовать заподозренных в контрреволюционной деятельности испанцев, в том числе епископа Коль-и-Прата, смещает с постов недостойных доверия офицеров. Он назначает военным губернатором Каракаса стойкого патриота Хосе Феликса Рибаса, наконец, призывает вступить в армию рабов, обещая им после десятилетней службы свободу.

Эти меры, вместо того чтобы приобрести ему сторонников, только обостряют его отношения с мантуанцами, многие из которых все еще мечтают договориться с испанцами. Что же касается призыва в армию рабов, то у рабовладельцев этот шаг вызвал возмущение и негодование.

Миранда медлит с началом военных действий, он не уверен в своих силах, он пытается выиграть время в надежде на то, что ему удастся получить помощь из-за границы. С этой целью он направляет в Лондон своего секретаря Молини, в Вашингтон посылает Гуаля, он обращается к государственным деятелям Англии и Соединенных Штатов, к губернаторам английских владений в Карибском море с просьбой о помощи, он просит оружие, добровольцев, займы...

Тщетные надежды! Англия вновь предлагает ему только свое посредничество для переговоров с Испанией, а Соединенные Штаты делают вид, что все, что происходит в Южной Америке, их не касается.

Переговоры с иностранными державами, посылка за рубеж личных представителей, встречи с иностранцами, с которыми Миранда говорил на непонятных для его окружения иностранных языках, — все это использовалось враждебными элементами для развязывания против него клеветнической кампании. В армии ползли слухи о том, что Миранда договаривается с англичанами о передаче им Венесуэлы...

В начале июня авангард патриотов приходит в соприкосновение с силами Монтеверде около селения Гуайка. Следует сражение, победу одерживают патриоты, но вместо того, чтоб продолжать наступление, они отходят на свои прежние позиции.

Миранда сосредоточивает свои силы у Виктории, неподалеку от своих главных баз снабжения — Каракаса и Ла—Гуайры. Здесь он намерен дать генеральное сражение врагу. Если он победит, то до самого Коро уже никто не сможет остановить его.

Монтеверде бросается на приступ Виктории, но несет потери и отступает Миранда не решается его преследовать. Он

продолжает ожидать врага на укрепленных позициях, надеясь, что при новой попытке взять штурмом Викторию Монтеверде найдет себе здесь могилу.

Но когда победа казадась столь близкой, все рухнуло. Неудачи лавиной обрушились на голову генералиссимуса и погребли всякую надежду на разгром врага.

Началось все с того, что 4 июня к югу от Каракаса восстали рабы. Они захватили помещичьи усадьбы и стали продвигаться к сталице. Ходили слухи, что их подбили на восстание агенты роялистов. Как бы там ни было, но это выступление рабов вызвало настоящую панику среди плантаторов—латифундистов.

Вот плоды независимости, вот результаты деятельности этого якобинца Миранды, говорили они. Сам Миранда был обеспокоен этим восстанием — ведь если бы восставшие взяли Каракас, его армия очутилась бы в безвыходном положении. Он спрашивал себя: неужели ему, диктатору независимой Венесуэлы, борцу за ее свободу, придется посылать свои войска на усмирение этого бунта? Что подумают тогда о нем его европейские друзья — Бентам, Уильберфорс и другие сторонники отмены рабства и работорговли, мнением которых он так дорожит?

Монтеверде, узнав о восстании рабов, возобновляет штурм Виктории. Семь часов длится жестокий бой. Миранда сражается в первых рядах своих бойцов. Сражение кончается победой патриотов. Монтеверде позорно бежит с поля боя.

Но что это? Вместо того чтобы отдать приказ своей армии преследовать и добить врага, Миранда вновь остается на прежних позициях. Диктатор считает, что на этих позициях он непобедим, а преследование Монтеверде чревато неожиданностями. Все равно Монтеверде от него но уйдет...

Вожак роялистов тем временем отступил к поместью Сан-Матео, родовой собственности Боливаров. Он в панике. У него осталось только 500 боеспособных солдат, не хватает оружия, патронов. Он уже готов бежать в Валенсию, но от этого его отговаривает священник Рохас Кейпо, перебежавший из армии патриотов стан врага.

— Еще не все потеряно, — говорит Рохас Кейпо своему расстроенному начальнику, — нас еще могут выручить наши друзья в Пуэрто-Кабельо, и тогда...

Предатель Рохас Кейпо оказался прав. На следующий же день после сражения у Виктории в Пуэрто-Кабельо, в этой важнейшей республиканской цитадели, произошли весьма печальные для дела венесуэльской независимости события. В крепости Сан-Фелипе, доминирующей над Пуэрто-Кабельо, содержались под стражей несколько сот испанских офицеров и колониальных

чиновников. Они давно уже готовились к мятежу. Им удалось подкупить заместителя коменданта крепости и некоторых других начальников охраны. 30 июня утром, воспользовавшись тем, что комендант Боливар уехал в город и оставил во главе охраны своего заместителя, заключенные восстали и, быстро овладев крепостью, подвергли жестокому обстрелу город.

Напрасно пытался Боливар с горсткой преданных республике бойцов вновь овладеть крепостью. Восставшим не стоило большого труда отбить его атаки. Береговой форт, который находился в руках патриотов, сдался неприятелю. Городские власти перешли на сторону восставших. Отчаявшись, молодой полковник посылает гонца к Миранде с просьбой немедленно прислать подкрепления.

Пока в Пуэрто-Кабельо идет жестокий бой, от исхода которого зависит судьба республики, в Виктории, в ставке главнокомандующего и диктатора Венесуэлы, за большим столом собрался весь командный состав армии и почти все видные патриотические деятели. Они празднуют сегодня первую годовщину провозглашения независимости. В 5 часов вечера адъютант сообщил Миранде о прибытии важного донесения. Диктатор встал из—за стола и удалился в свой кабинет, за ним последовали члены Исполнительного комитета.

Присутствовавший на банкете Педро Гуаль, который собирался в Соединенные Штаты и должен был получить в этот день от Миранды рекомендательные письма к Адамсу и Джефферсону, вошел в кабинет.

Гуаль нашел отцов республики, собравшихся вокруг Миранды, в странном оцепенении, точно на них неожиданно свалилось огромное несчастье.

«Полон самых тяжелых предчувствий, — вспоминает Гуаль, — я подошел к генералиссимусу и спросил его, какие он получил новости, но он молчал, и только после того, как я в третий раз повторил мой вопрос, он вынул из кармана бумагу и, протянув ее мне, сказал по-французски: «Читайте, Венесуэла ранена в сердце!» Это было донесение из Пуэрто-Кабельо от Симона Боливара следующего содержания: «Офицер, недостойный называть себя венесуэльцем, захватил вместе с пленными крепость Сан—Фелипе и подвергает сейчас город жестокой бомбардировке. Прошу Ваше Превосходительство немедленно атаковать неприятеля с тыла, иначе мы потеряем этот плацдарм, а пока что я постараюсь держаться здесь, сколько смогу».

«Я никогда не забуду, — писал много лет спустя после этих событий Гуаль, — какую патетическую картину представляли собой в эту критическую минуту почтенные патриархи

американской эмансипации, глубоко потрясенные случившимся несчастьем и предчувствием других бед, которые должны были вскоре обрушиться на бедную Венесуэлу!»

Когда первое оцепенение прошло, генерал Миранда нарушил молчание: «Вы видите, господа, как случается в жизни. Всего лишь несколько часов тому назад мы были в безопасности, а теперь все ненадежно и тревожно. Вчера Монтеверде не имел ни пороха, ни свинца, ни мушкетов, сегодня он располагает 40 тысячами фунтов пороха, свинцом и тремя тысячами мушкетов! Боливар сообщает, что роялисты атакуют, но к этому времени, наверно, они уже завладели городом».

Нет, Боливар продолжал с горсткой патриотов сражаться всю ночь, но Миранда, даже если бы он двинул на помощь ему свои войска, все равно не смог бы вернуть крепости. Мятежники завладели арсеналом и могли выдержать длительную осаду. Кроме того, оставь Миранда свои позиции у Виктории, за ним следом устремился бы Монтеверде, патриоты были бы взяты роялистами в тиски и, по всей вероятности, разгромлены.

Комментируя эти события, Дельпеш, французский офицер на службе патриотов, писал в Лондон Молини, секретарю Миранды: «Потеря крепости Пуэрто-Кабельо повлекла за собой все последующие бедствия, довела до высшей точки отчаяние, беспорядок и суматоху в рядах республиканцев и в то же самое время удесятерила отвагу и ресурсы врага, который до этого находился без боеприпасов и готов был начать через два дня отступление; не успела, однако, эта важная крепость с ее огромными запасами попасть в руки врага, как туда хлынули вражеские корабли с солдатами, эмигрантами и противниками независимой Венесуэлы».

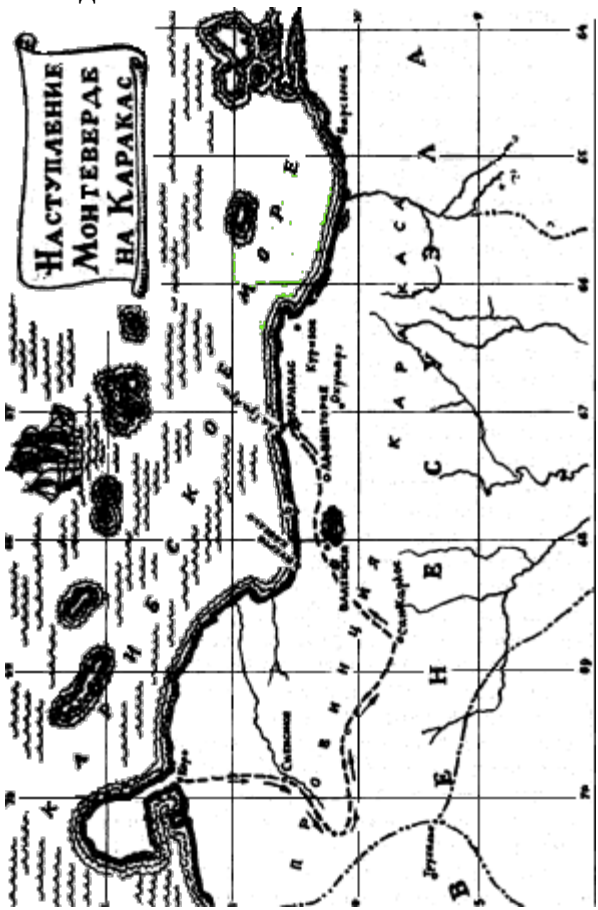
Теперь под контролем патриотов оставался небольшой треугольник между Викторией, Каракасом и Ла—Гуайрой. Вся остальная территория страны уже находилась во власти роялистов. Правда, Миранда располагал еще армией в 4—5 тысяч человек, но она таяла, точно снежный ком под лучами весеннего солнца. Через две недели после потери Пуэрто-Кабельо дезертировало из армии около двух тысяч солдат. Считая, что все проиграно, многие чиновники, военные и частные лица спешили установить связь с Монтеверде и предложить ему свои услуги.

Что же предполагал предпринять в этих условиях Миранда? Положение казалось ему, как и многим патриотам, безнадежным. Некоторые полученные им сообщения вселяют в него надежду на возможность мирного урегулирования конфликта с Испанией, что позволило бы патриотам выиграть время, накопить силы для продолжения борьбы за независимость в будущем. Миранду

известили, что Испания приняла предложение Англии о посредничестве и что Лондон направляет с этой целью в Южную Америку делегацию, в которую входит его друг адмирал Кочрен. Из Кадиса пришло известие о том, что кортесы приняли первую в истории Испании конституцию, провозгласившую демократические свободы как для жителей Испании, так и для ее заморских владений, причем те и другие уравнивались в правах. Оценивая эти сообщения, Миранда приходит к выводу, что в создавшихся условиях целесообразно заключить перемирие с Монтеверде. Свои мысли Миранда высказывает членам Исполнительного комитета и другим ответственным руководителям независимой Венесуэлы, которые собрались в его ставке 12 июля 1812 года. Судя по воспоминаниям свидетелей этой встречи, все ее участники согласились с доводами диктатора и уполномочили его немедленно начать с Монтеверде мирные переговоры. Правильным ли было это решение? Историки до сих пор спорят об этом, как спорили об этом современники Миранды. Перемирие должно было позволить патриотам выиграть время и укрепить свои позиции. Миранду упрекали в том, что он вступил в переговоры с Монтеверде, когда армия патриотов по крайней мере численно превосходила силы противника. Но именно это преимущество и позволяло Миранде надеяться выторговать у противника благоприятные для патриотов условия перемирия. Что касается превосходства армии патриотов над силами Монтеверде, то оно было весьма относительным, ибо армия Миранды таяла на глазах, не говоря уже о том, что после потери Пуэрто-Кабельо она лишилась всех запасов оружия и амуниции. Все это было так, но, вступая с Монтеверде в переговоры о перемирии, Миранда и другие деятели республики не учли, что они имеют дело с коварным и мстительным врагом, мечтавшим о лаврах завоевателя. Кроме того, они не учли реакции на этот шаг тех патриотов, которые хотели продолжать борьбу за свободу и независимость во что бы то ни стало и для которых перемирие, а тем более капитуляция, даже на почетных условиях, выглядели предательством.

Но не будем забегать вперед. 17 июля в Валенсии начались переговоры представителей враждующих сторон. Монтеверде и слышать не хотел о перемирии, он требовал капитуляции. Между тем весть о переговорах с Монтеверде вызвала в рядах патриотов панику. Усилилось дезертирство, многие открыто переходили в стан врага. Шансы на сопротивление роялистам таяли с каждым часом. Миранда и его советники согласны капитулировать, но на следующих условиях: освобождение пленных и всеобщая амнистия; остров Маргариты остается под контролем патриотов;

всем желающим покинуть Венесуэлу выдается разрешение на беспрепятственный выезд; войска враждующих сторон остаются 30 дней на своих позициях, с тем чтобы позволить патриотам снестись со всеми районами и заручиться их согласием на условия сдачи.



Гуаль вспоминает о беседе с Мирандой в эти дни, которая показывает, как оценивал тогда диктатор сложившуюся обстановку. На вопрос Гуаля, как он может доверять испанцам, Миранда ответил: «Испанцы сами находятся в состоянии революции, они заинтересованы в соблюдении условий капитуляции. А мы тем временем обратим наши взоры на Новую Гранаду, где нас поддержит мой друг Нариньо. Там мы сможем раздобыть офицеров, амуницию, мобилизовать необходимые силы и с ними пойти на Каракас, не рискуя потерять все. А тем временем в Венесуэле забудутся последствия землетрясения и прекратятся насилия испанцев».

Переговоры с Монтеверде ведутся с 17 по 25 июля. Роялистский вожак согласился амнистировать всех участников патриотического движения и разрешить им выезд из страны. Он

обещал распространить на Венесуэлу решения испанских кортесов и не подвергать негров и мулатов дискриминации, но отверг пункт, оставляющий остров Маргариты в распоряжении патриотов. К тому же победитель потребовал, чтобы армия патриотов немедленно сложила оружие и пустила его войска в Викторию и Каракас. Представители Миранды, потеряв всякую надежду одержать победу над испанцами, приняли эти условия, и соглашение о капитуляции было подписано ими.

Известие о подписании капитуляции вызвало возмущение среди патриотов выступавших за продолжение военных действий против Монтеверде. Молодые офицеры решили сместить Миранду и предолжать борьбу. Диктатор приказал арестовать их, а сам передал командование армии бригадному генералу Пинеде, после чего направился в Ла—Гуайр. Как выяснилось впоследствии, Пинеда отказался принять этот пост, республиканская армия осталась, таким образом, без головы, что внесло в ее ряды полную сумятицу.

30 июля Миранда прибыл в Ла-Гуайру. Он приказал погрузить свой драгоценный архив вместе с дневниками на английский корабль «Сапфир», тот самый, который привез в Венесуэлу из Англии Боливара, и теперь вновь находился в этом порту. Все указывало на то, что в тот же день он сам собирался покинуть Венесуэлу на этом же корабле. Но об этом мы можем только гадать, ибо Миранде уже не суждено было оставить Ла-Гуайру свободным человеком.

В Ла-Гуайре Миранда остановился в доме коменданта порта Мануэля де лас Касаса. В том же доме остановились бежавшие из Каракаса несколько офицеров, в их числе Симон Боливар, а также гражданский губернатор порта Мигель Пенья. Они осыпали Миранду градом упреков, обвиняя его чуть ли не в предательстве.

Миранда оправдывался, а потом попрощался и ущел в одну из комнат спать, решив отложить свой отъезд на утро.

Пока Миранда спал, офицеры продолжали возбужденно обсуждать его поведение. Один из присутствующих рассказал, что, кроме бумаг, Миранда переправил на «Сапфир» 22 тысячи песо и несколько сотен унций золота. Это еще больше ожесточило против диктатора присутствующих. Значит, Миранда не только пытался всех их бросить на произвол Монтеверде и сам удрать, но и присвоил правительственную казну. Если Миранда верил заверениям Монтеверде о том, что против патриотов не будет предпринято репрессий, то тогда почему он сам бежит? Не является ли долгом командующего армией и главы правительства разделить участь его соратников? И вообще, не совершил ли он предательства, подписав капитуляцию в условиях, когда армия

патриотов превышала почти вдвое силы Монтеверде? Не действовал ли Миранда по указанию англичан, союзников Испании? В особенности изощрялись в обвинениях против Миранды Касас и Пенья. Их собеседники не подозревали, что оба эти деятеля уже находились в сговоре с Монтеверде и думали только о том, как бы выслужиться перед новым хозяином.

К утру офицеры решили арестовать Миранду. Касас удвоил в городе караулы, после чего один из офицеров ворвался в спальню и разбудил Миранду:

— Выходите, генерал, вас ждут!

Миранда быстро оделся и вышел в соседнюю комнату, где его ждали заговорщики.

— Вы нас предали, мы вас арестуем! — бросил ему Симон Боливар.

— Вы способны только на бесчинства! — ответил Миранда.

Его обезоружили и под конвоем направили в тюремный замок. Сразу же после этого Пенья поспешил в Каракас доложить Монтеверде о поимке Миранды, а Касас отдал приказ закрыть порт и никого не выпускать из Ла-Гуайры до прихода испанских частей. Единственный корабль, которому удалось покинуть порт, был «Сапфир», на борту которого находился архив Миранды.

В тот же день Ла-Гуайра была занята отрядами одного из подручных Монтеверде, свирепого и кровожадного Сервериса. Он первым делом приказал заковать Миранду в кандалы и содержать под строгой охраной. Боливар и другие офшоры, которые, сами того не подозревая были использованы предателями Касасом и Пеньей для поимки Миранды, вынуждены были скрыться.

Так погибла первая Венесуэльская республика, таков был шекспировский финал ее творцов и создателей. Казалось, что история в последнем акте этой драмы выплеснула на сцену все низменные человеческие страсти: измену и страх, месть и коварство. Она смешала в один змеиный клубок друзей и врагов, всех их запятнав недостойными или неоправданными поступками. Но наиболее жестоко она отнеслась к Миранде, выдав его на суд и расправу испанцам, которые теперь могли всласть надругаться над ним, излить на него всю свою ненависть и желчь, накопившуюся за все эти десятилетия.

Но, может быть, история совершила тем самым акт милосердия? Может быть, отдав Миранду в руки его врагов, она захотела тем самым очистить его от промахов, ошибок, слабостей, которые в известной степени способствовали гибели его собственного детища — первой Венесуэльской республики?

В аресте Миранды, как уже было сказано, активное участие принимал Симон Боливар. Этот блистательный отпрыск одной из

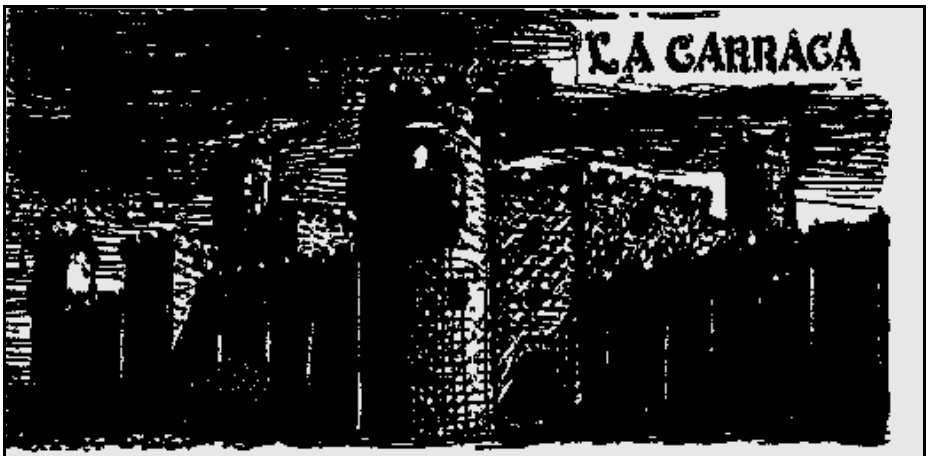
богатейших мантуанских фамилий, поклонник и ученик Миранды, стараниями которого каракасец возвращается из Англии на родину, не мог простить своему кумиру капитуляцию перед врагом, хотя сам он был непосредственно ответственным за потерю крепости Пуэрто-Кабельо. А ведь именно захват этой крепости мятежниками вынудил Миранду сложить оружие.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая жизнь Боливара, если бы он не принял участия в аресте Миранды. Дело в том, что именно благодаря участию в этом несправедливом акте Боливар не только избежал репрессий со стороны испанцев, но получил от самого Монтеверде паспорт на выезд из Венесуэлы.

Мы процитируем здесь следующее место из отчета Монтеверде Регентскому совету, в котором он рассказывает свою версию последнего акта венесуэльской драмы: «Прибыв в Каракас, я немедленно издал строжайший приказ арестовать мятежных вожаков, находившихся в Ла—Гуайре. К счастью, еще до того, как мне удалось прибыть в этот порт, а я стремился это сделать с максимальной быстротой, Касас по совету Пеньи и при помощи Боливара бросил Миранду в тюрьму и арестовал всех его сообщников, находившихся в порту. Осуществляя операцию, Касас рисковал своей жизнью, которой он лишился бы, если бы его постигла неудача. Касас выполнил свою задачу самым лучшим образом... Я не могу не отметить полезныые услуги Касаса, а также Боливара и Пеньи, за что я их оставил на свободе, а Боливару выдал заграничный паспорт, ибо его влияние и связи здесь могут быть опасными в нынешних условиях».

Через несколько дней после ареста Миранды Боливар тайно вернулся в Каракас и через знакомого купца, тоже канарца, Итурбиде попросил у Монтеверде заграничный паспорт. Монтеверде, вручая паспорт Боливару, сказал, что он это делает в благодарность за «оказанную королю услугу в поимке Миранды». На это Боливар ответил, что он арестовал Миранду за предательство родине, а не из верноподданнических чувств к испанскому монарху. Присутствующий при этом Итурбиде поспешил замять начавшийся спор, угрожавший закончиться весьма печально для Боливара. Монтеверде выдал паспорт молодому креолу, надеясь тем самым скомпрометировать его в глазах патриотов.

Коварный капитан не подозревал, что, отпустив Боливара, он совершил роковую ошибку, в результате которой не только он сам лишится плодов своих завоеваний, но и испанская монархия потеряет всю свою колониальную империю...



ПЛЕННИК ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ

Монтеверде, перед которым капитулировал Миранда, никого в тот момент, кроме себя, не представлял. Он, по существу, был самозванцем, капитаном удачи, авантюристом, мнящим себя представителем испанской короны. Кроме самовольно присвоенного титула главнокомандующего «армией усмирения», как он окрестил свое воинство, у него ничего не было. До сих пор он действовал на свой страх и риск — и победил.

Напрасно генерал-капитан Миярес пытался проникнуть в Каракас вслед за Монтеверде, который формально все еще находился у него в подчинении. Монтеверде запретил Мияресу въезд в столицу. Генерал-капитан был вынужден несолоно хлебавши вернуться в Коро.

Оба претендента на власть в Венесуэле апеллировали к Регентскому совету, принявшему соломоново решение: Венесуэла была разделенз на два генерал-капитанства — одно со столицей в Каракасе во главе с генерал-капитаном Монтеверде, второе в составе провинций Марикаибо, Коро и Гвиана с генерал-капитаном Мияресом.

Теперь, став «законным» вершителем судеб территории бывшей независимой Венесуэлы, Монтеверде не замедлил показать, на что он был способен. Не теряя времени, новоиспеченный генерал-капитан принялся чинить суд и расправу над патриотами, заявив, что они якобы нарушили условия капитуляции. Свои «подвиги» он начал с того, что арестовал восемь виднейших деятелей республики и, заковав их в кандалы, направил в Кадис с сопроводительным посланием Регентскому совету, в котором выражал надежду, что «прилагаемые восемь чудовищ» будут сурово наказаны за свои

«злодеяния». Вслед за этим последовали другие аресты. В тюрьму было брошено около 500 человек. Они обвинялись в исповедании «подрывных и антиевангелических» идей. Их морили голодом, сковывали попарно белых с неграми, подвергали различным издевательствам. Многих просто убивали. «Снисхождение — это преступление!» — заявил Монтеверде в оправдание своих злодеяний.

Победители испытывали животный страх перед побежденными. Политический советник генерал-капитана Оропеса поучал своего начальника: «Революционный дух ие меняется. Это одна из самых тяжелых болезней, которыми страдают воображение и фантазия. Политика считает его неизлечимым безумием, и опыт подтверждает это. До сих пор никто не был способен переубедить революционеров, и они каждый день все с большим упорством добиваются свободы, равенства и независимости. Революция - страшное слово, ее проклятые семена вызывали разруху и смерть всюду, где приживались. Исходя из этих соображений, Ваше Превосходительство, следует удвоить бдительность и осторожность, в особенности это касается ваших подчиненных, наблюдающих за общественной безопасностью, которую можно будет обеспечить только тогда, когда будут обезврежены предатели, свергнувшие законную власть и провозгласившие независимость».

Особенно зверствовали наместники Монтеверде в провинциях. Один из них, Суасола, «прославился» тем, что отрезал уши арестованным патриотам, раздавая эти «трофеи» роялистам, которые прикалывали их наподобие кокард к своим сомбреро.

Чудовищные преступления и бессмысленная жестокость покорителей независимой Венесуэлы ожесточили против них даже Умеренных креолов, выступавших до этого за сотрудничество с испанцами. О настроениях тахих людей можно судить по меморандуму, представленному в конце 1812 года маркизом дель Торо английскому принцу-регенту, в котором этот креольский аристократ писал: «Испанцы, коварно и злоумышленно нарушившие свои торжественные обязательства, окончательно порвали узы, связывавшие нас с ними. Невозможно вновь прийти к соглашению с ними, поверить в их искренность. Было бы безрассудно считать, что они способны на благородное отношение к Америке...»

Наиболее дальновидные из завоевателей, такие, как судья Эрэдия, член Аудиенсии, понимали, что Монтеверде своим поведением вырыл неодолимую пропасть между креолами и

испанцами. Эрэдия писал, например, в Мадрид, что власти использовали все средства произвола и деспотизма, чтобы вывести из терпения местное население. Жителям Венесуэлы, в особенности креолам, которых Монтеверде и его свора в первую очередь пытались сломить, не оставалось другого выхода, как вновь взяться за оружие и защищать жизнь свою и своих близких. И у них нашелся достойный вождь, который вновь повел их в бой за свободу и независимость, ибо только независимость могла принести им избавление от разорения, рабства и позора. Этим вождем стал не кто иной, как виновник пленения Миранды — Симон Боливар... С острова Кюрасао, куда он прибыл, воспользовавшись паспортом, полученным от Монтеверде, молодой креол обратился к своим соотечественникам с призывом продолжать борьбу за независимость. Он осудил Миранду за капитуляцию перед врагом в момент, когда республика еще располагала средствами к сопротивлению. Вместе с тем Боливар критиковал правительство республики за нерешительность и либерализм, проявленные по отношению к заговорщикам, за отсутствие порядка и дисциплины в рядах патриотов. Мужественный призыв Боливара к борьбе нашел отклик в сердцах многих его соотечественников. К нему потянулись все те, кто горел желанием вновь сразиться с испанцами.

Вскоре Боливар переехал из Кюрасао в Новую Гранаду, где власть продолжала оставаться в руках патриотов. Там ему удалось создать отряд волонтеров, с которым он предпринял дерзкую попытку освободить Венесуэлу от тирана Монтеверде. Боливар перешел со своим отрядом через высеченный горный хребет Анд и спустился в Венесуэлу, громя встречавшиеся по пути гарнизоны противника. Казалось, что история победоносного похода Монтеверде на Каракас повторялась, но только противники обменялись ролями.

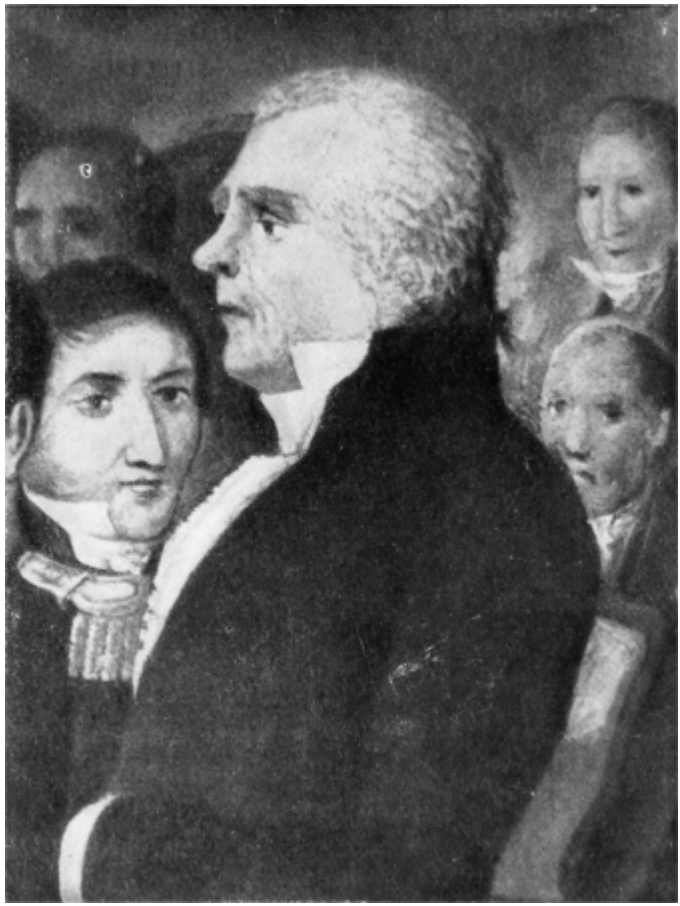
Напрасно победитель Миранды карал всех, на кого падало подозрение в сочувствии патриотам. Напрасно он пытался помешать продвижению Боливара, мобилизуя все имеющиеся у него силы. Боливар, почти не обладавший до тех пор военным опытом, если не считать одного или двух сражений, в которых он участвовал под руководством Миранды, наносил одно поражение за другим профессиональным испанским военным. А побеждал он потому, что ему помогало население, смотревшее на молодого Боливара как на «освободителя». Именно так окрестила его тогда народная молва. Под этим именем Боливар и вошел в историю.

21 декабря 1812 года Боливар начал свой поход из Новой Гранады, а шесть месяцев спустя он уже приближался к Каракасу.

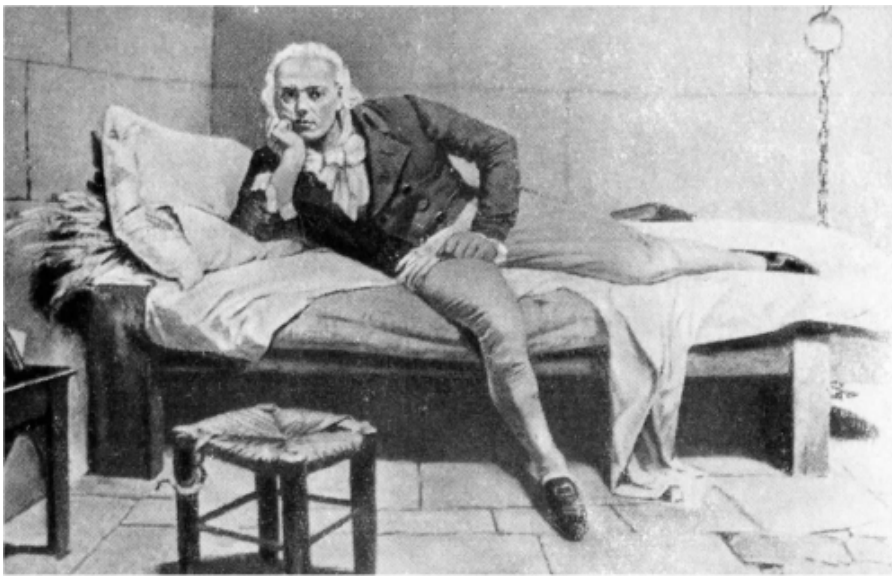
Но оставим на время Боливара и вернемся к нашему герою

генералу Миранде. С того времени как подручный Монтеверде Серверис захватил самого важного и знаменитого из всех пленников, которыми мог похвалиться главнокомандующий «армией усмирения», прошло полгода. Все это время Миранда томился закованный, по щиколотку в воде, в темном и зловонном каменном мешке в тюрьме Ла-Гуайры. Его пищей были хлеб да вода. Нетрудно вообразить, как такой режим влиял на здоровье узника, которому тогда уже исполнилось 62 года. Но старый боец сносил выпавшие на его долю невзгоды со спартанской стойкостью. Он знал, что ему нечего ждать пощады от испанцев, считавших его главным виновником всех своих бед в Южной Америке. Теперь пламя борьбы за независимость объяло всю Испанскую Америку от бескрайних пампасов Аргентины до северных прерий. И это он, Франсиско Миранда, первым бросил вызов его католическому величеству королю Испании, права которого были освящены самим наместником бога на земле - папой римским! Таких, как он, не щадят ни друзья, ни враги. Друзья при первой же неудаче забрасывают их камнями как ложных пророков. Враги придумывают для них изощренные пытки. Но за все эти муки, страдания и разочарования история щедро платит своим избранникам, когда она превращает их в святых мучеников за правое дело...

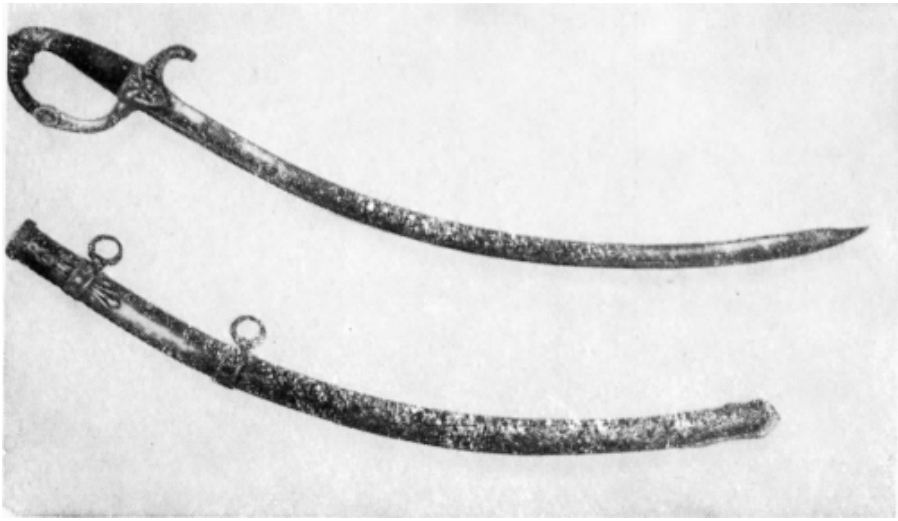
Франсиско Миранда - генералиссимус независимой Венесуэлы. Портрет неизвестного художника.



Франсиско Миранда в 1812 году. С картины 1855 года.



Франсиско Миранда в Ла-Карраке. Художник Артур Мичепена.



Сабля Франсиско Миранды

Памятная медаль в честь Франсиско Миранды. Каракас, 1896

г.

Медаль, отмечающая столетие со дня гибели Франсиско Миранды. Париж, 1916 г.

Миранда, прилежный ученик истории, знал многие ее секреты и поэтому вел себя в тюрьме с непоколебимым достоинством, вызывавшим удивление и уважение его тюремщиков.

Монтеверде не спешит с отправкой Миранды в Испанию. Покоритель Венесуэлы не желал расставаться со своим знаменитым узником. Он мечтал судить его по всем правилам инквизиции и казнить на главной площади Каракаса, у окон того самого кабильдо, в стенах которого 19 апреля 1810 года впервые прозвучал свободный голос Испанской Америки. Но пока прокурор по указке Монтеверде сочинял дело против Миранды, события в Венесуэле развивались далеко не так, как того хотелось бы ее новым властителям. Армия Боливара наступала на Каракас, чтобы расквитаться за поражение 1812 года.

Напуганный приближением Боливара, Монтеверде в начале 1813 года переправил Миранду из Ла-Гуайры в более надежную

темницу — в крепость Пуэрто-Кабельо, ту самую, где в период республики содержались враги венесуэльской независимости. Здесь Миранда впервые за время своего ареста получил возможность взяться за перо. Он им пользуется, чтобы обратиться в верховный суд — Аудиенсию Венесуэлы с протестом против зверств и жестокостей, чинимых Монтеверде, которого он обвинял в нарушении торжественно взятых на себя обязательств по капитуляции.

Этот протест, кажется, написан кровью автора. «Восемь долгих месяцев, — писал Миранда, — я молчал, похороненный в темнице, закованный в кандалы. Я видел, как такая же участь постигла многих людей самых различных сословий и положений. Я видел трагические и скорбные сцены. Неописуемые страдания закалили мой дух. Теперь я знаю, что в результате очевидного нарушения подписанных пактов народ Венесуэлы стонет под невыносимым гнетом тяжелых оков. Настало время, чтобы я взялся за перо и во имя чести испанской нации, благополучия этих провинций и моей ответственности перед ними выступил в защиту их священных и нерушимых прав».

Миранда перечисляет предательские действия Монтеверде, преступно нарушившего данное им обещанне не преследовать и не мстить никому за патриотические убеждения.

Миранда напоминал, что новые власти Каракаса торжественно присягнули на верность принятой испанскими кортесами конституции, наделявшей как жителей Испании, так и колоний демократическими правами. Казалось бы, после этого венесуэльцы были вправе ожидать, что их перестанут преследовать и мучить, что ворота тюрем откроются и узники обретут свободу. Вместо этого террор еще более усилился, и новые сотни ни в чем не повинных людей были брошены за тюремную решетку.

Не подлежит сомнению, утверждал Миранда, что власти Каракаса нарушили не только условия капитуляции, но и саму испанскую конституцию. Он ничего не просил для себя, но требовал, чтобы была восстановлена справедливость по отношению к его соотечественникам, он требовал немедленного освобождения всех незаконно арестованных.

«Я должен возвысить свой голос в защиту жителей Венесуэлы, — гордо заявляет судьям Миранда, — ибо мое молчание могло бы быть истолковано как согласие с совершаемыми преступлениями, и я потерял бы уважение всего мира».

В этом документе нет ни униженных просьб, ни жалоб, ни притворного раскаяния. Протест Миранды пронизан благородным негодованием человека, обманутого коварным испанским

кондотьером. Не случайно Миранда адресует его Аудиенсии, а не Монтеверде. Разве Миранда может ожидать от того, кто сам растоптал свою честь, восстановления справедливости? Но Аудиенсия, хотя и была в неладах с Монтеверде, считая его выскочкой и проходимцем, похоронила протест Миранды в недрах своих архивов, откуда его извлекли на свет божий почти столетие спустя венесуэльские историки.

А как реагировал Монтеверде на протест Миранды? Он признавался своим приближенным:

— Я бы его расстрелял, если бы не опасался, что это вызовет восстание его дружков.

Но генерал—капитану следовало опасаться и многого другого. В первую очередь Боливара, войска которого форсированным маршем приближались и столице. В начале июня 1813 года нервы Монтеверде сдали, и он распорядился немедленно отправить Миранду в более надежное место — на остров Пуэрто-Рико. «4 июля глубокой ночью, — писал Миранда впоследствии, — меня с другим офицером, тоже заточенным в крепости Пуэрто-Кабельо, разбудили и, не дав даже попрощаться с нашими родными и близкими, спешно перевели на борт маленькой шхуны, которая доставила нас на Пуэрто—Рико. Когда мы спросили губернатора этого острова причину нашей высылки, он сообщил нам, что она была предпринята по приказу генерал-капитана Венесуэлы и что мы там останемся до получения новых указаний на наш счет».

Губернатор Пуэрто-Рико Сальвадор Менендес весьма доброжелательно отнесся к своему узнику. Он приказал снять с него кандалы, улучшил его питание. Миранда, чуть оправившись, попросил бумаги и чернил, и вновь взялся за сочинительство. На этот раз он писал пространное послание в адрес испанских кортесов, продолжавших заседать в Кадисе. В нем Миранда вновь обвинил Монтеверде в нарушении соглашения о капитуляции и в надругательстве над испанской конституцией, что выразилось в установлении диктаторского режима в Венесуэле. Миранда заявлял, что он, подобно «истинному либералу» — либералами называли себя прогрессивные члены кортесов, — хотел бы видеть торжество «подлинной свободы» как в Европе, так и в Америке.

Послание Миранды, датированное 30 июня 1813 года, было получено кортесами в сентябре и направлено на рассмотрение различных комиссий, которые так и не удосужились ознакомиться с ним.

Миранда написал из Пуэрто—Рико еще несколько мемориалов в Кадис, но ни на один из них не получил ответа. Вернее, ответ пришел, но весьма своеобразный, в виде приказа

направить опасного «государственного преступника» Миранду в Испанию. Этот приказ был выполнен Мелендесом в конце 1813 года, а 8 января кадисская газета «Редактор хенераль» сообщила своим читателям, что в тюрьму Ла-Каррака доставлен знаменитый конспиратор дон Франсиско де Миранда. Этот особо важный «государственный преступник» заключен в подвальную камеру павильона Четырех башен, где он «посажен на цепь» — на него был надет железный ошейник, прикованный цепью к стене.

Миранда, точно предчувствуя, что его ждет в конце жизненного пути, во время путешествии но разным странам интересовался состоянием тюрем и условиями содержания заключенных.

В дневнике и архиве конспиратора имеется много заметок, отражающих его возмущение антисанитарными условиями и перенаселенностью тюрем, жестокостью, с которой относятся к заключенным тюремщики. Миранда даже составил проект тюремной реформы, цель которой была обеспечить гуманное отношение к заключенным. А теперь ему приходилось на самом себе испытать варварский произвол испанских тюремщиков, томиться в сыром и темном каземате, дышать его отравленной атмосферой.

И этот собачий ошейник, сдавливающий ему шею! Что может быть омерзительнее этой пытки, достойной средневековых инквизиторов?

Что же его ожидало в Кадисе? Изнурительные допросы? Пытки с целью вынудить признание в несовершенных преступлениях? Судебная расправа? Ни то, ни другое, ни третье. Случилось так, что испанским властям, Регентскому совету, кортесам, которым следовало решать его судьбу, оказалось не до него.

Миранду заключают в Ла-Карраку в смутное для Испании время.

Наполеон, потерпевший сокрушительное поражение в России, обороняется от победоносных армий анти—французской коалиции у ворот Парижа. Его империя разваливается на глазах. В Испании французские войска так и не смогли сломить сопротивления нарда. Более того, после разгрома наполеоновских армий в России французы были вынуждены вывести часть своих войск из Испании, чтобы прикрыть ими Париж. Этим воспользовались испанцы, они удвоили свои усилия в борьбе с ненавистным захватчиком. Французские войска терпели одно поражение за другим и думали теперь об одном - как бы поскорей убраться восвояси. Они оставили Мадрид и с боями пробивались к Пиренеям.

В сентябре 1813 года кадисские кортесы, принявшие либеральную конституцию, закончили свою работу. Осенью того же года состоялись новые выборы в кортесы. На них одержала победу партия «раболепных» — сторонников абсолютистского правления, мракобесов и клерикалов. 15 января 1814 года кортесы второго созыва вместе с Регентским советом переехали в освобожденный от французов Мадрид, а 22 марта король Фердинанд, милостиво отпущенный на свободу обанкротившимся императором французов, пересек испанскую границу и, восторженно встречаемый толпами народа, начал свое триумфальное путешествие в Мадрид, которое длилось без малого два месяца.

В дороге Фердинанд заявил об отмене конституции 1812 года и всех постановлений кадисских кортесов. Вступив в столицу, он распустил кортесы. Поддерживаемый английскими войсками, Фердинанд и его камарилья развязали в стране дикий террор. Тысячи людей — сторонников конституции были сосланы в Африку, заточены в тюрьмы или казнены. В Испании воцарилась длинная, беспросветная ночь...

Расправившись с испанскими демократами, Фердинанд VII обратил взоры на свои заокеанские владения. Там «бунтовщики» тоже должны были понести заслуженную кару. Изолированные от внешнего мира, преданные Англией и Соединенными Штатами, они вели тяжелую борьбу против коварного и все еще сильного врага. В августе 1814 года Боливар, освободивший к тому времени Каракас, вновь вынужден был его покинуть. Испанцам удалось демагогическими посулами перетянуть на свою сторону степных жителей — льянерос и с их помощью разгромить венесуэльскую армию.

Гибель второй Венесуэльской республики, как и первой, озарялась пламенем пожаров и сопровождалась кровавыми оргиями, которыми отмечали свою победу сторонники Испании. Правда, этот водоворот событий поглотил самого Монтеверде и многих из его сподручных, но на их место пришел степной вожак Бовес с головорезами, по кровожадности и жестокости во много раз превосходившими их предшественников.

Поражения всегда вызывают распри среди побежденных, обоснованные и вымышленные обвинения в трусости, предательстве, ограниченности, глупости. Только победителей, как говорится, не судят, прощая им их недостатки, слабости, ошибки. Боливар, потерпев, подобно Миранде, поражение от испанцев, тоже не избежал упреков в том, что не все предусмотрел, не все продуман, не разгадал коварных планов врага. Пройдет немало времени, пока вновь прояснится горизонт

и вокруг Боливара снова соберутся противники испанского деспотизма...

Испанцы одержали в 1814 году победу не только в Венесуэле, но и в Чили. Им удалось разгромить патриотические силы в Мексике и расправиться с их вождем Хосе Марией Морелосом, который был отлучен инквизицией от церкви и казнен.

Теперь знамя независимости продолжало реять только над Буэнос-Айресом и Новой Гранадой. Фердинанд VII не мог стерпеть этого. В 1815 году он направил в Южную Америку карательную экспедицию в составе 10 тысяч отборных солдат под командованием своего самого одаренного офицера — генерала Морильо, поручив ему навести порядок в заморских колониях. Морильо начал свой поход с Венесуэлы. Отсюда он двинулся на Новую Гранаду, которую ему удалось оккупировать. Но борьба против испанцев не утихала. Президент Гаити Петион оказал поддержку Боливару, который некоторое время спустя с горсткой отважных смельчаков сумел укрепиться в дебрях Ориноко. И война за независимость разгорелась с новой силой по всему испано-американскому континенту...

Между тем тупой, жестокий и мстительный Фердинанд VII долго размышлял над тем, как расправиться со своим знаменитым пленником, заточенным в Ла-Карраке. Казнить его при помощи гарроты или держать на цепи, как собаку до конца его дней?

— Сколько этому преступнику лет? Шестьдесят четыре года? Нет, смерть, пожалуй, слишком желанное для него наказание, пусть посидит пару годков на цепи, пусть привыкнет ползать на четвереньках, пусть выразит раскаяние, тогда, пожалуй, можно будет и казнить его.

Так рассуждал этот коронованный палач.

Переживания и лишения последних лет сильно состарили Миранду. Он поседел, сгорбился, его лицо и лоб покрылись глубокими морщинами, но это не был сломленный неудачами узник, потерявший веру в лучшее будущее. Он и верил и надеялся... Все его помыслы были заняты тем, как бы выбраться на волю, как бежать из Испании, как, какими путями вернуться на родину и продолжать там борьбу за ее свободу.

Горячечный бред сумасшедшего, безумные мечты фанатика, воздушные замки потерпевшего поражение политика? Наоборот, весьма обоснованные, весьма реальные надежды...

Уже в мае 1814 года старому конспиратору, заточенному в Ла —Карраке, удается установить связь с английским консулом в Кадисе Даффом и переправить через него письмо и английскому министру Ванситтарту. Каким образом узнику удается связаться с

Даффом? При помощи испанских демократов, видевших в нем своего единомышленника, или членов патриотической креольской ложи «Лаутаро», действовавшей в Кадисе? Мы не знаем...

Миранда писал английскому вельможе: «Если бы испанский король признал конституцию, то я оказался бы на свободе, ибо она гарантирует личные права граждан. Но так как эти надежды рушатся и старое правительство вновь проводит прежнюю жуткую политику, то меня может вызволить из когтей деспотизма только очень влиятельный друг... Англия, всемогущая теперь в Испании, может легко сделать мне одолжение, потребовав через лорда Веллингтона или через своего посла в Мадриде, чтобы Испания выполнила условия капитуляции и освободила меня...»

Это, как и другие обращения Миранды к высокопоставленным английским персонам, оставались без ответа. Миранда, оторванный от европейских дел, не знал, что Веллингтон и его дядя, посол Англии в Мадриде, давно уже сбросили маску либералов и открыто поддерживали мракобеса Фердинанда VII. После разгрома Наполеона и поражения патриотов в Венесуэле Миранда перестал их интересовать.

Миранде не было известно и то, что Луис Лопес Мендес, представитель венесуэльских патриотов в Лондоне, которому каракасец оставил свою квартиру на Графтон—стрит, неоднократно обращался к членам английского правительства с просьбой заступиться за него. Ни одна из этих просьб не встретила поддержки в официальных английских кругах.

Только убедившись, что английский консул в Кадисе Дафф — предатель, информирующий испанцев о его намерениях, Миранда начинает понимать, что от Англии ему не следует ожидать спасения.

В этот момент приходит к нему на помощь женщина — Антония де Салис. Кто она, молода или стара, красива или безобразная, подруга ли еще тех лет, когда он впервые появился в Кадисе, или его новая поклонница — нам неизвестно... Мы знаем только, что она предана Миранде, что это надежный и верный друг. Ему всегда везло с женщинами. Он их привлекал своей мужественностью солдата и бойца, таинственным ореолом — конспиратора и заговорщика, эрудицией философа и изысканными манерами. Женщины любили его, не надеясь на постоянство и долгую привязанность, ибо знали, что его сердце отдано навсегда другой возлюбленной, имя которой — Свобода. Может быть, именно последнее обстоятельство больше всего привлекало женщин к нему, и в критическую минуту, а таких минут в его жизни было немало, они становились его самым

надежным прибежищем и подспорьем.

Антония де Салис — это то звено, которое связывает Миранду с внешним миром. Через нее он разыскивает и находит своих друзей в Испании, Англии, Франции, пишет им, готовит с их помощью побег. Правда, большинство из его друзей — демократы, которые сами скрываются от полицейских ищеек. У них нет главного — денег. А ему, как всегда, нужен этот проклятый металл, причем теперь он ему нужен для того, чтобы спасти свою жизнь.

Имей Миранда тысячу фунтов стерлингов, он мог бы подкупить своих тюремщиков и бежать из Ла-Карраки. Надежные друзья встретили бы его, укрыли, помогли перебраться в Португалию, а оттуда на Антильские острова, поближе к родным берегам Венесуэлы...

Собственно говоря, эта тысяча фунтов у него имеется. Он ведь отослал из Ла-Гуайры торговому дому «Робертсон, Белт энд компани» 22 тысячи песо и 1200 унций золота, которые намеревался израсходовать на нужды освободительной борьбы. Но этот торговый дом отказывается войти в сношения со своим клиентом — революционером, узником испанского короля. Попросту говоря, господа Робертсон, Белт и компания надеются присвоить эти ценности и поэтому вовсе не расположены помогать своему клиенту обрести свободу.

Только после того, как Миранде удалось установить связь с сыном его старого друга, торговца колониальными товарами Джона Тэрнбулла — Питером, который в то время находился в Гибралтаре, каракасец смог, наконец, получить некоторую помощь. Но она была мизерна по объему и приходила с большим запозданием. Питер Тэрнбулл не спешил с присылкой денег, а когда Миранда их получал, то оказывалось, что это всего лишь половина или четвертая часть необходимой для его спасения суммы. Со свойственным английской буржуазии лицемерием английские «благодетели» Миранды вместо того, чтобы действительно помочь ему бежать из Ла-Карраки, бросали ему кое-какие крохи для успокоения совести. Разве после этого кто—либо мог бы их упрекнуть, что они покинули Миранду на произвол судьбы или нарушили свой «христианский долг», не оказав ему помощи?

С большим трудом, в результате различных ухищрений Миранде удалось к началу 1816 года собрать необходимую сумму. В одном из писем каракасец сообщил Питеру Тэрнбуллу, что побег, наконец, состоится в марте. Однако в самый последний момент возникли непредвиденные трудности; чтобы преодолеть их, понадобилось еще 300 песо. Миранда был вынужден в связи с

этим вновь отложить осуществление своих планов. Он шлет срочное письмо Питеру Тэрнбуллу с просьбой незамедлительно выслать недостающие деньги сеньоре А. (Антонии де Салис) и переслать через нее надежный адрес в Португалии, предупреждая, что побег состоится на третий день после передачи денег. Тэрнбулл, как всегда, медлит с ответом.

Эта отсрочка оказалась роковой для Миранды. 25 Марта у него произошло кровоизлияние в мозг, частично парализовавшее его. Сказались переживания, связанные с подготовкой к побегу. НескольЬко дней спустя состояние больного ухудшилось, у него появилась высокая температура, рвота, сильные головные боли. Судя по симптомам, он заболел тифом. Власти перевели его в тюремный лазарет и разрешили, ухаживать за ним слуге — Педро Морану. За больным присматривал также перуанский патриот Саурп, находившийся в заключении в Ла-Карраке. По их воспоминаниям мы знаем, что было еще третье лицо, не отходившее от умирающего, — доминиканский монах Альбарсанчес. Церковь, верная прислужница испанского деспотизма, не могла упустить такую крупную дичь, как душа этого грешника, осмелившегося покуситься на власть его католического величества Фердинанда VII и на авторитет божьего наместника на земле папы римского.

Альбарсанчес, подобно ястребу, следил, как жизнь покидает тело его жертвы. Монах настойчиво предлагал, исповедаться узнику и осудить все свои «злодейские деяния», отречься от идеи независимости колоний и тем самым «спасти душу». Но Миранда, пока теплилось в нем сознание, отказывался выполнить требование монаха. «Дайте мне спокойно умереть!» — отвечал каракасец назойливому монаху, вспоминает Педро Моран.

Миранда умирал мучительно и медленно. В мае больной вдруг почувствовал себя лучше. Он написал письмо Саре Эндрюс, своей верной подруге. Миранда просил Сару спасти его дневники и архив, отправленные нз Венесуэлы на хранение торговому дому «Робертсон, Белт энд компани». Прощаясь с жизнью, он был уверен, что его дневники и архив расскажут последующим поколениям правду о нем и что тогда его соотечественники узнают, во имя чего жил и боролся, страдал и умер генерал Франсиско Миранда.

Смерть долго стояла у изголовья умирающего. Она милостиво разрешила ему дожить до 14 июля — годовщины взятия Бастилии. В этот день, в час пять минут пополудни, Миранды не стало.

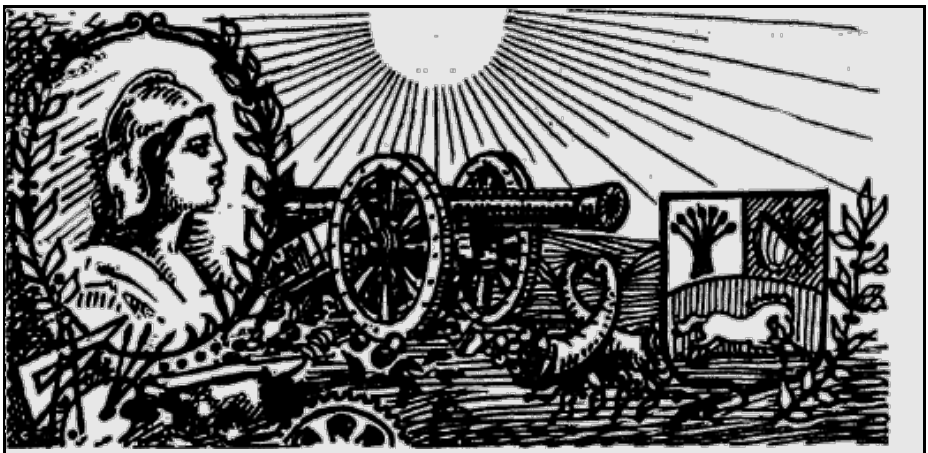
«Священники и монахи не разрешили мне похоронить его, — писал Педро Моран друзьям Миранды вскоре после его смерти. —

Как только он скончался, они унесли его труп вместе с матрацем, простыней и прочими постельными принадлежностями и захоронили в неизвестном мне месте. После этого они немедленно вернулись за его одеждой и другими вещами, которые были преданы сожжению». Так палачи уничтожали следы своих преступлений.

Смерть Миранды прошла почти незамеченной современниками. Один из его биографов утверждает, что не больше двадцати человек оплакивали его гибель: Сара, дети, товарищи по заключению и те немногие люди в Испании, которые были с ним связаны и помогали ему организовать побег, которому так и не суждено было осуществиться. В Европе дела вершил Священный союз. В Испании господствовал резнузданный террор, ежедневно совершались расправы над демократическими деятелями. В колониях Америки испанские каратели продолжали вести беспощадную войну против патриотов. Всюду лилась кровь, совершались насилия, расправы, жестокости. Смерть косила вождей и солдат, знаменитых и безвестных героев, простых и именитых граждан...

Но пройдет несколько десятилетий, и народы Испанской Америки изгонят колонизаторов, начнут залечивать свои раны, строить самостоятельную жизнь; устремясь в будущее, они вспомнят свое недавнее героическое прошлое.

И тогда имя Миранды засверкает золотыми буквами на памятниках и монументах, в названиях городов, площадей и улиц, в сердцах его соотечественников, всех народов многоликой Латинской Америки...



ПРЕДТЕЧА

Франсиско Миранду называют Предтечей латиноамериканской независимости, и это верно. Он первым заговорил о независимости испанских колоний в Америке, первым посвятил достижению этой цели свою жизнь.

Возможно, и до него были жители испанских колоний, мечтавшие об освобождении и независимости, но их имен нам не сохранила история. Различные антиколониальные движения — бунты, протесты местного населения, восстания, в том числе под руководством инки Кондорканки, носили местный характер, их целью было устранение отдельных несправедливостей, а не колониального режима как такового.

Идею независимости впервые выражает и формулирует Франсиско Миранда, и в этом его великая историческая заслуга. Миранда — зачинатель, предвестник той освободительной войны, пожар которой в конце концов охватит испанские колонии в Америке и откроет их населению трудный, но славный путь к независимому существованию.

Быть первым — это всегда трудно. Предтеча появляется задолго до того, как возникают условия для победы дела, которому он посвящает свою жизнь. Вначале число его врагов огромно, а число сторонников ничтожно. Его окружают непонимание, подозрительность, недоверие. Колоссальные препятствия преграждают ему путь, а сил и средств для их преодоления почти нет.

Как бы ни казалась безнадежной борьба, Предтеча останется верен своему идеалу до последнего вздоха, до последней минуты своей жизни. Как правило, Предтеча гибнет в борьбе за свой идеал. Победа и удача не его удел, наградой ему служит только

слава, да и та приходит к нему посмертно.

На первый взгляд может показаться, что все предприятия Миранды кончаются неудачами. Его служба в испанской армии завершается бегством в Соединенные Штаты, участие во французской революции в роли политика и полководца — поражениями, процессами и тюремным заключением, экспедиция в Венесуэлу в 1806 году — полным провалом, наконец, его деятельность как диктатора и генералиссимуса независимой Венесуэлы — катастрофой — капитуляцией и его собственной гибелью. Его надежды на помощь великих держав — соперниц Испании, в частности Англии, также не оправдались. Его проекты государственного устройства бывших колоний в виде конституционной монархии, в равной степени как и их объединение в единое «колумбийское» государство, оказались неосуществимыми.

Следует ли из этого, что Миранда был бесплодным мечтателем, оторванным от действительности фантазером, гениальным неудачником? Вовсе нет. Каракасец был не только трезво мыслящим человеком, но и реальным политиком. Если же присмотреться поближе и вдуматься поглубже в его действия и поступки, то можно прийти к выводу, что многие его поражения заключали в себе элементы победы.

Возьмем его карьеру в испанской армии, закончившуюся разрывом с Испанией и бегством в США. Разве это такое уж поражение? Оставаясь на службе Испании, Миранда мог в лучшем случае дослужиться до генеральского чина и, подобно Кахигалю, получить пост губернатора в одной из колоний. Но разве это был бы успех по сравнению с бессмертным званием «Предтечи латиноамериканской независимости», которое он себе завоевал, борясь против испанского колониализма? Да, Кахигаль занимал большие посты в испанской колониальной администрации, по в историю он вошел не благодаря своим заслугам испанского чиновника и генерала, а благодаря связи с неудачником Мирандой.

Или взять участие Миранды во французской революции. Он становится генералом в чрезвычайно тяжелый момент, когда революционная армия только что рождалась, очищаясь от предателей, терпя суровые поражения и неудачи. Приходится удивляться не тому, что Миранда в этих условиях проигрывал сражения, но тому, что он наряду с поражениями одерживали победы. А разве Миранда не проявил свою прозорливость, приняв активное участие во французской революции в самый критический момент, оценив ее как поворотный пункт в истории человечества? Дальновидность Миранды проявилась и в том, что

он правильно уловил значение французской революции для будущего испанских колоний. Он понял, что революция послужит толчком для развития освободительного движения в Южной Америке. Участие во французской революции сделало из Миранды республиканца, творца первой в Испанской Америке республики.

Величие Миранды заключается в том, что он правильно представлял себе конечную цель - завоевание независимости испанских колоний, хотя он ошибался относительно путей достижения этой цели. Это противоречие свойственно многим революционным деятелям прошлого, и Миранда в этом плане не представляет исключения.

Прав ли был Миранда, что возлагал столь большие надежды на помощь то России, то Соединенных Штатов, то Англии?… Жизнь не оправдала его надежд, однако он поступал разумно, когда стремился заручиться поддержкой иностранных держав, пытаясь дипломатически изолировать или ослабить Испанию. На примере Соединенных Штатов он видел, что борьба за независимость — это длительный и кровавый процесс. Если Вашингтон мог добиться победы только тогда, когда Франция и Испании оказали ему помощь оружием и войсками, могли ли жители Испанской Америки только собственными силами справиться с испанскими колонизаторами?

Дальнейшее развитие событий в испанских колониях показало, что отсутствие эффективной иностранной помощи, какой располагали английские колонисты в период американской революции, затянуло войну за независимость на долгие годы. И все же в конечном итоге не обошлось без помощи извне — участия корпуса иностранных волонтеров, сражавшихся под командованием Боливара и сыгравших видную роль в окончательном разгроме испанских армий в Южной Америке.

Предтеча верит в конечную победу своего дела, он должен быть закоренелым оптимистом. Его никто и ничто не могут разубедить в том, что дело, которому он посвятил себя, восторжествует: ни поражения, ни предательства, ни лишения и невзгоды, ни даже его собственная гибель. Ибо даже когда он гибнет, он верит, что дело его восторжествует после его смерти. Именно из такого металла отлиты борцы за правое дело, революционеры. Именно таким был Миранда.

Экспедиция Миранды в 1806 году в Венесуэлу, столь печально закончившаяся, может на первый взгляд показаться безответственной донкихотской затеей. Как мог Миранда надеяться на успех, на победу, располагая горсткой волонтеров, большинство которых были простыми наемниками, искавшими

наживы и легкой славы? Миранда мог надеяться потому, что он был... Мирандой! Будь каракасец «трезво мыслящим» человеком, он не бросил бы службу в испанской армии, не окунулся бы в бурные волны французской революции, не вступил бы в единоборство с испанской монархией, не сделал бы тысячу других вещей, которые обычно не совершают «благоразумные» люди. Если бы Миранда уподобился им, история не сохранила бы его имени для потомков.

Да, экспедиция в Коро не имела шансов на успех, она потерпела поражение. Но то, что она все же имела место, то, что нашелся человек, который осмелился вторгнуться в пределы Испанской Америки и водрузить на ее земле знамя независимости, явилось фактом огромного исторического значения. Экспедиция Миранды была предвестницей войны за независимость, а эта война, как известно, окончилась победой патриотов. Заслуга Миранды заключалась в том, что он отважился на эту разведку боем.

Наконец, деятельность Миранды на посту диктатора и главнокомандующего войсками независимой Венесуэлы, его капитуляция перед Монтеверде.

Современники, патриоты, продолжавшие борьбу против испанцев после капитуляции Сан-Матео, осуждали Миранду, более того, обвиняли его в предательстве. Это обвинение опровергнуто участью Миранды, уготованной ему испанцами после того, как подлинные предатели Лас—Касас и Пенья передали его Монтеверде, а тот переправил его в Ла-Карраку. Нет, Миранда никогда не был предателем, хотя он и мог ошибаться. Но так ли он ошибался в 1812 году, когда считал, что патриотам необходима передышка, чтобы накопить силы?

Разумеется, выполни Монтеверде взятые на себя обязательства, обеспечь он полную амнистию и свободу выезда патриотам, они и получили бы такую передышку. Ошибка Миранды заключалась не в том, что, соглашаясь на капитуляцию, он рассчитывал выиграть время, а в том, что он поверил Монтеверде, коварному и беспощадному врагу. Но, в свою очередь, кровавый урок, преподнесенный Монтеверде патриотам, вырыл непреодолимую пропасть между креолами и испанцами, окончательно разрушил иллюзии колеблющихся и нерешительных элементов, веривших до этого в возможность примирения с испаннами.

Зверства Монтеверде не оставили другого выбора креолам, как продолжать против испанцев войну до победного конца, войну насмерть, которую объявил им Боливар. Но даже ему, до того как добиться победы, неоднократно пришлось испить горечь

поражений. Сравнительно легко он разгромил Монтеверде в 1813 году и учредил вторую Венесуэльскую республику, но год спустя и его республика погибла, как погибла первая республика Миранды.

Вторую республику разрушили не столько испанцы, сколько жители степей — льянерос, которых сумели привлечь на свою сторону колонизаторы, пообещав разделить между ними земли богатых креолов. И лишь после того как Боливар отменил рабство и обещал крестьянам землю, ему удалось добиться перевеса над противником. Но до победы еще было далеко, и, чтобы достигнуть конечной цели, Боливару требовалась передышка. В 1820 году он был вынужден заключить перемирие с генералом Морильо, командующим испанскими карательными войсками. Оно во многом напоминало соглашение, которое Миранда предполагал заключить с Монтеверде. В упомянутом выше году в Испании произошла либеральная революция, восстановившая конституцию 1812 года. Теперь испанцы стремились различными посулами соблазнить патриотов, заставить их сложить оружие. Но за истекшие годы патриоты многому научились. Их уже нельзя было обмануть обещаниями. Они использовали новую конъюнктуру и заключили перемирие сроком на шесть месяцев. Оно предусматривало прекращение огня, обмен пленными и обязательство обеих сторон гуманизировать войну — не применять репрессий по отношению к гражданскому населению. Это перемирие действительно послужило патриотам передышкой, позволило им реорганизовать свои силы и накопить новые. Вслед за этим последовал рывок к победе.

Миранду можно считать первым латиноамериканским политическим деятелем континентального масштаба. В отличие от многих других участников освободительного движения он стремился к освобождению всей Испанской Америки, а не какой-либо ее отдельной части; он считал, что дело независимости касается жителей всех колоний, что освобождение придет в результате общеконтинентальной революции. По существу, так и произошло. Только тогда, когда в борьбу за независимость включилась большинство колоний, в освободительной борьбе произошел перелом, и судьба испанского владычества была решена.

Миранда правильно предвидел, что на начальном этапе освободительной борьбы ведущая роль будет принадлежать кабильдо, муниципалитетам, среди членов которых находились наиболее авторитетные креольские деятели. И не таким уж фантастическим был план Миранды объединить бывшие испанские колонии в федеративное государство Колумбию. Этого

добивался продолжатель его дела Симон Боливар, которому удалось создать под тем же названием Великой Колумбии, заимствованным у Миранды, федерацию из трех государств — Венесуэлы, Новой Гранады и Эквадора, к которой примыкали Перу и Боливия. Такое объединение оказалось тогда слишком громоздким для управления, возобладали местническне интересы, и Великая Колумбия распалась, оставив свое громкое имя в наследство Новой Гранаде.

Неустанно проповедуя в течение многих лет необходимость и доказывая возможность освобождения колоний от испанского гнета, Миранда оказался в этом вопросе более дальновидным и прозорливым политиком, чем многие из его прославленных современников…

Комментируя план Миранды завоевания независимости для испанских колоний, президент Соединенных Штатов Джон Адамс не без издевки писал в 1798 году, что подобные планы являются сущей химерой и равносильны «попытке учредить демократию среди птиц, животных и рыб». Адамс удивлялся, как это удалось Миранде «околдовать» такого прожженного политикана, как Питт, и заставить его поверить в возможность и необходимость «революционизировать» испанские владения в Америке. На поверку, однако, получилось, что в этом вопросе оказался прав Миранда, а вовсе не Джон Адамс: испанские колонии действительно «революционизировались», действительно добились независимости. Некоторые биографы Миранды говорят о его консерватизме, ссылаясь на то, что в своих проектах государственного устройства Колумбии он не шел дальше конституционной монархии. Они не учитывают, что эти проекты писались главным образом для сведения Питта и других влиятельных государственных деятелей Англии, для которых конституционно-монархический строй означал предел либерализма и вольнодумства. Миранда не мог его переступить, не рискуя потерять расположение своих английских друзей. В революционной Франции Миранда присоединяется к жирондистам, но, возможно, он присоединился бы к якобинцам, если бы последние не оттолкнула его от себя необоснованными обвинениями.

И все же, даже после того как якобинцы заточили его в тюрьму и чуть ли не подвели под гильотину, Миранда не только не изменяет своим свободолюбивым идеям, но, вернувшись в Венесуэлу, выступает там с наиболее демократических позиций по сравнению с другими деятелями. В 1812 году в Каракасе самой передовой политической организацией является республиканское Патриотическое общество, возглавляемое и вдохновляемое

Мирандой. Это он является главным застрельщиком идеи немедленного провозглашения независимости, это он обращается за поддержкой к народным низам Каракаса — неграм и мулатам, опираясь на которые Патриотическое общество заставляет Национальный конгресс провозгласить независимость и республику.

Мы не утверждаем, что Миранда был радикалом. Нет, у него мы не найдем ни требования отмены рабства, ни раздела земель среди крестьян. Но таких радикальных лидеров, пожалуй, в то время среди патриотов было только двое: на юге, в Буэнос—Айресе, секретарь патриотической хунты Мариано Морено, выступавший с откровенно якобинскими лозунгами, и на севере, в Мексике, Хосе Мария Морелос, вождь индейских масс. По сравнению же с другими руководителями движения за независимость, в особенности в Венесуэле в период первой республики, Миранда весьма радикален. Нельзя забывать и того, что для всех окружающих он был живым олицетворением свободы, равенства и братства, идеалов французской революцин.

Миранда после своего возвращения на родину в 1810 году показался некоторым своим соотечественникам высокомерным, надменным и самовлюбленным. Мундир французского революционного-генерала, в котором он ходил, золотая серьга в ухе, являвшаяся, по слухам, отличительным знаком принадлежности ее обладателя к жирондистским клубам, его энциклопедическая ученость — все это вместе взятое производило немалое впечатление на его окружение. Некоторых это поражало, многих раздражало.

Но все же следует признать, что доля правды в этих обвинениях имелась. Для Миранды, привыкшего к жизни крупнейших европейских столиц, общавшегося с выдающимися государственными и культурными деятелями Европы и Соединенных Штатов, привыкшему жить в окружении книг и произведений искусства, Каракас начала прошлого века должен был показаться захолустным и провинциальным городишком, а многие из его «столпов» — весьма посредственными и ограниченными людьми.

Колониальный режим душил духовную жизнь общества. Хотя в Каракасе и был университет, но таковым он являлся лишь по названию. Венесуэла вступает в освободительную войну без своих поэтов, писателей, ученых, политических деятелей. Только борьба за независимость порождает их. В этих условиях Миранда, генерал французской армии, друг Вашингтона, Рейналя, Екатерины II и Питта, чувствовал себя гигантом среди своих соотечественников. Он болезненно воспринимал критику в свой

адрес, требовал беспрекословного подчинения своим приказам, вызывая раздражение и недовольство самолюбивых и гордых креолов.

Такие конфликты были неизбежны. Слишком долго отсутствовал Миранда в Венесуэле, слишком он вырос за эти годы, чтобы уместиться в ограниченном мирке местных интересов, которыми жили многие каракасцы. Достойной ареной для него могла быть только вся Испанская Америка, а не его родной город и даже не вся Венесуэла. Но и в этом Миранда далеко не был одинок — так же впоследствии вели себя Боливар, Сан-Мартин и некоторые другие руководители войны за независимость, получившие образование в Европе или прошедшие европейскую школу жизни.

Миранда принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Как и многие самоучки, он был ненасытным пожирателем самых разнообразных книг. За годы жизни в Лондоне Миранда собрал одну из ценнейших и крупнейших частных библиотек в английской столице, насчитывавшей около 6 тысяч томов и оценивавшейся вскоре после его смерти в 9 тысяч фунтов стерлингов. В его книгохранилище имелось почти все, что было опубликовано на европейских языках об Испанской Америке, крупнейшие произведения мировой литературы, много книг по истории, философии, военному искусству, живописи, архитектуре, скульптуре, медицине, праву, экономике, естественным и другим наукам. Часть книг этой ценнейшей коллекции после завоевания независимости Венесуэлы была передана, согласно завещанию Миранды, в дар Каракасскому университету.

Кроме родного испанского языка, Миранда хорошо говорил по— английски, французски, итальянски, сносно знал древнегреческий. Писал же он, подобно многим своим современникам, с грамматическими ошибками на всех языках. Хотя и не обладая литературным даром, Миранда был неутомимым мемуаристом. Его эпистолярное наследие огромно. Дошедший до нас личный архив Миранды — ценный источник для изучения истории Европы и Америки последней четверти XVIII века и первого десятилетия XIX.

Нам остается рассказать о ближайших родственниках Миранды и об их дальнейшей судьбе. Сара Эндрюс пережила своего хозяина и возлюбленного почти на 40 лет. Она умерла в 50-х годах прошлого столетия, так никогда и не побывав в Венесуэле. Сара все эти годы провела в роли домоправительницы на Графтон-стрит, 27, где сперва проживали агенты венесуэльских патриотов, а потом помещалась венесуэльская дипломатическая

миссия. Ее сыновья - Леандр и Франсиско, как только оперились, покинули Лондон и направились на родину отца. Франсиско был ласково принят Боливаром и зачислен в число его адъютантов. К тому времени война за независимость кончилась. Молодой человек окунулся в бурную политическую жизнь Великой Колумбии. Судя по всему, он пользовался большим успехом у местных красавиц. Во всяком случае, из-за одной сеньориты он вызвал на дуэль местного голландского консула и убил его. Это была первая дуэль в истории Колумбийской республики, как не без гордости отмечают ее историки. Вскоре после смерти Боливара, в 1831 году, Франсиско за участие в неудавшемся перевороте был схвачен и расстрелян.

Иначе сложилась судьба первенца Миранды - Леандра. Хотя он поселился в Венесуэле, но от своего английского подданства не отказался. Связанный тесными узами с Англией, Леандр в течение многих лет занимал пост директора Английского банка в Каракасе и умер весьма состоятельным человеком в 1883 году.

Слава пришла к Миранде много лет спустя после его трагической смерти в каземате Ла-Карраки. Сперва она навестила его во Франции. В 1836 году, двадцать лет спустя после его кончины, в Париже была выстроена Триумфальная арка в честь знаменитых полководцев революции и наполеоновской империи. На ней были высечены имена всех прославленных маршалов и генералов той эпохи, в их числе Франсиско Миранды.

На своей родине каракасец удостоился признания значительно позже. Только в 1896 году, к восьмидесятилетию со дня его смерти, в Пантеоне героев освободительной борьбы в Каракасе была сооружена символическая гробница в его честь. Его именем был назван штат, примыкающий к столичному округу, улицы, площади, школы и многие другие учреждения. В 1916 году в ознаменование столетия со дня смерти Предтечи была выбита в его честь памятная медаль. Но подлинный апофеоз пришел к нашему герою только в 1950 году, когда в Венесуэле, Франции, Англии и других странах торжественно праздновалось двухсотлетие его рождения. Позднее, но заслуженное признание.

Постоянные смуты и гражданские войны, потрясавшие Венесуэлу после смерти Боливара, мешали объективной оценке многих событий ее истории и их действующих лиц. Что касается деятельности Миранды, то в немалой степени затрудняло ее оценку исчезновение его архива, единственного по своему значению источника, способного осветить многие неясные или спорные моменты биографии Предтечи. Этот источник был обнаружен только в 20-х годах нашего столетия. Его нашел американский историк Уильям С. Робертсон, перу которого

принадлежит первая научная биография нашего героя, изданная в 1929 году и не утратившая своего значения по сей день.

На родине Миранды первые его биографии появляются на свет в конце прошлого столетия. В XX столетии много сделал для изучения жизни и деятельности Миранды известный венесуэльский историк К. Перра—Перес, автор нескольких крупных работ, таких, как «Миранда и французская революция» (1925) и двухтомная «История первой Венесуэльской республики» (1959).

В России первым и, пожалуй, единственным крупным откликом на жизнь Миранды до революции была статья Василия Аркадьевича Тимирязева, брата знаменитого естествоиспытателя, который опубликовал в конце XIX века небольшую статью под весьма бойким названием «Авантюрист Старого и Нового Света», посвященную Миранде.

В советское время изучению жизни и деятельности Миранды много внимания уделил талантливый историк Владимир Михайлович Мирошевский (1905 - 1942). Представляет большой интерес его работа «Екатерина II и Франсиско Миранда», увидевшая свет в 1940 году, за два года до гибели автора — участника Великой Отечественной войны. Не утратила своего значения и другая крупная работа В. М. Мирошевского, «Освободительные движения в американских колониях Испании», изданная посмертно, в которой уделяется большое внимание связям Миранды с русским двором в последней четверти XVIII века. Обе эти работы были использованы автором при написании данной книги.

Человек, о котором русский посол в Лондоне Воронцов некогда писал, что его отличает непомерная страсть «освободить отечество свое Америку от ига Гишпанского», особенно близок нам, советским людям, ибо он, единственный изо всей плеяды Освободителей — вождей движения за независимость испанских колоний, не только был на протяжении многих лет тесно связан с русскими государственными деятелями, но и жил в России. Херсон, Киев, Москва, Петербург и другие русские города, русские люди и обычаи — все, что видел его любопытствующий и неутомимый глаз, оказалось запечатленным в его дневнике — этой поразительно правдивой летописи его жизни.

Вспоминая Франсиско Миранду, мы чтим в нем Предтечу освободительного движения в испанских колониях Америки, далекого предшественника современных борцов за национальное освобождение, символом которого на Американском континенте предстает перед нами социалистическая Куба, страна, откуда он некогда начал свой длинный путь, приведший его в Ла-Карраку и

— к бессмертию...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНСИСКО МИРАНДЫ

1750, 28 марта — Родился Себастьян-Франсиско Миранда в Каракасе, столице испанской колонии Венесуэлы.

1764 - Миранда поступает в Каракасский университет.

1771, 25 января — Миранда уезжает из Венесуэлы в Испанию, куда прибывает 1 марта.

1773 - Миранда поступает в испанскую армию в чине капитана.

1774—1775 — Миранда участвует в обороне крепости Мелильи в Испанском Марокко.

1775 — В конце года Миранда посещает занятый англичанами Гибралтар.

1776—1780 — Миранда служит в испанской армии, проживая в основном в Кадисе и Мадриде.

1780, 28 апреля — Миранда уезжает из Испании с испанским экспедиционным корпусом в Гавану, куда прибывает в начале августа. Назначается адъютантом генерала Кахигаля, губернатора Кубы. Вместе с испанскими войсками принимает участие в войне английских колоний в Северной Америке за независимость.

1781, апрель — Миранда участвует во взятии испанскими войсками английской крепости Пенсакола во Флориде. За боевые заслуги производится в подполковники. В мае направляется по поручению генерала Кахигаля на Ямайку, английскую колонию, где заключает с англичанами соглашение об обмене пленными. По возвращении из Ямайки таможенные власти на Кубе выдвигают против Миранды обвинение в соучастии в контрабанде.

1782, апрель — май — Участвует в захвате испанскими войсками Багамских островов, принадлежащих Англии. За заслуги в этой операции производится генералом Кахигалем в полковники. Однако ни предыдущий чин, ни этот не утверждаются мадридскими впастями.

1783 — Миранда привлекается к суду по обвинению в соучастии в контрабанде и Выдаче военных секретов англичанам. В течение нескольких месяцев Миранда скрывается, в затем бежит в Соединенные Штаты, куда прибывает 9 июля. В Соединенных Штатах Миранда остается до конца 1784 года. Посещает Ричмонд, Филадельфию, Бостон, Нью-Йорк и другие города, где

встречается со многими выдающимися деятелями американской революции, в том числе Вашингтоном, Гамильтоном, Томасом Пейном, Лафайетом, Джоном Адамсом и другими.

1785, 1 февраля — Миранда приезжает из Соединенных Штатов в Англию В августе Миранда начинает свое путешествие по Европе. До конца года он посещает Голландию, Пруссию, Австрию. Италию.

1786 — Миранда продолжает свое путешествие. Из Италии он едет в Грецию и Турцию, а оттуда в Россию. В сентябре приезжает в Херсон, где встречается с Потемкиным.

1787 — В январе совершает вместе с Потемкиным путешествие в Крым, затем едет в Киев, где его принимает Екатерина II. Из Киева направляется в Москву, а из Москвы в Петербург. Русское правительство обещает ему поддержку в борьбе за независимость испанских колоний. Миранда назначается полковником русской армии. 25 декабря уезжает из России через Кронштадт в Швецию.

1788 — Этот год Миранда проводит в Европе, путешествуя по Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Голландии, Бельгии, Швейцариии Италии, где встречается со многими выдающимися людьми своего времени.

1789 — Путешествует по Франции. В мае приезжает в Париж, который покидает 12 июня. 18 июня возвращается в Лондон. 14 июля— взятие Бастилии в Париже, начало французской революции.

1789—1792 — Миранда ведет переговоры в Лондоне с премьер-министром Уильямом Питтом-младшим об участии Англии в освобождении испанских колоний. Англия отказывается оказать Миранде помощь.

1792, 23 марта — Миранда приезжает в Париж в надежде заручиться поддержкой французского правительства. Принимает предложение французских властей вступить во французскую армию. В августе получает чин генерала и назначается командиром дивизии в Северную армию. 29 ноября французские войска под командованием Миранды берут Антверпен.

1793, 25 января — Казнь Людовика XVI. Провозглашение во Франции республики. 21 февраля Миранда начинает осаду Маастрихта, которую вынужден снять ввиду превосходящих сил противника. Выигрывает сражение у Тирлемона и терпит поражение у Неервиндена. В результате предательства командующего Северной армией Дюмурье, перебежавшего к врагу, французская армия, теснимая на всех фронтах противником, отходит из Голландии и Бельгии. Отступает также армия, которой командует Миранда.

Конвент вызывает Миранду для дачи показаний о ведении военных дел. 28 марта Мираида прибывает в Париж, где выступает перед Конвентом. 9 июня Миранду арестуют по обвинению в заговоре против республики и сношении с врагом. Революционный трибунал оправдывает Миранду, он выходит на свободу. Однако после прихода к власти Робеспьера вновь заключается в тюрьму, где содержится без суда и следствия до начала 1795 года.

1795, 17 января — По решению Конвента Миранда освобождается из заключения. Живет в Париже, где организует креолов-патриотов для борьбы за независимость испанских колоний.

1796, конец года — Состоявшееся в Париже совещание патриотов из различных испанских колоний избирает Миранду своим представителем в Европе.

1797, январь — Миранда возвращается в Лондон, где вновь вступает в переговоры с английским правительством о поддержке движения за независимость испанских колоний. Несмотря на обещания английского правительства поддержать Миранду, ему не удается добиться от англичан конкретнои помощи.

1800, 30 ноября - Миранда приезжает в Париж, где пытается установить связь с французским правительством с целью добиться поддержки в борьбе за независимость испанских колонии.

1801, март — Миранда по распоряжению Фуше арестовывается. Ему предъявляется обвинение в том, что он агент Уильяма Питта-младшего. После шестидневного заключения Миранда освобождается и высылается за пределы Франции. Он вновь возвращается в Лондон.

1801-4805 — Миранда живет в Лондоне, откуда поддерживает связь с патриотами в испанских колониях Америки, где подготавливает освободительную экспедицию в Южную Америку с участием англичан.

1802 — Миранда встречает Сару Эндрюс.

1803 — Рождение Леандра, первенца Миранды.

1805, 2 сентября — Миранда покидает Англию и 9 ноября прибывает в Нью-Йорк, где готовит освободительную экспедицию в Венесуэлу. Рождение Франсиско, второго сына Миранды.

1806, 2 февраля — Экспедиционное судно «Леандр» с волонтерами и Мирандой на борту направляется из Нью-Йорка к берегам Венесуэлы. 3 августа Миранда во главе волонтеров высаживается в Венесуэле и освобождает города Велу и Коро. 13 августа Миранда и волонтеры покидают берега Венесуэлы.

1806—4807 — Миранда проводит на Антильских островах. 24 октября 1807 года Миранда оставляет Тринидад и уезжает в

Лондон, куда прибывает 31 декабря.

1808 - Начало французской оккупации Испании. Образование Центральной хунты в Севилье. Миранда обращается к кабильдо в испанских колониях с призывом бороться за независимость. Возникновение первых патриотических хунт в Южной Америке.

1809 — Антииспанские восстания в Горном Перу и Кито.

1810 — Миранда издает в Лондоне журнал «Эль Коломбиано», выступающий за независимость испанских колоний. С 15 марта по 15 мая выходят 5 номеров «Эль Коломбиано». 19 апреля народ Каракаса свергает генерал-капитана и создает патриотическую хунту. 25 мая — создание в Буэнос-Айресе патриотической хунты. 10 июля — прибытие в Англию делегатов каракасской хунты во главе с Симоном Боливаром. 10 октября Миранда покидает Англию, 11 декабря он высаживается в порту Ла-Гуайра.

1811 — Миранда назначается генерал-лейтенантом патриотической армии свободной Венесуэлы. Избирается депутатом и вице—президентом Национального конгресса, президентом Патриотического общества. В июне руководит подавлением происпанского мятежа в городе Валенсии. 5 июня — провозглашение Национальным конгрессом независимости Венесуэлы. 28 декабря принятие Национальным конгрессом республиканской конституции.

1812, 26 март - Землетрясение в Венесуэле. В апреле Миранда назначается генералиссимусом венесуэльской армии и наделяется диктаторскими полномочиями. В мае Миранда ведет бои против испанских мятежников, возглавляемых капитаном Монтеверде. 4 июня — восстание рабов на юге от Каракаса. 30 июля испанцы овладевают крепостью Пузрто-Кабельо. 25 июля в Сан-Матео подписывается акт о капитуляции венесуэльской армии. Арест Миранды в ночь с 30 на 31 июня в Ла-Гуайре. 31 июня Миранда передается испанским властям и заключается, в тюрьму в Ла-Гуайре.

1813 — В начале года Миранда переводится в крепость Пуэрто—Кабельо. В июле высылается из Венесуэлы в Пуэрто-Рико, где содержится в крепости.

1814 — В январе прибывает в Кадис (Испания), где заключается в тюрьму Ла-Каррака.

1816, 14 июля — Смерть Миранды в Ла-Карраке.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Альперович М. С. Великая французская революция XVIII в. Испанские колонии в Америке. «Новая и новейшая история», 1965, .№ 1.

Лаврецкий И., Боливар. М., 1960.

Венесуэлец в екатерининской России. «Литературное наследство», т. 9—10, М., 1933.

Майский И. М., Испания. 1808—1917. М., 1957.

Мирошевский В. М„ Освободительные движения в амер риканских колониях Испании. от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). М_—Л., 1946.

Мирошевский В. М., Екатерина II и Франсиско Миранда. «Историк-марксист», 1940, № 2.

Слезкин Л. Ю., России и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.

Тимирязев В. А., Авантюрист Старого и Нового Света. «Исторический вестник», 1895, апрель, стр. 246—259.

Шур Л. А., Россия и Латинская Америка. М., 1964.

Archivo del General Miranda. 24 V. 1—15. Caracas, 1929—1938; 16—24. La Habana, 1950.

Correspondance Du Général Miranda Avec Le Général Dumourier, Les Ministres De La Guerre, Pache Et Beurnonville, Depuis Janvier 1793. Paris s. L.

Le Général Miranda a la representacion national. Paris, 1795.

Lettres des généraux Miranda, d'Arcon et Valence au Ministre de la guerre, imprimé pour ordre de la convention national. Paris, 1793.

Libro de Actas del Supremo Congreso de Venezuela 1811-1812. V. 1-11. Caracas, 1959.

Miranda á ses concitoyens. Discours que je me proposais de prononcer á la convention national, le 29 mars dernjer. Paris, 1793.

Miranda, Francisco de. Textos sobre la independencia. Caracas, 1939.

Opinion du général Miranda sur la situation actuelle de la France, et sur les remèdes convenables à ses maux. Paris, 1795.

Textos oficiales de la primera República de Venezuela. V. 1-2. Caracas, 1959.

Antepara, J.M. South American emancipation. Documents, historical and explanatory, shewing the desings wich have been in progress, the exertions made by Général Miranda, for thr South American Emansipations, during the last twenty five years.

Becerra R. Ensayo Histórico Documentado de la Vida de Don Francisco de Miranda. 1-2 vol. Caracas, 1896.

Chauveau Lagarde, C.I. Plaidoyer pour le général Miranda... Paris, 1793.

Biggs J., The history of don Francisco de Miranda's attempt to effect a revolution in South America, in a series of letters... to wich are annexed, sketches of the life of Miranda, and geographical notices of Caracas... The second ed. Boston, 1810.

Boulton A., Miranda, Bolivar y Sucre. Tres estudios iconograficos. Caracas, 1959.

Carrasco R., Francisco Miranda, el Precursor de la Independencia Hispanoamericana, 1750-1792. Buenos Aires, 1951.

Gálvez M., Don Francisco de Miranda. El más universal de los americanos. Buenos Aires, 1947.

Grisanti A., El proceso contra don Sebastian de Miranda, padre del precursor de la independencia continental. Caracas, 1950.

Grisanti A., Miranda y la Emperatriz Catalina la Grande. Caracas, 1928.

Grisanti J. E. ed., Miranda juzgado por los funcionarios espanoles de su tiempo. Caracas, 1954.

Hoenigsberg J., La Prisión de Miranda. Baranquilla, 1959.

Lloyd Th., The trials of William S. Smith and Samuel G. Ogden, for misdemeanours, had in the circuit court of the United States, for the New York district, in July, 1806. New York, 1807.

Nucete-Sardi J., Aventura y tragedia de don Francisco de Miranda. Caracas, 1956.

Parra Perez C., Miranda et la Révolution Francaise. Paris, 1925.

Parra Perez C., Miranda et Madam de Custin. Paris, 1950.

Parra Perez C., Historia de la Primera República de Venezuela. V. 1-2. Caracas, 1959.

Pérez Cabrera J. M., Miranda en Cuba (1780-1783). La Habana, 1950.

Picón Salas M., Miranda. Buenos Aires, 1946.

Robertson W. S., The Life of Miranda. V. 1-2. Chapel Hill, 1929.

Sherman J.H., A general account of Miranda's expedicion. Including the trial and execution of ten of his officers... New York, 1808.

Smith M., History of the adventures and suffering of Moses Smith, during five years of his life from the beginning of the year 1806 when he was nonsuited in an action at law which lasted three years and a half to wich is annexed a biographical sketch of general Miranda. Albany, 1814.

notes

Примечания

1

Командующий французским экспедиционным корпусом в Сан-Доминго, высланный в конце 1794 года с острова комиссарами-якобинцами за репрессивную деятельность против местного населення.

2

Герговия — город в древней Галлии, у стен которого галльский полководец Верцингеторикс нанес поражение армии Цезаря.